

ЦИВЬЯ ЛЮБЕТКИН • В ДНИ ГИБЕЛИ И ВОССТАНИЯ

ЦИВЬЯ ЛЮБЕТКИН
**В ДНИ ГИБЕЛИ
И ВОССТАНИЯ**

Цивья Любеткин

**В ДНИ
ГИБЕЛИ И ВОССТАНИЯ**

"This book was published with the cooperation of the World ORT Union in commemoration of ORT's activists, teachers and pupils who were killed resisting the Nazi German occupier, and those who perished in the ghettos and concentration camps during the holocaust".

Цивья Любеткин

Цивья Любеткин

**В ДНИ
ГИБЕЛИ
И ВОССТАНИЯ**

**Издательства:
БИБЛИОТЕКА-АЛИЯ
БЕТ ЛОХАМЕЙ ХА-ГЕТТАОТ
1982**

**צביה לובטקין
בימי כליון ומרד**

**Zivia Lubetkin
In the Days of
Destruction and Revolt**

Перевел с иврита А. Белов
Именной указатель составил И. Цукерман
Редактор С. Шенбрунн

Printed in Israel

©

All rights reserved

כל הזכויות שמורות
לספרית-עליה
ת.ד. 7422, ירושלים
היוצאת לאור בסיוע:
האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים

סודר בדפוס אקספרס בע"מ
ת.ד. 27166, ירושלים

Цивья Любеткин — одна из немногих оставшихся в живых руководителей восстания в Варшавском гетто.

Книга "В дни гибели и восстания" составлена по материалам ее выступлений и докладов, сделанных сразу же по приезде в Страну. Текст выступления на конференции "Хакиббуц хамеухад"* , состоявшейся 7 июня 1946 года в киббуце Ягур, тогда же частично был опубликован в газете "Давар" и других периодических изданиях. В дальнейшем эти публикации были объединены и несколько дополнены.

Книга является важным историческим документом, рассказывающим о халуцианском движении в предвоенной Польше, о трагической гибели польского еврейства в годы немецкой оккупации, о создании Еврейской боевой организации и деятельности борцов еврейского сопротивления, а также о польском восстании 1944 года, в котором Ц. Любеткин принимала участие в составе отряда Еврейской боевой организации.

По желанию автора книга была издана (на иврите) лишь после ее смерти — в 1979 году. В подготовке текста к печати приняли участие Шломо Дерех, Иехуда Гельман, Ицхак Цукерман и Иосеф Рабинович.

Книга снабжена именованным указателем, в котором приводятся краткие биографические данные почти двухсот человек — в основном членов Еврейской боевой организации и участников сопротивления. Составленный Ицхаком Цукерманом**, выдающимся орга-

* Крупнейшее киббуцное объединение Израиля.

**Ицхак Цукерман скончался в июне 1981 года и похоронен в киббуце Лохамей Хагеттаот.

низатором и командиром восстания, именной указатель является важной частью книги. Помимо чисто справочного материала, он содержит прекрасную характеристику эпохи.

В подготовке русского издания принимали участие Цви Шнер и Шломо Эвен-Шошан.

ПЕЧАЛЬ ВСТРЕЧИ

Грустно мне на этой встрече.

Двенадцать лет я мечтала о ней. Многие несомненно помнят, чем была для каждого из вас первая встреча со Страной, с товарищами, с киббуцом. И все же никто не в силах даже представить себе, что означает эта встреча для меня, когда, помимо всего прочего, за плечами шесть таких лет... Ведь мы не смели даже надеяться, что кто-то из нас когда-нибудь еще встретится с вами...

Конечно, сама встреча вселяет бодрость, рождает ощущение силы. И все же я не могу сказать, что на сердце у меня радостно. Передо мной проходят образы людей – близких и совсем незнакомых – образы сотен, тысяч, миллионов евреев, которых больше нет. Эти испепеляющие душу воспоминания сопровождают меня на каждом шагу.

Печально. Не думала я, что так мы встретимся, что я буду единственной из миллионов, кто уцелеет. Не думали мы и о том, что даже тех немногих, что уцелеют, не будет здесь с нами. Мы не предполагали, что, выйдя из подполья на волю, застанем мир таким, каков он сегодня.

Тяжело мне говорить. Есть, видимо, какой-то предел для переживаний и потрясений, которые человек может вобрать в себя. Не верила я, что смогу нести все это в своей душе и продолжать жить. В той действительности, где нас окружали развалины и гибель, где не оставалось ни малейшего проблеска надежды, ни малейшего признака того, что есть еще на земле люди, сохранившие человеческий облик,

где мы уже потеряли способность чувствовать и испытывать потрясения, – единственной силой, которая нас поддерживала и укрепляла, были вы: страна, ишув, рабочее движение, киббуц, наш дом.

Я не в силах рассказать, что означал этот дом для нас. Не преувеличу, если скажу, что те одиночки, те немногие, что остались в живых, уцелели только благодаря вам. В течение этих шести лет нам не раз казалось, что нет смысла жить, что единственный достойный выход – это самоубийство. И только сознание того, что там, в далекой стране, есть товарищи, есть дом, где думают и заботятся о нас, только это чувство сохранило нам жизнь.

Я не нахожу слов, чтобы выразить то, что у меня на сердце. Слова обесценились, потеряли свою достоверность. Ведь теми же словами мы пользовались и до войны, и в начале, и в разгар ее. И к тем же самым словам мы вынуждены прибегать и сейчас, когда все это уже позади. Я все же попытаюсь описать те страшные события, чтобы вы, услышав, могли обо всем судить сами.

В СОВЕТСКОЙ ЗОНЕ

31 декабря 1939 года группа товарищей, активистов халуцианского движения "Фрайхайд — Хехалуц ха-цаир" собралась в квартире Оскара Гендлера на улице Дунина-Борковского, во Львове*. Это была первая конференция нашего движения, возрождавшегося в условиях подполья на территориях, присоединенных к Советскому Союзу. Собрались активисты из восточ-

* За несколько дней до вторжения немецких войск в Польшу Цивья вместе с другими делегатами организации "Хехалуц" вернулась из Женевы, где состоялся XXI сионистский конгресс. В ту пору уже всюду ощущалась угроза надвигающейся войны.

Сразу же начались горячие споры, какими путями должно действовать халуцианское движение в чрезвычайных обстоятельствах. Было решено, что делегаты из Эрец-Исраэль немедленно покинут Польшу и вернуться в Страну. Был избран резервный Центральный Комитет, состоявший исключительно из девушек, — на тот случай, если все парни будут мобилизованы в армию. Цивья вошла в этот Центр.

7 сентября все мужчины были мобилизованы и отправлены на Восток. Цивье и Эдеку Головнеру было поручено ликвидировать санаторий "Хехалуца" в Юзефове и эвакуировать из Грохува в восточные районы товарищей, выходцев из Германии. Когда выяснилось, что из Грохува все уже выехали, Цивья и Эдек пошли пешком в Ковель. Там они занялись приемом людей из Центра и из киббуцов-хахшара, которые брели на Восток по дорогам Польши, подвергавшимся интенсивной бомбежке.

После 17 сентября, когда Красная Армия вступила в Польшу, Цивье и другим товарищам было поручено выйти к румынской границе, чтобы оттуда проложить путь в Эрец-

ных воеводств Польши, которые после 17 сентября 1939 года оказались под властью Советов. Перед моими глазами стоят Гершл Плотницкий, младший брат Фрумки и Ханчи, Неша Цукер, Шейндл Шварц, Цви Мерсик, Эдек Головнер, Ицхак Цукерман, Дов Бергер, Нехемья Гросс, Оскар Гендлер, Рахель Фогельман и другие товарищи. Исключением в этой группе был Юдка Гельман — посланец Эрец-Исраэль, член киббуца Гват — единственный из посланцев, отказавшийся выполнить решение организации "Хехалуц". Когда разразилась война, Центр в Варшаве постановил, что все члены палестинской делегации должны немедленно оставить Польшу. Юдка не последовал за товарищами, ждавшими его на румынской границе, а остался с нами на востоке оккупированной, покоренной и растерзанной Польши. Полгода он работал вместе с нами над восстановлением халуцианского подполья на территориях, присоединенных к Советскому Союзу.

Мы постарались, чтобы наша встреча выглядела обыкновенной новогодней пирушкой — закусывали, пили и даже горланили песни. Но между одним тостом и другим беседовали о нашем движении и о ближайших перспективах. Мы пытались подытожить все, что было сделано за последние месяцы, и наметить планы на будущее в новых условиях.

Товарищи рассказывали: в районах Польши, отошедших к Советскому Союзу, среди еврейской молодежи растет соблазн вступить в комсомол. Но в наших

Исраэль. Цивья должна была также побывать в городах и местечках восточной Польши и направлять товарищей из "Хехалуца" на юг, к румынской границе и на север — в сторону Вильнюса.

Спустя четыре месяца во Львове была проведена нелегальная конференция активистов движения "Дрор". Центр решил удовлетворить просьбу Фрумки Плотницкой и направить Цивью к ней на помощь в немецкую зону оккупации.

С этой конференции Цивья и начинает свой рассказ. (Прим. ред.).

рядах, среди халуцианской молодежи, усилилась воля к сплочению. В отделениях появились крепкие, хорошо организованные группы, и наши товарищи, особенно молодые, проявляют необычайную самоотверженность и преданность движению.

На конференции были подняты вопросы, от решения которых зависела судьба "Хехалуца": каков будет облик нашего движения в условиях подполья? Не грозит ли нам опасность возникновения контрреволюционных тенденций — ведь мы действуем подпольно в революционной России... И еще: каково будущее нашего движения в условиях преследований и жестоких антисионистских законов, которые несомненно вскоре дадут себя чувствовать? Удастся ли нам удержать свои позиции и продвинуться вперед? Эти и другие вопросы волновали всех участников конференции. Нас мучили сомнения...

Но, вопреки всему, эта конференция придала нам бодрости. Появилось желание работать еще энергичнее, усилить свою деятельность. И хотя мы не знали, какие сюрпризы преподнесет нам судьба, одно мы усвоили твердо: нельзя прекращать халуцианского движения, пусть даже по необходимости подпольного.

В итоге обсуждения были намечены две основные линии действия: поиски путей в Эрец-Исраэль и возобновление молодежного движения с целью сохранить в новых условиях подполья сионистский огонек, не дать ему погаснуть.

Во время встречи было решено присвоить новое название созданному нами подпольному движению: "Организация халуцианско-социалистической молодежи Дрор (Свобода)", или для краткости просто — "Дрор". Новое название было сразу же одобрено и подпольным движением на территориях, оккупированных немцами.

Вечером после конференции я попрощалась с товарищами. Тяжелым было расставание — короткий период работы в подполье очень сдружил нас. Как

сумасшедшие, рискуя жизнью, мчались мы по дорогам, дабы собрать уцелевших членов организации; переезжали из города в город, чтобы найти нужный адрес и познакомиться с товарищами, никогда не знали, что готовит нам день грядущий, но всегда чувствовали, что если, вопреки всему, благополучно вернемся с тяжелой дороги, нас ждут дом, друзья, близкие товарищи.

Вдохновленные встречей на конференции, мы находились в приподнятом настроении. В то же время сердце сжимало тяжелое предчувствие: вот кончилась конференция и товарищи возвращаются к себе, но доведется ли нам еще встретиться?.. Может быть, завтра мы узнаем, что кто-то арестован, а кто-то сослан. Ведь еще на конференции ребята рассказывали, что за ними следят в местечках, копаются в их прошлом, допрашивают знакомых.

Мысли о моем собственном будущем тоже тревожили меня: мне было поручено перейти в немецкую зону оккупации — смогу ли я жить под властью нацистов? Еще в первые дни войны из уст в уста передавались рассказы о том, как немцы издеваются над евреями, избивают их до смерти, унижают... Смогу ли я выдержать, устоять? Печальные мысли не оставляли меня весь вечер.

Товарищи проводили меня до вокзала. Поезд с грохотом подкатил к перрону. Люди бросились, толкаясь, к вагонам. Рукопожатия, невольная слеза, блеснувшая в глазах друзей, и вот я уже в вагоне. Поезд тронулся и понес меня далеко, далеко от моих товарищей.

В НЕМЕЦКОЙ ЗОНЕ

Я должна была попасть в Белосток. В свое время к нам во Львов прибыл поляк из Варшавы с рекомендательным письмом от Фрумки Плотницкой. Она писала, что мы можем полагаться на этого парня. Он контрабандист, и с его помощью можно пересечь границу. Это надежный человек. Ведь были и такие, что брали у евреев деньги, а потом, заведя в лес, — грабили их, раздевали донага и бросали на произвол судьбы.

В соответствии с рекомендацией Фрумки я договорилась с этим поляком, что он меня переправит в немецкую зону. Мы условились встретиться с ним в Белостоке, а уж оттуда двигаться дальше. Я без труда разыскала его в Белостоке, и он присоединил меня к группе молодых студентов-поляков, которые бежали от советской власти. Хотя они знали, что ждет их в Польше, оккупированной нацистами, тем не менее они предпочитали немцев советскому режиму.

Всю ночь, после короткой поездки поездом в сторону границы до разрушенного местечка Чижев, мы петляли по каким-то тропкам в незнакомой местности, временами проваливаясь по пояс в снег. На каждом шагу нас подстерегали опасности. Но мои спутники молили Бога лишь об одном: если их схватят, то пусть это будут немцы, а не большевики, которых они люто ненавидели. Они полагали, что и я думаю так же, а на самом деле я трепетала при одной мысли, что меня, упаси Господи, поймают нацисты.

С рассветом мы благополучно достигли желанной цели — пограничной деревни Малкинья, находившейся в немецкой оккупационной зоне. Здесь отношение

ко мне моих спутников резко изменилось. Раньше они были учтивы, вежливы, даже проявляли заботу. Они, видимо, думали, что если попадут в руки советских пограничников, то я, еврейка, смогу их защитить. Но когда мы перешли границу, они вдруг обнаружили, что я — существо низшее и ко мне надо относиться как к еврейке...

На станции было много беженцев. Евреи теснились в задней части вокзала, в уголке, стараясь быть неприметными. Но вот ворвался немец и с дикими криками набросился на евреев, залепил несколько пощечин и выгнал всех со станции. "Еврейам, — кричал он, — запрещено находиться на станции вместе с поляками и немцами..." Мои бывшие попутчики тоже заворчали сначала тихо, а потом — все громче: "Она тоже еврейка, ее тоже надо убрать отсюда..."

Я стиснула зубы и не тронулась с места. Им назло я осталась на станции. И когда прибыл поезд, вместе со всеми я втиснулась в товарный вагон и поехала в Варшаву.

Всего один день, как я оставила советскую зону, но до чего же все изменилось... Только вчера я шагала по улицам Львова и Белостока с высоко поднятой головой. Я была там гордой девушкой. А тут, с первой же минуты, мной овладело чувство подавленности и унижения. Тогда-то я поняла, что понадобится много сил, чтобы в этом враждебном окружении сохранить человеческое достоинство и тоже шагать с поднятой головой.

Мы ехали всю ночь. Теснота была жуткая. Страх перед немцами испытывали все пассажиры, не исключая и поляков. Немцы, появляясь в вагоне, грубо толкали пассажиров, орали и ругались. Евреи испуганно жались по углам и старались держаться друг друга. Им приходилось опасаться не только немцев, но и поляков — издеваясь над евреями, поляки будто вознаграждали себя за те унижения, которые терпели от "господ немцев".

В сумраке вагона невозможно было различить лиц

пассажиров. Но вот кто-то горестно вздохнул, и поляки тотчас смекнули, что это еврей. Несколько человек сразу закричали: "Уберите его отсюда! Среди нас еврей! Он занимает в вагоне наше место!" — И обнаружив бедолагу, они набросились на него с кулаками, избили и вышвырнули из вагона...

Так я ехала всю ночь... Под утро мы прибыли в Варшаву.

Улицы полны прохожих, в основном поляков. Но попадаются и евреи — со "знаком позора" на рукаве: белая лента с синим щитом Давида. Они спешат, пробегают, с опаской поглядывая на прохожих... Потрясенная этим зрелищем, я застыла на месте. Первая мысль, промелькнувшая в голове: как я смогу выдержать такое унижение? Эти евреи, возможно, уже примирились с повязкой, символизирующей их приниженность... "А может быть, — подумала я затем, — они носят этот знак с гордостью, в душе своей презирая мучителей..."

Вместо того, чтобы ехать трамваем, я пошла пешком. Хотелось снова увидеть знакомые улицы. Я покинула Варшаву 7 сентября 1939 года, через неделю после начала войны, когда польские власти приказали всем молодым жителям столицы отправиться на восток. Во время наших скитаний по дорогам агонизирующей Польши мы наслушались рассказов о страшных бомбежках Варшавы, превративших ее в руины. В своем воображении я представляла, что застану одни развалины. И велико было мое удивление, когда я обнаружила, что Варшава стоит как стояла, лишь кое-где попадаются разрушенные дома. На центральных улицах полно народа, открыты магазины, идет бойкая торговля. И настроение у жителей как будто неплохое — словно ничего и не произошло... А ведь прошло лишь четыре месяца после полного разгрома Польши. Единственной зримой приметой того, что поляки потеряли независимость, были усиленные немецкие патрули, которых все боялись.

Картина коренным образом изменилась, когда я

вошла в еврейский квартал, на улицы Новолипки, Налевки, Генша и другие. Вот улица Генша, дом 14. Здания уже не существует. Вот здесь стояли ворота... Тут был дом "Хехалуца", тут находился центр "Поалей Цион", совсем недавно мы сидели здесь и планировали свои действия на случай, если разразится война... Тогда мы были уверены, что Польша сможет сопротивляться немцам, по крайней мере, в течение нескольких месяцев, и наши парни будут мобилизованы в армию. Потому-то мы возложили руководство на девушек. Предполагая, что западная часть Польши будет скоро оккупирована, мы и решили перебазировать Центр в восточные воеводства, чтобы оттуда руководить всей деятельностью. Но все наши планы и расчеты оказались построенными на песке. Польша была разгромлена в первые же недели. Теперь я вернулась в Варшаву и стою возле ворот того же дома, а передо мной — груда развалин... Все пошло прахом.

Как мало на улице евреев! Вот появился один. Он высовывает голову из ворот, оглядывается нет ли поблизости немцев и убедившись, что нет, стремительно бежит, перепуганный и бледный, к другим воротам... На рукаве его ленточка... Сердце мое сжимается: горе мне, что я вижу своих братьев в таком положении. Я бегу домой — на улицу Дзельная. Мне кажется, что там я найду тепло и уют, встречу товарищей, увижу совсем других евреев...

И вот я уже возле дома 34 по улице Дзельной. Те же ворота, та же лестница. Торопливо поднимаюсь по ней, а сердце колотится от волнения. Стучу в дверь. Мне открывает Цви Куцер.

В первую минуту, увидев меня, он был ошеломлен, но искренне обрадовался моему появлению. Меня сразу окружили товарищи и начали рассказывать о своей жизни.

Цви Куцер, член киббуца-хахшара в Грохуве*,

*Хахшара (ивр.) — подготовка. Киббуцы-хахшара на территории довоенной Польши занимались подготовкой групп

остался в Варшаве, хотя большая часть ребят перешла на Восток. В то время, когда наши киббуцники скитались вместе с другими евреями по дорогам Польши, Цви старался помочь тем беженцам, которые оказались в Варшаве. Здесь застрял кое-кто из киббуцов Бендзина, Лодзи, Кельце, Ченстоховы и других мест. Товарищи много рассказывали о самоотверженности Цви. Во время бомбежек он, под градом осколков, пробегал по многу километров, лишь бы принести воды больному или раненому товарищу. Общественный транспорт бездействовал, а система водоснабжения была почти полностью разрушена. В Варшаве застряли группы из нескольких киббуцов и отдельные товарищи, которым не удалось перебраться на Восток. В этом доме обосновалась коммуна активистов Центра "Хехалуца". В довоенное время тут жило несколько десятков человек, а теперь здесь нашли убежище сотни товарищей со всех концов страны.

Здесь же, на улице Дзельной, я увидела Фрумку Плотницкую. Она вернулась из советской зоны три месяца назад и за это время успела многое сделать. Фрумка побывала в Лодзи, Бендзине и других местах.

После общей радостной встречи мы с ней уединились, и она рассказала мне подробно о том, что здесь происходит. Остатки нашего киббуца в Лодзи так и застряли там. А чтобы попасть в Лодзь, надо было перейти границу между Генерал-губернаторством и Рейхом, потому что Лодзь, переименованная в Лицманштадт, была присоединена немцами к Третьему Рейху. Фрумка переделалась крестьянкой и таким образом ей удалось пересечь границу и попасть в киббуц. Там она, действительно, обнаружила группу товарищей. Они рассказали ей, что сразу как вспыхнула война и немцы стали приближаться к Лодзи,

еврейской молодежи к переезду в Палестину и работе на земле. Грохув — киббуц-хахшара в предместье Варшавы.

было решено, что киббуц должен покинуть город. Но одна из групп, состоявшая преимущественно из девушек, ни за что не соглашалась с этим. "Мы так много трудились, строя свой киббуц, — заявили они, — что не можем сейчас все бросить на произвол судьбы". И хотя все боялись немцев и тысячи местных жителей, как евреев, так и поляков, удрали из города, эта группа осталась на месте. Среди них была Ханча Плотницкая, младшая сестра Фрумки, Ривка Гланц, Иосеф Корнянский, Лея Перлштейн и другие. Пока что они кое-как устроились. Их киббуцная швейная мастерская сейчас работает на немцев.

Тот факт, что есть организованный коллектив людей, работающих и живущих совместно, удивил даже немцев и повлиял на их отношение к киббуцу. Не раз Лея Перлштейн категорически противилась попыткам оккупантов унести ценные вещи из мастерской, и в конце концов они отступились. Речь идет, конечно, о положении в конце 1939 года.

С первых дней оккупации начались аресты евреев. Хотели арестовать и Иосефа Корнянского. Немцы вошли в мастерскую во время работы, собрали всех и, в соответствии со своим списком, потребовали Иосефа. Киббуцники все, как один, в том числе и Иосеф, ответили спокойно: Иосефа Корнянского здесь нет, он с остальными членами киббуца пошел на Восток. Этот решительный ответ убедил немцев, и так Иосеф спасся от верной смерти. Назавтра он оставил Лодзь и отправился в Варшаву.

Фрумка рассказала также о Бендзине. Там снова образовалась группа из 40—50 товарищей, среди которых находится Гершл Шпрингер. Они работают в киббуцной прачечной и на ряде городских предприятий, помогают беженцам и питаются в общественной благотворительной столовой, специально для них созданной. Вокруг них концентрируется молодежь города. И многие другие члены халуцианского

движения тянутся к киббуцу, находя здесь душевное тепло и моральную поддержку.

Затем она рассказала о попытках найти путь в Эрец-Исраэль. Ей известно, что через город Освенцим (немцы называют его Аушвицом) можно перейти границу со Словакией — новым марионеточным государством, созданным немцами на развалинах Чехословакии. Она проверила и оказалось, что действительно есть возможность нелегального перехода в "свободную" Словакию. Через несколько дней Лея Перлштейн отправится в Бендзин, чтобы окончательно договориться с местными контрабандистами. Через некоторое время первые группы товарищей будут переправлены через границу.

Оказалось, что Фрумка не только много работает с уцелевшими и разрозненными группами халуцим, разыскивает наших людей, стремится возродить работу организации, ищет новые пути в Эрец-Исраэль, но и активно действует среди еврейских городских масс.

В Варшаве в ту пору оказались десятки тысяч беженцев со всех концов Польши без крова и без пищи. Фрумка всецело отдалась оказанию помощи им. Впоследствии я видела своими глазами, как к ней отовсюду стекаются евреи за содействием и советом. Один спрашивает, стоит ли ему вернуться на прежнее местожительство или лучше перейти в советскую зону. Другой просит немного еды для жены и детей. Ее называют "нашей мамой", и она действительно похожа на добрую и заботливую мать. Она всегда среди народа и живет его интересами. Кому-то она устраивает горячий завтрак в общественной кухне, кому-то находит работу, чтобы он мог поддержать свою семью. Она пользовалась заметным влиянием в еврейской Варшаве. Сам факт, что многие из руководящих еврейских деятелей навсегда покинули Варшаву, она же, в отличие от них, вернулась в город, сделал ее очень популярной.

На Дзельной я обнаружила товарищей из многих

киббуцов и уже в первые дни пребывания среди них почувствовала, что здесь совсем другая жизнь.

Это были дни скитаний, тяжелое время первых недель и месяцев войны. Все евреи куда-то двигались, метались по стране. Муж в поисках жены скитался из города в город — и не мог ее найти. Мать, потерявшая детей, переходила из селения в селение, и некому было ей помочь. Везде — беспомощность и бессилие. Каждый предоставлен самому себе и думает лишь о том, как спасти собственную жизнь.

Но наше движение представляло собой коллектив, где все живут одной общей заботой и оказывают помощь друг другу. Это вселяло в нас надежду на будущее. Сила коллектива превратила киббуц на Дзельной в своего рода обитаемый остров в безбрежном море дезорганизованной и беспомощной еврейской Варшавы. Дзельная стала родным домом не только для наших товарищей, прибывавших со всех концов страны, но и для многих простых людей, которые и не слыхивали о халуцианском движении, и даже для тех, кто в прошлом относился к нам враждебно. Все стекались сюда и тянулись к нам, чтобы обрести какую-то опору в окружающем их хаосе, какую-то поддержку. Почти сразу же после начала войны на Дзельной открылась благотворительная общественная столовая, раздававшая хлеб и горячую пищу голодающим.

Но, как уже было сказано, не только материальную помощь оказывал наш дом. Дзельная была центром еврейской молодежи и в течение долгого времени — единственным. Тут начала кристаллизоваться мысль о н о в о м п у т и еврейской молодежи в такое смутное время.

Исраэль Каролинский, ведавший снабжением, объявил, что в связи с моим прибытием будет праздник и всем желающим будет выдаваться хлеб с мармеладом. В тот же день собралась группа товарищей, Центр "Дрора", на совещание. Я доложила о состоянии нашего движения в советской зоне, рассказала, что,

несмотря на подполье, организация растет, расширяется и действует очень активно. Затем я огласила некоторые наши документы и показала газету, которую мы выпускали подпольно в Ковеле, Луцке, а затем и во Львове. Рассказала я также о том, что мы искали пути в Эрец-Исраэль и обнаружили места, где можно нелегально перебраться через границу в Румынию. Особенно подробно я остановилась на организованном переходе в Вильно.

По этому вопросу возник спор. Некоторые говорили: незачем туда посылать людей. Вильно очень скоро станет столицей советской Литвы и оттуда невозможно будет выехать в Эрец-Исраэль. Им отвечали, что это не должно нас останавливать, так как главное сейчас — вывезти побольше молодежи из Польши, которая находится в руках нацистов. Если людям даже не удастся перебраться в Палестину, все равно в советской зоне их положение будет значительно лучше. Эту точку зрения и отражало решение: использовать все возможности для переброски еврейской молодежи через советскую зону в Вильно, а уж оттуда любыми путями стараться переправить ее в Эрец-Исраэль. Кроме того, было решено продолжить поиски других возможностей выбраться из зоны, где хозяйничают немцы, и достичь Эрец-Исраэль.

Второй вопрос, который обсуждался на совещании, — план нашей деятельности в немецкой зоне оккупации. Хотя мы и решили переправлять молодежь на Восток, было ясно, что большинство евреев останется на месте, а мы обязаны действовать там, где живут еврейские массы. Но что можно предпринять в такое время?

Мы пришли к выводу, что во главе всех наших дел и забот должна стоять срочная социальная помощь, и самое главное — снабжение хлебом и обедами голодающих. Но мы знали, что без участия молодежи не сможем ничего сделать. И потому вернулись к проверенному и испытанному средству — обновлению "хахшары", иначе говоря, — созданию киббуцов. Было

решено, что наша ближайшая задача — укрепление уже существующих киббуцов в Лодзи, Варшаве и Бендзине и организация новых.

Мы тогда еще не думали о систематической работе с подростками в местных организациях. Только впоследствии, когда в Варшаву прибыли Ицхак Цукерман и Товия Божиковский, эта деятельность получила широкий размах. Правда, еще до их прибытия к нам на Дзельную уже приходили группы подростков и упрашивали принять их в организацию. Но, как я уже сказала, мы тогда не уделяли им должного внимания. О них заботился и по-настоящему занимался ими один только Марек Фольман.

Он еще до войны, будучи членом студенческого объединения сионистов-социалистов, высказал мысль о необходимости организовать группы подростков. Марек прибыл на Дзельную уже после начала войны и очень быстро со всеми подружился. Он активно участвовал в работе среди молодежи и оказался инициатором ряда важных начинаний. Он был в числе организаторов гимназии "Дрор" и среди первых создателей самообороны. Организация молодежи и подростков была его идеей-фикс, и он не давал нам покоя. Марек не уставал повторять, что у него есть группа молодежи, подростки и девушки, которые полны сомнений и колебаний в поисках своего пути в жизни, и мы должны привлечь их к себе. Сначала мы лишь посмеивались над его предложениями, но потом серьезно задумались над ними.

С прибытием Ицхака Цукермана наши связи расширились и мы смогли наладить широкую воспитательную работу. В кружке Марек были: его младшая сестра Хавка Фольман, Сара Гранатштейн, Армин Лакс, Рут Шкляр, Дина Левина, Эстер Блох, Сара Бидерман, Шошана Гженда, Мадзия, фамилию которой я не помню, и другие. В этом кружке были также беженцы, прибывшие в Варшаву, и среди них Моше Рубин (выходец из Германии), Рудольф Самет и другие. Эти люди не только с юношеским жаром участ-

вовали во всех наших делах и прониклись халуцианским духом, но впоследствии стали ведущими активистами движения. Они взвалили на свои плечи всю тяжесть организационной и воспитательной работы, а когда настал час борьбы с немцами, были в первых рядах повстанцев.

Я уже говорила, что прибыла в захваченную немцами Польшу вскоре после ее оккупации. И уже в ту пору против евреев издавались распоряжения и приказы, один хуже другого. Дня не проходило без новых напастей и бед, и положение все ухудшалось.

Перечислю некоторые распоряжения властей: уволить всех евреев, работающих на предприятиях, принадлежащих христианам; запретить им общаться с неевреями; запретить пользоваться железной дорогой без особого разрешения. Для евреев были выделены специальные трамвайные вагоны, помеченные желтым знаком. И самый тяжкий приказ: все евреи в возрасте от 12 до 60 лет обязаны работать в трудовых лагерях. Для управления ими немцы создали специальный аппарат, укомплектованный, в основном, украинцами, немцами и местными уголовниками. В лесах и по берегам рек были построены огромные бараки. Евреев использовали преимущественно на осушке болот, лесоповале и прокладке шоссейных дорог. Порой их заставляли бесцельно переносить с места на место камни — лишь бы унижить их человеческое достоинство.

Время от времени проводились облавы на евреев. Немцы внезапно перекрывали улицу, и евреи, которые вышли раздобыть хоть какое-нибудь пропитание для своих голодных детей, оказывались в западне. Их ловили, как диких зверей, бросали в грузовики и увозили в такие места, откуда возвращались лишь единицы.

В трудовых лагерях была установлена система каторжных работ и умерщвления голодом. Узники месяцами ничего не получали, кроме жидкого супа.

Над ними издевались, их садистски избивали и унижали. Когда избитый и окровавленный еврей после целого дня непосильной работы с трудом доползал до своих нар, появлялся немец, вытаскивал его из барака и приказывал плясать в одних подштанниках перед стоящим смиренно лагерем. Если же несчастный валился с ног, на него набрасывались надзиратели и избивали до полусмерти.

Таким издевательствам, в которые человеческий разум отказывался верить, подвергались тысячи евреев, оторванных от своих жен и детей, тем временем погибавших от голода.

Как я уже отметила, евреи могли ездить лишь в особых трамвайных вагонах. Позднее два еврея, прислужники гестапо, Кон и Геллер, получили монопольное право на "трамвай", приводимый в движение лошадьми. Его прозвали "Кон-Геллерувка". В этих вагонах волокли евреев, схваченных на улицах и в домах, на Умшлагплац — площадь, расположенную вблизи улицы Ставки. Сюда была подведена железнодорожная ветка. Умшлагплац стал долиной скорби варшавского еврейства. Оттуда летом 1942 года увозили десятки тысяч евреев в неизвестном направлении...

Немцы разработали изощренную систему издевательств и унижений. Каждый день обнаруживались все новые и новые запреты — бессмысленные и непостижимые. Не было дня, чтобы немцы не являлись в гетто поиздеваться над евреями. Улица Кармелицкая в Варшавском гетто была главной артерией, связывающей его отдельные районы. На ней всегда было многолюдно. До сих пор перед моими глазами стоит такая картина: множество людей толпится на тротуарах и на проезжей части улицы. И вдруг, откуда ни возьмись, появляется машина с немцами, которые стреляют во все стороны. Одни падают замертво, другие разбегаются. Но немцы хватают людей и начинают глумиться над ними.

Другая сцена. Дом "Хехалуца" на ул. Дзельной, 34 находился рядом с тюрьмой Павиак, которая и в

мирное время считалась достаточно зловещим местом. Еврей, которому надо было пройти мимо тюрьмы, смотрел в оба, нет ли поблизости немцев. Никто не осмеливался пересечь шоссе в их присутствии. Люди шли, лишь убедившись, что им не грозит опасность. И все-таки некоторые попадали в западню. Однажды мы видели из окна нашего дома, как немец схватил какого-то еврея за пейсы и бороду и начал вырывать волосы, затем поставил его к стенке, приказал закрыть глаза и поднять руки. Еврей подчинился — у него не было выбора. Он был уверен, что настал его последний час. Немец выстрелил, но не в человека, а в воздух. И так повторялось несколько раз.

Нацисты провозгласили, что их цель превратить евреев в "продуктивный элемент", а для этого надо их сконцентрировать в трудовых лагерях и научить работать. Там евреи будут приносить пользу. Сама весть об организации таких лагерей вызывала ужас. Вот идут люди по улице, и внезапно их хватают. Подымается паника, все боятся немецких "хапунов". Ведь ясно, что тех, кого схватили, ждет не трудовой лагерь, не "продуктивизация", а смерть.

И такое положение длилось месяцами. Каждый день встреча со смертью, каждый день она стоит перед глазами. Смерть от голода, смерть от побоев, смерть от невыносимых издевательств и унижений.

Сначала немцы согнали евреев из местечек и провинциальных городов в крупные центры. В Варшаве, например, они собрали 150 тысяч человек из провинции. Делалось это так: в один прекрасный день немцы объявляли евреям, что в течение считанных минут те должны подготовиться к эвакуации, причем запрещается что-либо брать с собой из дома. Каждый, кто опоздает, будет расстрелян. Больные и отстающие будут расстреляны. Когда эти несчастные достигали пунктов назначения — центрального гетто в Варшаве, Люблине, Ченстохове и других крупных центрах, они еле держались на ногах и почти теряли человеческий образ. В гетто они входили, лишённые всего, без гроша

в кармане. Ясно, что они становились первыми жертвами голода и, ослабевшие и деморализованные, гибли сотнями.

Тысячи людей умерли в Варшаве в течение одного лишь месяца. Тысячи других, опухшие от голода, бродили по улицам без всякой надежды раздобыть какое-либо пропитание.

Но была горстка евреев, которые сумели "устроиться" — торговали с немцами, спекулировали, нелегально перебрасывали товары из арийской части города в гетто. В то время, как большая часть еврейского населения гибла от голода, некоторые ели досыта, хорошо одевались и даже развлекались и танцевали. Мораль страшно упала.

В этих обстоятельствах мы старались помочь беженцам, чем только можно. В доме по улице Дзельной, 34, а затем на улице Налевки, 23, где размещались киббуцы "Хашомер хацаир" и "Гордония", а также киббуцы "Ханоар хациони" и "Акива", всегда были открыты двери для голодающих. Они могли получить здесь ломоть хлеба и тарелку супа. Но вскоре наши возможности оказывать помощь стали очень ограниченными.

В гетто были учреждения, специально занимавшиеся помощью обездоленным, — Джойнт, Организация еврейской взаимопомощи, общественные столовые, созданные разными партиями при поддержке различных благотворительных организаций. Это была очень полезная и жизненно необходимая деятельность, но весьма ограниченная, по причинам не от них зависящим.

Тяжело было сознавать свою беспомощность, невозможность помочь людям. Были минуты, когда нам казалось, что мы трудимся впустую. И все же мы старались спасти каждого, поддержать людей физически и морально. Сам факт, что в период, когда каждый отстаивал лишь свое собственное существование, — иногда за счет ближнего, нашлись евреи, которые и в теории, и на практике придерживались идей взаимопомощи и были готовы поделиться с другими всем,

что имели, — сам этот факт помогал людям жить по-людски, сохраняя образ Божий.

В то время вокруг нас группировались разные люди, в том числе поэт Ицхак Кацнельсон, ставший нашим близким другом, и другие еврейские писатели и интеллигенты, погибавшие от голода. Все они грелись у нашего очага.

Таково было положение в халуцианском движении и среди еврейской общественности, когда начался период массового уничтожения.

СОХРАНИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО

Шесть военных лет можно разделить на два периода: первый — до ликвидации гетто, второй — с момента ликвидации и далее. Как в жизни евреев в годы войны, так и в нашем движении были, следовательно, два этапа. Но для немцев это был один сплошной и непрерывный процесс уничтожения еврейского народа. Только впоследствии все это стало очевидным. У нацистов с первого же дня оккупации Польши имелась законченная и хорошо продуманная программа ликвидации всего еврейского населения. Эта чудовищная программа осуществлялась последовательно и неуклонно с присущим немцам педантизмом. Трагично, что мы не смогли разглядеть этого с самого начала.

Первый период характеризуется ликвидацией всех духовных ценностей и попыткой лишить нас человеческого облика. Но это был лишь подготовительный этап к физической ликвидации. Бесконечные злодейские распоряжения властей, сыпавшиеся на нашу голову, были лишь вехами общего плана: сначала желтая заплата как знак позора, затем — бесконечные запреты: нельзя пользоваться железной дорогой, нельзя торговать, нельзя хранить деньги, нельзя владеть квартирами. Нельзя дышать, нельзя жить. Это все начальные ступени. Сидели специалисты и разрабатывали, согласовывая все детали, следующие этапы нашей окончательной гибели. И евреи постепенно начали свыкаться с тем, что нельзя поднять голову, что надо непрерывно бороться за свое существование, и в этой борьбе все средства хороши.

В первые годы, когда мы еще не подозревали о

том, что существует генеральный план нашей окончательной физической ликвидации, чувствовался даже некоторый подъем в общественной и культурной жизни гетто. Несмотря на драконовские законы, в сердцах евреев жила вера: "Мы еще одолеем своих врагов! Они не смогут с нами справиться!". И у нас было такое ощущение, что хотя многие падут от рук немцев, многих погубят болезни, голод, но большинство уцелеет. Наша задача — позаботиться о том, чтобы оставшиеся в живых, и особенно молодежь, были крепки телом и духом, дабы после окончания войны мы сумели выполнить то, что будет на нас возложено.

Тогда нам казалось, что самым страшным издевательством было создание гетто.

Это произошло в Судный день 1940 года. На ул. Дзельной, 34 собралась конференция нашей организации. Прибыли товарищи из киббуцов-хахшара и из местных отделений "Дрора". С тревогой мы говорили о том, что происходит на наших глазах, и о том, что нам следует предпринять. Никогда не забуду этого собрания, состоявшегося в обстановке террора и окружавших нас ужасов. Собрались парни и девушки со всех концов Польши. Они рассказывали, делились мыслями, советовались. Наша главная забота тогда была — как сохранить человеческий облик, как не потерять свое достоинство среди непрерывных унижений и надругательств. Мы старались выработать план действий для самих себя, чтобы сохранить наш халуцианский образ и привлечь к нашему движению всю массу еврейской молодежи.

Говорит Ханча. Как всегда, все с большим волнением прислушиваются к ее простым, сердечным, убедительным словам. Мы внимали ей с душевным трепетом, ибо она выражала то, что было на сердце у каждого из нас. Но вот вошла ее сестра Фрумка и сообщила ошеломляющую новость: **сегодня объявили о создании Варшавского гетто.** Все потрясены.

Мы понимали, каковы истинные намерения нем-

цев: заточить евреев в закрытую со всех сторон тюрьму и уморить их голодом, лишив последних, ничтожных возможностей работы и существования. И тотчас перед нами встал целый ряд вопросов: как будут евреи зарабатывать на жизнь? Как они смогут продержаться, оторванные и изолированные от всего мира? Сможем ли мы установить связь с другими гетто и другими группами нашего движения?

Не было времени для долгих размышлений. Надо было действовать немедленно. Решено тут же разъехаться по своим местам и создавать ячейки киббуцов во всех городах, где сконцентрированы евреи. Мы хотели, чтобы всюду, где живут наши братья и сестры, было халуцианское ядро.

Было решено также создать областные руководства в крупных городах. В случае, если прервется связь с Центром, эти руководства будут выполнять его роль, займутся воспитанием молодежи и социальной помощью. Мы знали, что в нашем распоряжении осталось очень мало времени, что вскоре двери гетто захлопнутся. Поэтому мы спешили использовать каждый день и каждый час, чтобы подготовиться к выполнению той миссии, которую сами на себя возложили.

В гетто события развивались именно так, как мы ожидали. С 15 ноября 1940 года, когда гетто было создано, иссякли все источники существования. В гетто свирепствовал страшный голод, сопровождавшийся вечным страхом перед немцами — в любую минуту они могли войти в гетто и безнаказанно надругаться над любым евреем, которого встретят на своем пути.

Наши бедствия стократ возросли, когда в Варшавское гетто были насильно переселены евреи из местечек и близлежащих городов. Этим несчастных угрозами и зверскими побоями изгнали с насиженных мест, и стены гетто казались им в ту пору желанным прибежищем. Но их бросили в Варшавское гетто и в гетто других крупных городов полунагими и без всяких средств к существованию. И желанное прибежище на деле оказалось адом.

Хорошо помню страшные картины на улицах Варшавы тех дней. Тысячи евреев, опухших от голода, лежат на тротуарах, не имея крова над головой. Тысячи голодных протягивают руку за подаванием — и никто не может помочь, спасти. А по вечерам, когда передвижение по гетто было запрещено, между стенами воцарилось страшное молчание. И тогда начинал свое выступление хор смертников. Никогда не забуду этого ужаса. Со всех концов неслись вопли, стоны, крики детей:

— А штикеле бройт, а штикеле бройт*!

Рассказывали, что какая-то мать, лишившись разума, съела свою дочурку. С каждым днем голодающих становилось все больше — тысячи, десятки тысяч, сотни тысяч. Мы чувствовали свою полную беспомощность. Это было страшно. Нас охватило глубокое отчаяние. Не хватало сил вынести эти непрерывные ужасы. Но усилием воли мы заставили себя преодолеть отчаяние. Из последних сил мы пытались помочь людям.

И в то же время в гетто были витрины магазинов, полные всякого добра. В гетто жила и благоденствовала горстка сытых людей. Здесь образовалась новая социальная прослойка: юденрат и его камарилья — еврейская полиция, спекулянты и контрабандисты.

Юденрат был образован в первые дни немецкой оккупации. Лиц, возглавлявших юденраты, назначали немцы, а уж те сами подбирали себе помощников, членов юденрата, которые должны были действовать. Юденрату были предоставлены в гетто широкие полномочия — он мог распоряжаться евреями по своему усмотрению. Но он должен был беспрекословно подчиняться распоряжениям нациста, ведавшего еврейскими делами, а также выполнять приказы любого немца, имевшего право заходить в юденрат.

Члены юденрата всюду пользовались своими полномочиями и хозяйничали в гетто, как хотели. Пред-

*"Кусочек хлеба, кусочек хлеба!"

седатель юденрата вел себя, как местный царек, и горе тому, кто осмеливался не выполнять его распоряжений. С течением времени юденраты и их прислужники стали в большинстве своем слепым орудием в руках немцев.

Верными помощниками юденрата были ассимилированные евреи и выкресты, которые, в соответствии с нюрнбергскими расовыми законами, считались евреями, хотя сами себя таковыми не признавали и всячески пытались доказать, что они добрые христиане и верные католики. Всех остальных евреев они люто ненавидели.

Как правило, в юденраты шли негодяи. А если там изредка попадались люди, старавшиеся помогать евреям, в силу объективных условий и они со временем превращались в предателей, поскольку вынуждены были выполнять указания нацистов. Еврейская полиция — "орденунгсдинст" — была исполнительным органом юденратов, а по существу — косвенным образом или непосредственно — прислужником гестапо и СС.

Странно было видеть этих людей, в большинстве своем дипломированных интеллигентов, в прошлом людей достойных (в Варшаве, например, в полицию брали только лиц с высшим и средним образованием), которые в гетто превращались в отвратительных диких зверей. Особенно мерзкой стала их роль, когда началась ликвидация гетто.

К этой малопочтенной компании принадлежали и те немногие, кто сотрудничал с гестапо. В совокупности эти люди образовали новый класс, который процветал в стенах гетто. Они и их семьи жили на широкую ногу, обжирались и пьянствовали за счет своих агонизирующих братьев. Из той ничтожной нормы хлеба и повидла, которые немцы выделяли для гетто, их обитателям почти ничего не доставалось, ибо эта теплая компания кормилась и жирела за счет народа. Евреи в гетто умирали от голода, а эти презренные твари дни и ночи кутили в кафе и ресторанах.

В еврейских кругах часто вспоминают имя пред-

седателя варшавского юденрата Адама Чернякова. Его роль оценивают по-разному. Я ни в коем случае не стану утверждать, что Черняков был человеком, который пошел в юденрат, чтобы прислуживать немцам. Но остается фактом, что во время своего пребывания на посту председателя он подписывал все немецкие распоряжения, и юденрат проводил их в жизнь. Он был окружен людьми, которым интересы евреев были совершенно чужды, и даже уголовниками. И хотя он покончил жизнь самоубийством, это не может искупить его вины. Почему он не сообщил евреям, что побудило его покончить с собой? Почему не предупредил общину, какая участь уготована ей немцами? Почему не сказал, что их ждет ликвидация, поголовное истребление?

Разные люди были в юденратах. Был, например, такой тип, как Мордехай Хаим Румковский — выродок рода человеческого, дегенерат, возомнивший себя "фюрером" гетто Лицманштадта (города Лодзь). Он не только старательно выполнял приказы своих хозяев в доверенной ему "воетине", но и проявлял собственную инициативу, издеваясь над своими "подданными" даже тогда, когда немцы не побуждали его к этому. Члены юденрата и их прислужники из еврейской полиции всегда усердствовали, торопясь выполнить распоряжение своих кормильцев-нацистов, — организовывали обыски, хватали евреев и отправляли их на принудработы. А когда настал день ликвидации, — эти люди были в числе тех, кто решал судьбу евреев. Юденраты распределяли "удостоверения жизни". Тех, кому не посчастливилось их получить, ожидала смерть. Прислужники юденратов — полицейанты — охотились на людей в период ликвидации и следили, чтобы евреям не удалось спрятаться. Таким образом, и евреи — к счастью, их было немного — собственноручно помогали немцам вести наш народ на заклание.

Однажды, когда мы были на улице — Фрумка Плотницкая, Мордехай Тенненбаум, Ицхак Цукерман и я, — нас внезапно окружили еврейские полицейанты,

и прежде чем мы успели сообразить, что случилось, поволокли Фрумку и Ицхака к конному трамваю. Мгновенно вокруг них выросла вторая цепь еврейских полицейских, намертво отделив их от нас. Ни я, ни Мордехай не могли даже приблизиться к ним. Ицхак и Фрумка дрались с негодяями, но полицейских было много, и они поволокли их к фуре. Оба, избитые и окровавленные, не переставали бороться. Тем временем собралась толпа, среди которой были и наши люди. Вдруг мы услышали возглас:

— А знаете, кого вы тащите? Руководителей "Хехалуца"! Мы этого не простим!

Полицианты испугались. К Ицхаку и Фрумке подошел офицер и закричал:

— Стыд и позор, что руководители "Хехалуца" ведут себя, как мальчишки, и не идут спокойно на Умшлагплац!

И тут же освободил их. Ицхак и Фрумка плюнули ему в лицо и вернулись к нам.

Да, нелегко нам было работать в те дни. Мы еще не осмелились тогда взять на себя руководство всей общественной жизнью в гетто. Мы все еще по привычке рассматривали себя как молодежное движение, цель которого — воспитывать еврейских юношей и девушек. Нам казалось естественным, что общественными делами занимаются старые партийные деятели. Но когда действительность заставила нас осознать нашу ответственность за еврейскую жизнь и судьбу, многие из нас горько раскаивались: возможно, мы опоздали, возможно, мы должны были раньше взять на себя всю ответственность. Но эти мысли появились позднее, когда многое уже невозможно было исправить.

Тогда же мы были полны сомнений и искали новые пути. Были такие, которые говорили: верно, в этом океане бед мы должны делать все, что в наших силах. То, чем мы занимаемся — киббуцы-хахшара, налаживание работы в местных организациях, культурная работа среди еврейской молодежи, — все это очень важно.

Это может предотвратить душевную и физическую деградацию. Однако все это — лишь отдельные стороны жизни, а наша подлинная и истинная цель — жить в народе, слиться с массами, стать такими, как все. Если хватают евреев и увозят в трудовые лагеря, — мы должны сопровождать их. Более того, — мы добровольно должны отправляться в эти лагеря, потому что мы молоды и сможем помочь ослабевшим, обесилевшим, отчаявшимся, если не делом, то хотя бы словом ободрения. Мы должны поспешить на помощь этим измученным людям, разделить с ними их трудную участь. Такие речи раздавались, понятно, лишь в первый период, до ликвидации гетто.

Другие же рассуждали иначе: вся наша сила — в сплоченности, в том, что мы действуем сообща, вместе. Если мы распылим наши силы, — мы ничего не сможем добиться. Что может сделать одиночка?

И еще один вопрос не давал нам покоя. Вправе ли мы наблюдать издевательства немцев над евреями и молчать? Я уже рассказала раньше о глумлении над старым евреем, которого немец поставил к стене с поднятыми вверх руками и стрелял в воздух. Это произошло между нашим домом по улице Дзельная и известной тюрьмой Павиак. Из окон нашего дома мы наблюдали эту картину. Среди нас были такие, которые хотели немедленно вмешаться. Они готовы были выбежать на улицу и, безоружные, голыми руками, прикончить немца. Поступить так нам подсказывало сердце, но мы не вняли его велению. Одно из самых эффективных средств немецкого террора по отношению к евреям заключалось в системе коллективной ответственности. Страх перед нею висел над нами постоянно, до последнего дня. Мы знали, что если уничтожим одного немца, в ответной акции падут тысячи евреев. А так как в ту пору мы еще не могли поверить, что нацисты готовятся к тотальному уничтожению евреев, мы воздерживались от мести.

Некоторые рассуждали так: ведь и поляки находятся в аналогичном положении — их тоже арестовывают,

обыскивают, убивают, отправляют в концлагеря, они все это терпят и никак не реагируют. И так, в душевном смятении и постоянных спорах друг с другом и со своей совестью, мы жили и работали день за днем.

И сейчас, когда я хочу подвести некоторые предварительные итоги деятельности нашего движения, я считаю необходимым отметить одну серьезную ошибку. Если бы сразу после вторжения немцев в Польшу мы осознали то, что стало нам ясным значительно позднее, — что мы обязаны взять на себя ответственность не только за молодежь и халуцианское движение, но и за всю общественную и политическую деятельность среди еврейского населения, — тогда, возможно, на еврейской улице и в гетто все обстояло бы по-другому. Но мы были движением, ставившим перед собой, прежде всего, воспитательные цели, и пытались привить молодежи свои идеалы. Мы работали до войны только среди молодежи и не чувствовали в себе достаточно сил, чтобы руководить жизнью всей еврейской общины. Мы были уверены, что для этой роли найдутся другие люди. Ведь в предвоенной Польше было достаточно опытных общественных деятелей с большим стажем, которые продолжали руководить общественной жизнью и тогда, когда вспыхнула война. Мы же довольствовались работой среди молодежи. Нет сомнения, что эта работа оказывала благотворное влияние на все окружение и ее ощущало все еврейское население Польши. Но лишь впоследствии мы осознали, что сложившаяся ситуация обязывала именно нас взять на себя руководство общественной жизнью польского еврейства, оказавшегося в страшной беде.

В ТИСКАХ

Бесчеловечные законы и распоряжения, направленные против евреев, доказывали, что немцы решили прежде всего уничтожить нас духовно и нравственно, убить в нашем народе всякое человеческое чувство, лишить нас образа Божьего — а затем завершить полное физическое истребление нации. Мы делали все, что в наших силах, чтобы противостоять коварным замыслам немцев, и эта борьба принимала разные формы.

На первом этапе, когда евреи металась между городами и местечками и десятками тысяч стекались в Варшаву, Фрумка (она первая вернулась из советской зоны оккупации в немецкую) и с нею десятки других активистов "Хехалуца" и киббуцов-хахшара, прибывших сюда из Лодзи, Кельце и Бендзина, включились в работу по оказанию помощи беженцам. В этом они видели тогда свою главную задачу. Дом 34 на улице Дзельной был известен в Варшаве как место, где находится группа надежных людей во главе с Фрумкой, и куда можно прийти, чтобы получить совет, поддержку и помощь.

Затем, в середине 1940 года и особенно после создания гетто и возникновения некоего подобия общественной жизни, началась различная культурная деятельность, издавались газеты и устраивались вечера. Особенно памятны мне библейские вечера с участием ансамбля "Дрор" ("Свобода"), который возник по инициативе Ицхака Кацнельсона и действовал под его руководством.

Сейчас я не могу подробно рассказать об Ицхаке Кацнельсоне, но нельзя говорить о том периоде, не

упомянув его имени. Вся наша общественная, воспитательная и просветительская деятельность и среди молодежи, и среди взрослых, так же, как и работа в подпольной гимназии и в "хахшаре", тесно связана с личностью Ицхака Кацнельсона. Во время войны он был одним из самых активных халуцим-воспитателей, направлявших всю культурную работу.

Мы видели, что происходит среди молодежи — деморализация охватывала все более широкие круги, — и мы определили свои задачи. В тот период наше движение придерживалось трех основных направлений: 1. Поиски путей в Эрец-Исраэль; 2. "Хахшара"; 3. Культурная и воспитательная работа.

Со дня вторжения немцев в Польшу и на протяжении шести военных лет мы как могли старались поддерживать связь между агонизирующей диаспорой и Эрец-Исраэль. Верно, что лишь единицам удалось в ту пору попасть в страну, но пытались это сделать сотни. Десятки товарищей, искавших пути на родину, были схвачены врагом и убиты.

Мы не переставали искать новые пути в Эрец-Исраэль. Кроме групп, посланных нами в советскую зону оккупации, которые направлялись к румынской границе (или хотя бы по направлению к Вильно), были и такие, которые пытались разведать возможности в Словакии и Венгрии. Фрумка, как уже было сказано ранее, открыла дорогу в Словакию. Вслед за ней продолжала поиски Лея Перлштейн — в том же направлении — она искала другие точки для нелегального перехода границы. Мы сосредоточили несколько групп в пограничной зоне. Добраться до границы было трудно. Ведь евреям было запрещено ехать поездом, а для того, чтобы в самой оккупированной Польше перейти из района в район, тоже надо было пересечь несколько границ. Поэтому мы очень обрадовались, когда первая группа тронулась в путь. Но наша радость оказалась преждевременной. Назавтра нам стало известно, что вся эта группа задержана. Лея тотчас вступила в переговоры с еврейскими деятелями (среди них

был Монек Мерин, глава юденрата в Бендзине, впоследствии назначенный главой юденрата в Заглембие), и ей удалось спасти наших товарищей из когтей гестапо. Когда Мерин узнал, кто эти люди и куда они держат путь, он обещал снабдить их визами, чтобы им не надо было нелегально переходить границу.

В первые месяцы немецкой оккупации была разрешена, по крайней мере официально, эмиграция евреев. Открылись даже специальные эмиграционные учреждения. И действительно, некоторым евреям удалось тогда выехать в Италию — в ту пору Италия еще не участвовала в войне. Неделями и месяцами люди бежали от одного "махера" к другому (были ловкие дельцы, которым удавалось, то ли с помощью взятки, то ли благодаря своим связям, "улаживать дела", то есть доставать визы). Но в общем и целом мы остались ни с чем. Только горстке богатых евреев и общественных деятелей удалось получить визы.

Убедившись в том, что все наши хлопоты и старания безрезультатны, мы снова занялись поисками иных путей, нелегальных, для перехода границы. Мы создали специальный аппарат по нелегальному переходу границы, который возглавил Лабан, он же Авраам Лейбович, впоследствии один из командиров Еврейской боевой организации в Краковском гетто. Он много месяцев искал, пока нашел контрабандистов, подходящих для нашего дела. Первым отправился в путь Шломо Цигельман из кибуца на улице Дзельной. Рискуя жизнью, он перешел границу возле города Новый Сонч, не имея связи с кем-либо по ту сторону границы. Оказавшись в Словакии, он связался с членами "Хехалуца" Братиславы и создал аппарат для приема наших товарищей. Таким образом он проложил путь для сотен евреев, которые пошли по его следам. База для приема людей в Словакии была создана в небольшом селении Бердиев, недалеко от границы.

Требовались большое мужество и незаурядная находчивость, чтобы выйти за пределы гетто, попасть в

поезд или пешком достичь границы и пересечь ее. Много групп было схвачено в пути или возле границы, но немало людей, примыкавших к нашему движению и к другим халуцианским группам, вопреки всему, благополучно достигли цели. Среди них — Иосеф Корнянский, Цви Гольдфарб, Итка Вертхейм, Ицхак Фишман, Ханеле Гельбард, Иерахмиэль Хельфгот и другие. Основной исходной базой был Краков — столица Генерал-губернаторства, туда стекались также товарищи из Верхней Силезии, которая была присоединена к Рейху. Из Кракова дорога вела в Тарнов, Новый Сонч — до словацкой границы и до Бердиева.

Второй важной областью нашей деятельности была "хахшара". Возможно, это покажется удивительным, но халуцианское движение во время немецкой оккупации росло и ширилось значительно быстрее, чем до войны. Снова появился сельскохозяйственный киббуц в Грохуве, а Грохув был символом нашего движения. В первые недели после его воссоздания весть об этом распространилась по всей Польше и дошла до самых отдаленных уголков страны. Грохув существует, — значит существует наше движение и живет "Хехалуц"! К восстановлению киббуца в Грохуве мы привлекли и другие халуцианские движения: "Хашомер хацаир" ("Молодой страж"), "Ханоар хациони" ("Сионистская молодежь") и другие.

Киббуцы появились и во многих других городах. У нас имелась программа, в соответствии с которой мы должны были во всех крупных городах создавать свои базы, чтобы в гетто, в условиях всеобщей деморализации, имелись островки с особым, нашим стилем жизни, и чтобы во время непредвиденных событий наши товарищи всегда оказывались на месте. Тогда мы еще не представляли, что эти особые по своему моральному климату островки, эти "киббуцы", созданные для воспитания молодежи в духе любви к человеку, уважения к труду и к миру, впоследствии станут

базами Еврейской боевой организации. Нет, кажется, такого города в Польше, который участвовал бы в восстании и в котором бы не было нашего киббуца. Киббуцники были ядром восстания, и они первыми вышли на баррикады.

На конференции нашего движения, о котором я уже рассказала, мы приняли решение укрепить ядро существующих киббуцов в Бендзине и Варшаве и организовать новые киббуцы. И мы много сделали в этом направлении. Мы заботились о ячейках, существовавших в разных городах Генерал-губернаторства и на территориях, присоединенных к Рейху, и старались создавать новые киббуцы. Были организованы киббуцы в Ченстохове и Вербковице (возле Хрубешува), в Островце, Люблине и других местах. После вторжения немцев в Советский Союз мы создали киббуц и в оккупированном Белостоке.

Мы вынуждены были начинать с нуля. Не было ни столов, ни кроватей, ни другой необходимой мебели, не было и денег. Мы работали в условиях двойного подполья — опасаясь не только немцев, но и какого-нибудь подвоха со стороны евреев. Нам было запрещено действовать в рамках "Хехалуца", и мы маскировались под псевдонимами, принимая личины разных организаций — приюта для беженцев, трудовых лагерей и т. д. Некоторые юденраты не только нам не помогали, но, напротив, решительно противились нашей деятельности. Они, с одной стороны, боялись малейшего проявления организованной еврейской силы или независимых мнений, а с другой стороны, приходили в ужас при мысли, что о нашем существовании проведают немцы. Голодные и обессиленные, мы металась в поисках работы, а найти ее было нелегко. Мы ни от чего не отказывались, брались за любое дело, занимались даже чисткой отхожих мест. И вопреки всему мы существовали. Киббуц в то время был единственным теплым и светлым убежищем среди кромешной тьмы, грязи и деградации, которые царили вокруг.

К нам попадала подпольная газета, которая доставлялась из Варшавы, и у нас можно было изучать иврит. Не было недостатка и в дискуссиях по самым актуальным и злободневным вопросам. А иногда, обычно в самые тяжелые минуты, вдруг начинала звучать песня или вся компания отплясывала вихревую халуцианскую "Хору". Киббуцы в городах стали центром притяжения молодежи, а когда пробил час, они превратились в ячейки вооруженного восстания.

Кроме городских, мы организовали также сельскохозяйственные киббуцы. Мы нанимались на работу к некоторым польским помещикам, предварительно прощупав их отношение к евреям. Плата, которую мы получали, была ничтожной, но очень скоро наша работа удостаивалась признания и похвал. Землевладельцы видели перед собой необычных молодых евреев, которые хорошо организованы, хорошо работают, тщательно следят за чистотой, а главное (и этого они никак не могли понять) — делятся между собой скудной пищей, заботятся друг о друге, поддерживают заболевшего, помогают слабому получить более легкую работу. Все это поражало наших работодателей, и они относились к нам с уважением.

Почувствовав себя увереннее, мы подчас осмеливались предъявлять некоторые требования. Мы просили улучшить условия труда и увеличить нормы продовольствия. Говоря откровенно, такого рода требования таили в себе немалую опасность — нас могли заставить работать без какой-либо оплаты вообще. Но слава о нашем трудолюбии и добросовестности распространилась повсюду, и нас охотно брали на работу.

В получении работы в имениях и в налаживании отношений с их владельцами нам много помогал агроном Судовиц, возглавлявший организацию "Топороль", ставившей своей целью содействовать работе евреев в сельском хозяйстве. Впоследствии этот

человек возглавил восстание в лагере смерти Трешлинка.

Первый сельскохозяйственный киббуц мы организовали в то же лето в Чернякове — пригороде Варшавы. За короткое время нам удалось создать целый ряд сельскохозяйственных ферм: три — в окрестностях Соколова, три — в окрестностях Сухачева, четыре или пять — в окрестностях Хрубешува и Люблина. Этому предшествовало, как я уже упомянула, восстановление сельскохозяйственной фермы в Грохуве. Так как эта ферма принадлежала еврейской общине в Варшаве и ее земли мы обрабатывали с двадцатых годов и вплоть до начала второй мировой войны, нам было разрешено работать там, как на общинной ферме. И хотя отношение юденрата к нам никогда не было доброжелательным — не раз он становился причиной наших затруднений, нам все-таки удалось взять в свои руки управление фермой, и даже урожай принадлежал нам. После долгих хлопот мы раздобыли немного денег у "Джойнта" и приступили к работе на земле. Мы нашли временное убежище в старой ветхой постройке (жилой дом фермы был разрушен во время бомбежек Варшавы), но не отчаивались. Пришлось немало помучиться, но Грохув был отстроен заново. Мы соорудили сарай и жилые помещения, вспахали и засеяли земли, даже посадили цветы. Спустя некоторое время мы были вознаграждены сполна — ферма давала нам заработок и возможность существовать.

Когда мы начали восстановление Грохува, евреям еще разрешалось выходить за пределы города. Гетто в Варшаве еще не существовало, и многие приходили на поля киббуца просто удовольствия ради.

"Хажшара" имела для нас большое значение в силу ряда причин. Во время голода сельскохозяйственные работы спасали нас от смерти в буквальном смысле слова. И хотя работать приходилось тяжело — помещики умели эксплуатировать своих батраков, особенно евреев, — мы получали хлеб, картофель и молоко — продукты, о которых большинство обитателей гетто

могло лишь мечтать. Особое значение имели сельскохозяйственные киббуцы еще и потому, что с их помощью мы освобождали молодежь из давящих стен гетто и выводили за его пределы, на лоно природы. Многие смотрели на нас с завистью, когда мы коллективно покидали пределы гетто. Осенью, по окончании работ, наши товарищи возвращались в город здоровыми и загоревшими. Но главное, — нам удалось создать на фермах киббуцианский быт и человеческие отношения, построенные на взаимопомощи и равенстве, что разительно отличалось от обстановки, окружавшей нас в гетто. И когда мне удавалось улизнуть оттуда и выбраться на некоторое время в Черняков или Грохув, я чувствовала себя так, будто оказалась совсем в другом мире. Здесь я забывала обо всем. Тут мне удавалось хоть на короткое время отвлечься от гетто, от страданий, от голода, от немцев. Я заражалась настроением наших молодых товарищей, юношей и девушек, умевших, несмотря ни на что, радоваться жизни.

В Чернякове фермой преданно и умело руководила Лея Перлштейн. Я видела ее в трудах и заботах. Все относились к ней с большим уважением, в том числе и поляки-работодатели и даже немцы, навещавшие ферму. Должен быть помянут добром владелец имения пан Затварницкий, симпатизировавший нам; он предоставил нам полную самостоятельность и старался не замечать нашей разносторонней нелегальной деятельности.

Культурно-воспитательная работа была связана с реорганизацией нашего движения. В связи с решением конференции, состоявшейся в Судный день 1940 года, были образованы окружные советы в крупнейших городах Генерал-губернаторства. Их создание представляло большую важность для нашего движения. В каждом совете было два-три ответственных товарища. В Варшавском округе — Ханеле Гельбард, Монек Райнгевиц и Берл Бройдо; в Кельце — Регина Литевская (впоследствии этот округ разбился

на два с центрами в Ченстохове и Опатове). В Люблине — Ривка Гланц, а затем Монек Виницкий и Давид Зальцберг; в Хрубешуве — Шаул Добухна, затем к нему присоединился также Моше Рубинчик. Он занимался группами "хахшары" в окрестностях, а впоследствии стал организатором партизанских групп в районе Хрубешува. В Ченстохове — Ривка Гланц. В Краковском воеводстве — Хешек Исраэлевич и Авраам Лабан-Лейбович. В Бендзине — Гершл Шпрингер и Барух Гафтек. Некоторое время существовал также Подлеский округ, центр которого находился иногда в Соколове, а иногда в Шедлцах.

Наши действия в первые дни немецкой оккупации заключались в посещении городов и местечек, возобновлении связей с товарищами, восстановлении подпольных ячеек, по пять человек в каждой. В совокупности все ячейки образовывали местное отделение. Не было такого местечка, в котором раньше было бы отделение, и которого мы бы не посетили. Вначале мы сомневались, принесут ли наши усилия результаты, прислушается ли к нашим словам молодежь. Но вскоре мы убедились, что недооценивали ее активности. Товарищи в местечках с энтузиазмом встречали наших организаторов. Сам факт, что в час беды, неразберихи и всеобщей растерянности нашлись люди, которые не замкнулись на своих личных делах, а заботились о том, чтобы организовать еврейскую молодежь, вселял бодрость и надежду в сердца наших товарищей в заброшенных местечках.

Прошло совсем немного времени — и во всех концах страны появились наши отделения. В городах, где некогда были большие и сильные организации, они были вновь восстановлены, но даже и там, где раньше были небольшие и слабые группы, они укрепились, объединив массы молодежи. Преданность наших молодых товарищей была безгранична, они действовали, рискуя своей жизнью, и это вызывало восхищение даже той части молодежи, которая была далека от нас. В сердцах зажигались искорки веры,

возникало стремление к иной жизни. Постепенно в работу втягивались новые и новые люди.

Организация и укрепление местных отделений создали базу для разветвленной культурной и воспитательной деятельности. Но очень скоро обнаружилось, что имевшихся у нас инструкторов недостаточно, чтобы охватить массы молодежи, стремившейся к нам. Мы должны были позаботиться о расширении инструкторских кадров, готовых взвалить на себя всю тяжесть культурно-воспитательской работы в нелегальных условиях. С этой целью был создан **первый центральный семинар** нашего движения в подполье.

Это был первый еврейский подпольный семинар вообще. В нем участвовало около пятидесяти человек, съехавшихся со всех концов страны. Им пришлось незаметно ускользнуть оттуда, где они проживали, передвигаться по дорогам, где их на каждом шагу поджидали опасности, ехать нелегально поездом или пробираться пешком, чтобы прибыть на улицу Дзельная и изучать здесь теорию и опыт нашего движения. Киббуц на Дзельной, которому с трудом удавалось обеспечивать скудное пропитание своих членов, вынужден был взять на себя содержание всех участников семинара в течение шести недель.

Семинар действовал в условиях строжайшей конспирации. Ведь рядом находилась тюрьма Павиак. Наши караульные дежурили круглые сутки и следили за тем, чтобы не стряслась беда. Снаружи — ужас и отчаяние, а в тщательно охраняемом помещении юноши и девушки грезят наяву и размышляют, как покончить с жестокой властью нечестивых, как вернуть евреям человеческий облик и остановить вырождение в гетто.

Как я уже упомянула, это был первый подпольный семинар на еврейской улице. И как только о нем стало известно широкой общественности, поднялся страшный шум. Я вспоминаю наплыв всевозможных "делегаций" из разных кругов. Все предупреждали нас о бедах и несчастьях, которые мы можем, упаси

Господи, навлечь на себя и на всех евреев в гетто.

Вначале мы оказались в положении отверженных. Докладчики со стороны отказывались сотрудничать с нами. Но постепенно отношение к нам стало меняться, и работа семинара завершилась благополучно. Кроме наших работников, на семинаре прочли доклады Элизер-Липа Блох, Элияху Гутковский, Стефа Вильчинская, Иосеф Зак, адвокат Лейб Кац, Хаим Залмановский, Лейзер Левин, магистр Менахем Линдер, адвокат Михаэль Ландау, Иоханан Моргенштерн, Меир Моргенштерн, инженер Леон Файгенбойм, Эльханан Цейтлин (младший сын Гилеля Цейтлина), Ицхак Кацнельсон, Януш Корчак, Имануэль Рингельблюм. На заключительный вечер был приглашен узкий круг общественных деятелей. Участники семинара делились своими впечатлениями от шести недель занятий. Один из гостей — руководящий деятель "Джойнта" Ицхак Гитерман — обратился к историческим аналогиям и сравнил нас с многострадальными маранами Испании. Его взволнованная речь вызвала в сердцах слушателей живой отклик.

На этом вечере рядом с нами сидели и те, кто в свое время уговаривал нас отказаться от этой затеи... Теперь и они воодушевились, когда увидели безгранично преданную и готовую на самопожертвование молодежь, которая участвовала в семинаре.

Мы провели в подполье три семинара, на которых подготовили группы молодых инструкторов для нашего движения. Эти семинары проложили путь, по которому затем пошли и другие халуцианские движения.

Когда мы приступили к культурно-просветительской деятельности в широких масштабах, выяснилось, что нет у нас необходимого для инструкторов литературного и исторического материала. Новые книги не выпускались, а доставать старые тоже было нелегко. И тут мы вынуждены были начинать почти на пустом месте. Пришлось заняться изданием нужных книг. Первая из них, вышедшая в издательстве "Дрор" на языке идиш, была литературно-историческая анто-

логия "Страдания и героизм в еврейской истории в свете современности". Книга была отпечатана на гектографе. В этот час ужаса и отчаяния мы хотели рассказать молодежи о героизме еврейского народа, о его умении сражаться и побеждать. Поначалу в нашем распоряжении не было даже пишущей машинки, не было и гектографа, и пришлось немало потрудиться, пока удалось раздобыть необходимое оборудование.

Однажды немцы услышали звуки песни, несшейся из наших окон. Это их взбесило: как это евреи осмеливаются петь? Они неожиданно ворвались к нам, и мы едва успели спрятать гектограф. Немцы прошлись по всем комнатам — и были удивлены: так много еврейской молодежи! Мы сказали: это беженцы. Они стали всех проверять, устроили обыск, залезали во все щели. Случилось чудо, и они не заглянули в комнату, где находилась типография. Так мы спаслись.

Первая книга была отпечатана в сотнях экземпляров и разслана во все отделения. Ее читали все наши юные товарищи; многие взрослые, которые нам симпатизировали, также с интересом листали первую книгу, изданную в подполье.

В середине 1940 года мы начали издавать газету на идише и польском, которая называлась "Дрор" и "Дрор-Вольношц" ("Свобода"). Газета тоже печаталась на гектографе. В каждом номере были десятки страниц. Газета стала нашей трибуной, в ней обсуждались и идейно освещались текущие события. Позднее, в 1942 году, мы начали гектографическое издание еженедельника на идише "Иедиес" ("Вести"), в котором было 8—10 страничек. В еженедельнике публиковались радиосообщения (мы хранили нелегально приемник) и корреспонденции, которые наши связные доставляли из других гетто. "Иедиес" рассказывал о судьбе польского еврейства. Он — хотя бы отчасти — связывал нас с внешним миром. Мы издавали также брошюрки "Ламадрих" ("Для инструктора"), пособия для воспитателей на местах. Эти брошюрки заменяли книги, которых почти не было в гетто.

ИЦХАК КАЦНЕЛЬСОН

В издательстве "Дрор" вышла в свет пьеса Ицхака Кацнельсона на библейскую тему "Иов". Эту пьесу он написал в 1941 году. Публикация "Иова" стала важным событием в культурной жизни евреев Варшавы. Отрывки из своего произведения Кацнельсон читал в различных аудиториях. Начал он на улице Дзельной, где выступил перед членами нашей организации и группой общественных деятелей, затем продолжил чтения во многих других местах, в том числе в кругу писателей и артистов. Каждый, кто слышал, как Кацнельсон читает свою пьесу "Иов", невольно воодушевлялся. Люди воспряли духом и поверили в свои силы: нацистам не удалось сломить нас морально, есть еще среди нас творцы культурных ценностей. В те дни даже самые здравомыслящие, даже те, кто не видел никакого выхода, вдруг начали сомневаться: авось все же немцы нас не одолеют.

Кацнельсон много писал в ту пору. Возможно, в его жизни не было периода более плодотворного, чем годы войны и гетто. В журнале "Дрор" он публиковал стихи и прозу на идише: "Вышел еврей на улицу" (по народным мотивам 1940 года), "Кармелицка", "Когда сатана прав", "Хроника смерти Гершеле". В одном из первых номеров газеты он опубликовал перевод на идиш известной поэмы Бялика о Кишиневском погроме "Город резни", а также очерки "К годовщине смерти Бялика", "К 105-летию со дня рождения Менделе Мойхер-Сфорима", "Я мам лидлах" (сочетание польского и идиша: "Я имею песни") — на смерть народного поэта Гершеле Данилевича, погибшего от голода.

Своим друзьям из киббуца на Дзельной он посвятил поэму в двух частях "Изкор"*. Первую часть он прочел нам в канун Рош ха-Шана 1940 года. Мы все сидели в столовой киббуца и внимали прочувствованным словам поэта, посвященным его замученным братьям, евреям, умершим от голода, убитым на городских улицах, семьям, погруженным в траур. Некоторое время спустя была написана вторая часть поэмы. Это волнующее произведение, к сожалению, не сохранилось.

Ицхак Кацнельсон организовал по нашей просьбе драматический ансамбль "Дрор", который исполнял некоторые его произведения и выступал на Библейских вечерах. Для этих вечеров он перевел ряд глав из книг пророков Исаяи (Иешаяху), Иеремии (Иермияху), Осии (Хошеа) и отрывки из книг Иова. Вечер обычно открывался его собственными стихами, а завершался исполнением произведений на библейские темы. Он также перевел на идиш для ансамбля "Дрор" пьесу "Яков и Исав", которую в свое время написал на иврите, и сочинял новые пьесы, рассчитанные на молодежь: "Среди света и людей", "Меня влечет на улицу". Последнюю он читал несколько раз перед своими друзьями в киббуце, а также перед учителями начальных школ, в которых занятия велись на идише, и в ивритских школах "Тарбут", тогда еще действовавших с разрешения властей. Собрания учителей происходили в столовой киббуца на Дзельной. Пьеса "Меня влечет на улицу" была поставлена детьми из сиротского приюта, которым руководил его верный друг Давид Домбровский. Пьеса, написанная рифмованными стихами, не сохранилась.

Ансамбль "Дрор" работал также над его пьесой "У рек Вавилонских". На фрагменты из этой пьесы сочинил мелодии друг поэта композитор Исраэль Глатштейн. Он же написал мелодию к первому произведению Кацнельсона, опубликованному в "Дро-

*"Изкор" — поминальная молитва.

ре”, — стихотворению ”Вышел еврей на улицу” (ноты были опубликованы в том же номере подпольной газеты).

Злободневными были циклы стихов ”Песни о голоде”, ”Песни о холоде”, а также поэма ”Бал”. В ней изображено пиршество богачей, обжиравшихся и пьянствовавших на благотворительном вечере в пользу голодающих детей. И во время этого бала, в подвале того здания, где пируют ”меценаты”, дети гибнут от голода...

Мне особенно запомнилось чтение поэтом пьесы ”Иов”. Она была отпечатана на гектографе и переплетена. К экземпляру, преподнесенному автору его товарищами-халуцим, художники гетто приложили свои рисунки. На вечер в честь выхода в свет этого произведения были приглашены друзья поэта, писатели, общественные деятели и, разумеется, его поклонники, молодые коммунары с улицы Дзельной. В то время, как поэт читал свою пьесу (а чтением он был замечательным), явился кто-то с ошеломляющей новостью: немцы сообщили, что их войска вторглись в Советский Союз. Это было 22 июня. Известие всех чрезвычайно взволновало. Мы были убеждены, что новая война на востоке положит конец Третьему Рейху. В действительности же началось уничтожение еврейского народа на всех территориях, оккупированных немцами.

Вести о горькой участи наших братьев нашли свое выражение в новых стихах Кацнельсона: ”Еврей смеялся”, ”Излей свой гнев”, ”Песня о Шломо Желиховском”, ”Горе мне”.

Во время ”большой акции” в Варшавском гетто прервалась наша повседневная связь с поэтом и его семьей. Мы знали о страшной участи его жены Ханы и двух младших сыновей, угнанных в Трешлинку, и о его собственных страданиях. Мы в ту пору были заняты созданием Еврейской боевой организации, а поэт и его старший сын Цви нашли временное убе-

жище в одной из наших мастерских. В середине января 1943 года они появились у нас на базе "Дрора" на улице Заменгоф. В тот период Кацнельсон написал два стихотворения. Одно называлось "Лабан и Ицхак" — это была баллада о судьбе двух товарищей: Лабана (он же Авраам Лейбович), одного из командиров еврейской боевой организации в Кракове, и его друга Ицхака Цукермана. Баллада была посвящена акту возмездия еврейских бойцов в Кракове в декабре 1942 года. Второе стихотворение, написанное на иврите, рассказывало о переживаниях поэта, участвовавшего в январском восстании 1943 года в боевом отряде Ицхака Цукермана. Оба эти стихотворения не сохранились. Уже после войны нам стало известно и о других значительных произведениях, написанных поэтом. В ту пору мы ничего о них не знали.

Он писал днем и ночью. И других литераторов заражал своим примером и привлекал к нашей работе. И действительно, главной трибуной для писателей, оставшихся в гетто, была наша пресса. Они грелись у нашего огня, и мы делились с ними нашим скудным пропитанием. Особенно поражала их подлинно человеческая атмосфера, царившая у нас. Наша вера и наша убежденность поддерживали и укрепляли их. Поэт Иехизель Лерер опубликовал в "Дроре" отрывок из поэмы "Мой дом", которая впоследствии была переведена на иврит и издана в Эрец-Исраэль. Уже после трагической смерти народного поэта Гершеле Данилевича Ицхак Кацнельсон опубликовал в нашей газете несколько его стихов.

Даже люди, далекие от нас по своим убеждениям, как, например, поэт, педагог и редактор ивритских периодических изданий Меир Чуднер, очеркист и журналист Ицхак Бернштейн, любили бывать на Дзельной и печатали у нас свои произведения. Менахем Линдер, молодой ученый, специалист в области еврейской экономики и демографии, был докладчиком на наших семинарах и сотрудничал в нашей прессе.

Он погиб в ночь массовых убийств в гетто 18 апреля 1942 года. Профессор Центнершвер, специалист с мировым именем в области химии, тоже читал у нас доклады и был дружен с киббуцниками. Януш Корчак и Стефа Вильчинская в ту пору также регулярно участвовали в наших семинарах. Более того, они у нас были как бы посланцами Эрец-Исраэль. В то время, как известно, отсутствовала живая связь со страной нашей мечты, а Корчак и Стефа, единственные среди нас, когда-то там побывали. Поэтому мы их считали специалистами по Эрец-Исраэль. На семинарах и в дружеских беседах они много рассказывали о стране, о ее киббуцах, о ее детях.

Над прессой и изданием книг шефствовали Ицхак Цукерман, Товия Божиковский и Марек Фольман. Техническими вопросами и распространением печати занимались многие молодые активисты.

Среди удивительных институций гетто следует назвать начальную школу и гимназию "Дрора". В те дни немцы запретили обучение детей (позднее были разрешены начальные школы). Мы с огорчением наблюдали вынужденное безделие молодежи. Дети росли, не получая ни образования, ни должного воспитания, чего, собственно, и добивались немцы. Поэтому мы считали себя обязанными противодействовать им. Особенно мы старались ради детей бедняков. Для них мы организовали в подполье ряд воспитательных учреждений.

НАША ГИМНАЗИЯ

Вначале мы думали создать гимназию, где члены нашей организации могли бы приобретать знания по разным специальностям и изучать предметы, связанные с иудаизмом. С течением времени рамки обучения расширились, и у нас занималось до 120 учеников. Условия работы учителей были очень тяжелыми. У нас работало тринадцать преподавателей, но не было ни постоянных классов, ни парт, ни скамеек, ни учебников, ни пособий. Группы учеников вместе с учителями переходили из квартиры в квартиру. В тесной комнате, где жила целая семья, собирался десяток учеников (такую группу мы называли "комплектом") вместе с педагогом. Голодные, с опухшими от холода ногами, сидели учителя и обучали голодных и опухших учеников.

Много месяцев гимназия существовала благодаря посылкам, которые мы получали от наших товарищей из Вильно. Они посылали колбасу, масло и другие недоступные нам лакомства. Мы продавали эти "предметы роскоши" и покупали хлеб для детей, учителей и их семейств (ведь у нас не было ни гроша, чтобы платить им жалование).

К общепринятой программе обучения мы добавили всеобщую историю рабочего движения, а также историю еврейского рабочего движения (в диаспоре и Эрец-Исраэль). Но особенность этой школы заключалась не только в предметах, которые там изучались. Во время торжественного выпускного акта в конце года одна из учениц выразила эту мысль так: "Я приобрела здесь знания по географии, математике,

истории, но самое главное — я получила здесь идейную подготовку”. Да, это была школа для юношей и девушек, которые жили в те дни бурной идейной жизнью.

Большая часть учащихся гимназии активно работала среди молодежи гетто. Они делились своими знаниями с товарищами, которые не имели возможности регулярно заниматься. Многие из них были потом в числе активных участников восстания.

Душой гимназии был Ицхак Кацнельсон. Его уроки пользовались особой популярностью. Он преподавал Танах и умело использовал библейский материал для воспитания в своих питомцах воли к независимости, любви к еврейскому народу и его стране. Слова Кацнельсона воспаляли сердца слушателей, наполняли их энтузиазмом. Воодушевившись, он декламировал стихи, запевал песню, и ее подхватывали и ученики, и обитатели квартиры. Найти помещение для занятий обычно было непросто, но когда урок проводил Ицхак Кацнельсон, перед ним открывались все двери, ибо его уроки в любой семье становились праздником.

Руководил гимназией учитель математики Марек Фольман. Для своих учеников он был больше чем учителем — он был воспитателем и другом. После того как Марека направили на другую работу (среди молодежи Бендзина), его заменил учитель биологии Хаим Зелмановский — выдающаяся личность и замечательный воспитатель. До войны он не был членом нашей организации, но, присоединившись к нам, всецело отдался порученному ему делу и, не щадя себя, нес бремя руководства гимназией до тех пор, пока она существовала. Много сделал для гимназии Иосеф Зак, член партии ”Поалей Цион ЦС” (сионистов-социалистов). Активно занимаясь общественной и партийной работой, он тем не менее находил время для преподавания мировой литературы и польского языка. Преподаванием занимался также Элияху Гутковский, один из ближайших помощников Имануэля Рингельблюма по организации подпольного

архива (в целях конспирации его называли "Онег шабат"*).

Среди учителей была и Перла Леви из Лодзи, зовутка Лейзера Левина. Вицер, молодой преподаватель математики, погиб в конце августа 1942 года в партизанском отряде "Дрор" в окрестностях Хрубешува. В гимназии работали также Брагинский, Бендерская, Вайсберг, Зелмановская (жена Хаима Зелмановского) и Сташевский. Все они погибли летом 1942 года во время большой акции в Варшавском гетто.

С течением времени в гетто появилось немало "гимназических комплектов", в которых занимались дети богатых родителей. Учителя в этих "комплектах" хорошо зарабатывали. И все же были такие, кто из идейных побуждений предпочитал работать у нас. Они говорили, что в нашей гимназии они сами учатся и воспитываются в халуцианской атмосфере, которая придает им силы и желание жить. Считалось особой привилегией учиться и преподавать в гимназии "Дрора".

Все, что я рассказала о гимназии, относится и к нашей начальной школе, но впоследствии, как я уже говорила, немцы разрешили работу начальных школ.

Особо должна быть отмечена работа домовых комитетов. Мы покидали наши дома до наступления комендантского часа и переходили ночевать в тот двор, где намечалось проведение очередного культурного мероприятия. Вечером вся молодежь двора собиралась в одной из квартир, где наши товарищи проводили занятия или беседы на актуальные темы. Во время таких встреч мы нередко пели хором халуцианские песни. Позже из этой молодежи был создан новый отряд нашей местной организации.

* Дословно – субботние наслаждения. Так называются субботние трапезы, сопровождаемые песнопениями и беседами на религиозные темы.

Варшавское отделение "Дрора" очень выросло. В нем насчитывалось около тысячи членов и оно располагало преданными, способными и инициативными инструкторами. Они организовывали и все прочие мероприятия для городской молодежи.

Культурная деятельность в тот период была связана с так называемыми детскими уголками. Воспитательницы детских садов, подготовленные на специальных курсах нашей организации, присматривали за детьми во время отсутствия родителей, играли с ними и обучали их. Группа женщин действовала все время в начальной школе "Шул-культ", организованной "Поалей Цион ЦС". Одна из женщин работала в группе Януша Корчака, а другая – с одаренным воспитателем Аароном Конинским, руководителем большого детского интерната на улице Мыльна, 18. Конинский был активистом "Поалей Цион ЦС" и другом движения "Дрор". Он, как и Януш Корчак, во время большой акции в Варшавском гетто пошел с детьми на Умшлагплац, откуда всех отправили в Трешлинку. Имя Януша Корчака известно всему миру. Аарон Конинский, к сожалению, забыт.

И от музыкального воспитания мы не отказались. Мы организовали хоры для молодежи и взрослых. Дирижировал ими профессор Исраэль Файвишес из Лодзи – друг Ицхака Кацнельсона. Каждое выступление детского хора было настоящим праздником. Детский и молодежный хоры, а также выступления драматического коллектива притягивали тысячи евреев; люди старались хоть на время забыть, отключиться от ужасов гетто. Это были своего рода массовые демонстрации: еще есть в нашей жизни проблески радости и света, живо еще наше творчество.

Ко всем культурно-просветительным начинаниям мы привлекали членов партии, таких, как товарищи Лейзер Левин, Иосеф Зак, Шалом Граек, Иоханан Моргенштерн, Лейб Кац, Авраам Фишельзон, Моше Лихтштейн, и многих других.

СВЯЗНЫЕ

Мы не могли бы проводить свою работу на оккупированных немцами территориях без связных. Наше гетто было как бы обособленным государством, совершенно оторванным от внешнего мира и от других гетто. Между разными гетто не было никакой связи, и это усугубляло тяжелое положение народа и затрудняло подпольную деятельность. Нужно было наладить связь не только между гетто. Западные части Польши были присоединены к Третьему Рейху, а после немецкого вторжения в Советский Союз появились новые административные единицы с границами между ними, как, например, Белостокский округ, Остланд и др. А каждая граница — это для нас смертельная опасность.

Я не в силах описать, что представляла собой работа связных (все без исключения были женщинами), ходивших между гетто и между областями расчлененной довоенной Польши. Из гетто можно было выйти либо с фальшивыми документами, либо выбраться тайком через какую-нибудь щель или пролом в разрушенном пограничном доме, или перелезть через стены, воздвигнутые немцами, поминутно оглядываясь по сторонам, не следят ли за тобой. На каждом шагу подстерегал враг — немец, польский полицейский, просто шантажист. Евреям было запрещено находиться за пределами гетто, ездить в поездах, передвигаться по шоссе и дорогам. Выходя из гетто, следовало выдавать себя за поляка, а для этого надо было обладать арийской внешностью и хорошо владеть польским языком. Не всегда удавалось найти подходящих людей. Тех, кто соглашался взять на себя роль

связного, ожидали семь кругов ада. Ведь каждого, кто выходил из гетто, подстерегала опасность. Если у тебя печальное выражение лица, — в тебе легко распознать еврея. Если кто-то нагло смотрит на тебя, а ты, поддавшись минутной слабости, опускаешь глаза, — ты обречен: ведь ясно, что ты еврей, иначе чего тебе бояться... Войдя в вагон, ты должен принять участие в общей беседе пассажиров, а основная тема всех разговоров — евреи. И ты обязан все выслушивать и реагировать так, будто ты со всем согласен, — чтобы никто не заподозрил, что ты еврей...

Совершая путь из одного гетто в другое, подчас приходилось пересекать три границы: при выходе из гетто — стена, при переходе из зоны в зону — граница, затем снова стена или колючая проволока вокруг того гетто, куда нужно пробраться.

И не с пустыми руками трогались в путь связные. Вначале они везли с собой газеты и инструкции, а под конец — револьверы. Случалось, что наши связные попадали в сети, расставленные немцами для польских подпольщиков. Проходили месяцы страшного напряжения, пока связной завершал свою миссию и возвращался на базу. Какие душевные силы нужны были, чтобы выдержать все это!

Но находились такие люди. Фрумка, черты лица которой отнюдь не были арийскими, а в глазах светилась вековая еврейская скорбь, без конца скиталась по дорогам Польши, и, кажется, не было такого места, которое она не посетила бы: Вильно, Ковель, Бендзин... До нее никому из Варшавы не удавалось попасть в Ковель или Брест, да и после нее тоже. Не было такого задания, которое она считала бы невыполнимым.

Мы полагали, что если пошлем в гетто людей, которые смогут раскрыть еврейской общественности глаза на предстоящее поголовное уничтожение и помогут организовать самооборону, — может быть, еще удастся спасти людей. Может быть, удастся создать Еврейскую боевую организацию, может быть, удастся вывести молодежь в леса. И действительно, сам факт

появления в гетто связных становился для многих праздником. У Фрумки всегда были наготове слова, к которым прислушивались не только члены нашей организации, но и многие видные общественные деятели, и не только прислушивались, но и верили им. Лёнка Козибродская, Тэма Шнайдерман, Хавка Фольман, Риша и Франя Беатус из "Дрора", Тося Альтман из "Хашомер хацаир", Сара Эрлихман из "Гордони", Хела Шипер из "Акивы" и другие девушки были связными между гетто и разными поселениями. Они десятки раз отправлялись в путь и десятки раз смотрели смерти в глаза. После каждой такой поездки они несколько дней отдыхали и снова отправлялись в путь-дорогу. Нельзя представить себе нашей деятельности по подготовке и организации восстания без девушек-связных.

Основой всей нашей деятельности была связь с местами, а ее осуществляли связные. Немцы изолировали нас от внешнего мира, они разрубили польское еврейство на части, каждая из которых сама по себе была слаба и беспомощна. Каждое гетто представляло собой прочно запертую клетку, обитатели которой находились в полной власти нацистов.

Наши связные поставили перед собой цель расстроить коварные замыслы врага, и кое в чем они преуспели. Рискуя жизнью, они пытались объединить различные гетто и разорванное на части польское еврейство. Для наших связных как бы не существовало стен гетто, не было границ, и они не считались со всеми суровыми распоряжениями немцев и с запретами передвигаться по дорогам. Не было такого уголка в оккупированной Польше, где находились евреи (кроме Лодзи — Лицманштадта), и куда не проникали бы связные.

Как живая встает перед моими глазами Лёнка Козибродская, уроженка местечка Прушкув возле Варшавы. Ее отец Авраам был учителем, и его воспитанники, безо всякого нажима с его стороны, почти все примкнули к халуцианскому движению. Да и сам он, халуц по своему характеру, был близок к нам все

годы. Но его дочь Лёнка, учившаяся в польской школе и постоянно находившаяся в обществе поляков, активистка польского социалистического движения, была очень далека от дел еврейской молодежи. И все-таки дух, царивший в доме, сделал свое дело. На нее, по-видимому, повлиял также брат Давид, член Центра "Хехалуц" и "Фрайхайт — хехалуц хацаир". И когда пробил час и разразилась война, девушка пришла к нам и заявила: "Я ко всему готова и отдаю себя в распоряжение организации".

Красивая, образованная блондинка с арийской внешностью полюбилась всем, кто с ней встречался. Все ей симпатизировали и уважали ее. Она была полна молодой энергии, но особенно выделяло ее удивительное бесстрашие. Кроме польского, идиша и иврита, которые она освоила в родительском доме, она изучала в университете французский и немецкий и с легкостью овладела английским, русским и украинским. Она не знала преград в своей работе, и не было такого места, куда она бы не проникла.

Все новые запреты обрушивались на головы евреев, а также поляков, но Лёнка всегда как-то умудрялась "устраиваться". Вспоминаю, как мы паковали чемодан, запрятав нелегальные материалы в двойную крышку, и сердце трепетало: что ее ждет? Мы опасались также за ее родителей. Долгие месяцы они проводили в тревоге за судьбу любимой дочери. Вправе ли мы и в дальнейшем подвергать ее такому риску? Но ни разу не было случая, чтобы родители противились ее очередной "командировке". Более того, они сами провожали ее в дорогу. А Лёнка при этом улыбалась и успокаивала их и нас: "Не тревожьтесь, все будет в порядке". Она верила в правоту нашего дела, в свои силы, в свою находчивость, верила, что благополучно выполнит возложенное на нее задание.

Случалось, что много недель мы пребывали в беспокойном ожидании. Ни письма, ни весточки, а по нашим расчетам она должна была уже вернуться... И вдруг Лёнка появляется с улыбкой на лице. О своих при-

ключениях и о том, что ей пришлось пережить, она рассказывала как бы между прочим, будто стыдясь собственного бесстрашия. Выяснилось, что во время поездки был повальный обыск на вокзале, проверяли все тюки и чемоданы. Еще немного — должны были приблизиться к ней... Но Лёнка не отчаялась и буквально в последнюю минуту подала свой "тяжелый" чемодан немцу, которого знала и который ей симпатизировал. Тот вел себя по-рыцарски и передал его далее по цепочке немцев, разумеется, и не подозревая о его содержимом. Ей всегда удавалось ускользать от жандармов вместе со своим неизменным чемоданом. И она этим гордилась.

Сияя, она вспоминала о посещении тех гетто, в которые ей удавалось проникнуть. Ее появление там было праздником для наших товарищей и для всех, кого она встречала. Ее окружали и слушали, затаив дыхание. Она рассказывала о молодежи, которая не примирилась с унижением и мечтает о достойной жизни или, по крайней мере, о достойной смерти.

Не раз случалось, что ее вырубал какой-нибудь поляк, а то и немец. Даже среди этих хищных зверей она умела отыскивать людей и если находила, была поистине счастлива.

Однажды в киббуце на Дзельной схватили шесть наших товарищей и отправили в рабочий лагерь Кампинос. Она, не колеблясь, пошла по их следам, установила, где они находятся, и дерзнула проникнуть в лагерь, который тщательно охранялся. Правда, помочь она не смогла, так как ее обнаружили. Но ей удалось вырваться из ловушки, расставленной для нее охраной лагеря, состоявшей из "фольксдойче" и украинцев, и благополучно вернуться в Варшаву.

Не раз она находилась буквально в зубах нацистов. Но всегда умудрялась ускользать невредимой. Она проникала в города и местечки, где проводились массовые убийства и ликвидации, и призывала к организованному сопротивлению и обороне. А там, где не оставалось никакой надежды и акцию невозможно бы-

ло предотвратить, она рисковала собственной жизнью, лишь бы спасти хоть одного человека. "Чтобы спасти одну еврейскую душу, стоит рисковать жизнью", — говорила она.

И другие наши связные были подобны Лёнке. Это были девушки всех возрастов: Франя Беатус, которая работала вначале в Островце и окрестностях — она была изгнана из Конина, присоединенного к Рейху; Рися — фамилию ее не знаю, — тоже была в числе изгнанных из Конина, работала в Ченстохове и Кельце — обе примкнули к Еврейской боевой организации в Варшаве в качестве связных в конце 1942 года; Реня Кукелка работала в Бендзине, Бронка Веницкая — в Белостоке и Белла Хазан — в Гродно. Время от времени отдельные гетто посещали члены Центра, но основная тяжесть поддержания постоянной связи падала на этих девушек. Они ободряли и организовывали людей, в начальный период подыскивали места для сельскохозяйственных ферм и для киббуцов, перевозили газеты и книги, провожали товарищей до словацкой границы, создавали партизанские базы, оказывали всяческую помощь тем, кого удавалось вывести из гетто.

Тэма Шнайдерман принесла нам страшную весть о ликвидации евреев Вильно. Лёнка и Фрумка были в числе первых, отправившихся туда (в начале января 1942 года, после того, как поляк Хенек Грабовский прибыл в Вильно из Варшавы), чтобы изучить положение на месте.

Первые связные, доставившие оружие в гетто, проносили его из города в город и ухитрялись передавать внутрь крепостных стен. Немцы всех обыскивали, а нашим связным удавалось водить их за нос, пряча оружие то в одежде, то в буханках хлеба и т. п. У Тэмы произошел однажды такой случай. Она ехала поездом, а под одеждой у нее были спрятаны ручные гранаты. Освободилось место, и пассажиры поляки вежливо предложили девушке присесть. Она знала, что если сядет, то взлетит на воздух вместе со всем ваго-

ном. К счастью, ей удалось как-то отвлечь внимание пассажиров, избежать беды, и она благополучно довезла свой смертоносный груз.

Опасность подстерегала связных на каждом шагу. Всегда следовало ожидать обыска, поскольку багаж проверяли и у христиан. Существовала также опасность быть отправленной в рабочий лагерь или в концлагерь. Но главное, каждую минуту кто-то мог догадаться, что ты еврейка. У немцев был наметанный глаз: они всматривались в лица прохожих, и если замечали у кого-то печальное или настороженное выражение, тотчас подозревали, что перед ними еврей. Даже в минуты страшного напряжения, когда иссякали все силы, связные обязаны были выглядеть веселыми и беззаботными. Выполняя возложенное на них задание, они постоянно смотрели смерти в глаза. Одна за другой попадали они в лапы фашистов, и многие из них были зверски замучены и убиты.

Франя Беатус, самая молодая из связных, оставшаяся в живых после восстания в Варшавском гетто, действовала в арийской части Варшавы. Она сказала: "После того, как все пропало, мне делать больше нечего и я не хочу жить только потому, что у меня арийская внешность. Судьба всех евреев — моя судьба!" И покончила жизнь самоубийством. Это было 12 мая 1943 года, через два дня после того, как последняя группа бойцов центральной части Варшавского гетто была выведена через канализационные каналы.

Таковы были наши связные, действовавшие с первых дней немецкой оккупации и до последнего дня войны.

Фрумке и Тэме удалось проникнуть в город Ковель на Волыни и встретиться там с нашими товарищами, с которыми мы расстались в советском подполье, — Леей Фиш, Рахелью Фогельман, Шейндле Шварц и Давидом Айзенбергом. От них мы получили сведения о том, что наша организация продолжает действовать (это было до немецкого вторжения на территорию Советского Союза).

Наше движение на территориях, присоединенных к Советскому Союзу, росло и развивалось. Появились новые отделения, объединившие большие группы молодежи. Но когда сионистская деятельность стала заметной, начались аресты. Среди арестованных был Эдек Головнер, который до последней минуты находился в центре халуцианской работы. Во время допросов он взял всю вину на себя. Он откровенно сказал на следствии:

— Я — халуц, и хотя я высоко оцениваю деятельность Советов, душа моя устремлена к Эрец-Исраэль, и я от своих убеждений не откажусь. Но мои товарищи не виноваты, наши встречи носили случайный характер.

Некоторых узников "освободили" немцы. Эдека оставили в тюрьме, и с тех пор его следы затерялись. Ходили слухи, что немцы сделали его переводчиком в своих переговорах с пленными красноармейцами (он свободно говорил по-немецки, по-русски и по-украински).

Потом нам стало известно, что наши товарищи организовали в Ковеле партизанские группы. Им удалось отправить в лес десятки людей (некоторых из партизан я встретила впоследствии, после войны). Они сами собирались уйти в леса, но, по-видимому, очередная акция помешала им это сделать.

ПОНАРЫ И ХЕЛМНО

Мы делали первые попытки организовать ядро самообороны, когда война захватила Советский Союз. Мы были уверены, что русские нанесут немцам сокрушительный удар и заставят их бежать из Польши, но опасались, что нацисты, отступая, будут вымещать злость на евреях, да и поляки воспользуются безвременьем и до прихода Красной Армии будут устраивать погромы. В этот переходный период наша молодежь должна была защитить еврейское население. Состоялось несколько заседаний Центра "Дрора", а затем — Центра партии. Были разработаны разные планы, и мы начали организовывать боевые "пятерки", обучать и тренировать их, готовить к действиям. Настроение у нас было приподнятым. "Вопреки всему, — твердили мы, — немцы не смогли одолеть нас, и в конце концов мы сподобимся увидеть их разгром и поражение". Как известно, очень скоро выяснилось, что наши расчеты были ошибочны. Мы содрогались, слушая по радио сводки о немецких победах и молниеносном марше на Москву.

К этому прибавлялись ужасные вести о разгроме и уничтожении еврейских общин на захваченных немцами советских землях.

Нам тогда и в голову не приходило, что наши "пятерки" станут впоследствии важным элементом Еврейской боевой организации, которой придется действовать в совершенно иных обстоятельствах.

В конце 1941 года до нас дошли первые вести о гибели евреев Вильно. Однажды у нас появилась Тэма Шнайдерман, которая была послана в Варшаву из

Вильно Мордехаем Тенненбаумом. Она рассказала на заседании Центра, что сразу после захвата города немцы отправили тысячи евреев в неизвестном направлении. Ходили упорные слухи, что этих евреев отвезли в Понарские леса и там убили. Те немногие, которым удалось выбраться из братских могил, подтверждали справедливость этих слухов. Но большинство евреев, сказала Тэма, отказывается этому верить.

Таковы были первые вести о тотальной катастрофе. Мы были потрясены. Слушая Тэму, мы вспомнили довоенные статьи и речи фюрера, его высказывания, предшествовавшие нападению на Россию; мы вспомнили о его угрозах в канун вступления Америки в войну и его заявлении перед началом второй мировой войны. В наших ушах еще звучал его истошный вопль, который казался вызовом всему миру: "Если еврейскому международному капиталу в Европе и за ее пределами удастся еще раз свергнуть народы в мировую войну, ее результатом будет уничтожение еврейской расы в Европе".

В свое время мы думали: пустая болтовня зарвавшегося безумца. Но в свете фактов, о которых рассказывали наши посланцы, его слова обретали весьма определенный и страшный смысл.

Однажды появились новые посланцы из Вильно — Эдек Боракс и Хайка Гроссман из "Хашомер хацаир", Шломо Энтин из "Ханоар хациони" и другие, в том числе посланцы от ревизионистов, и нарисовали нам страшную картину гибели и разрушения. У нас создалось впечатление, что Вильно — это начало окончательного уничтожения евреев. "Неизвестное направление", по которому посылают евреев, хорошо известно: их посылают на смерть. Не помню, откуда явилось это интуитивное ощущение, но все халуцианское движение его разделяло: готовится тотальное уничтожение еврейских общин в странах, захваченных немцами.

Спустя несколько недель пришли вести из западной Польши, из Хелмно в районе Вартегау (бассейн

реки Варты), с территорий, присоединенных к Третьему Рейху. Сведения исходили от еврея, который находился среди жертв лагеря смерти, но ему удалось убежать. Прибыв в Варшаву, он встретился с некоторыми общественными деятелями и рассказал, что в окрестных местечках однажды появились немцы и объявили, что так как работы для всех не хватает, решено переселить евреев на Восток, дабы они обосновались на широких просторах, отвоеванных у Советского Союза. Евреев собрали в Хелмно или, по-немецки, Кулмхофе. Никому не пришло в голову, что тут кроется коварный замысел. И хотя тяжело было расстаться с родным местечком, с домом и скудным имуществом, но другого выхода не было, и евреи отправились в путь. Они сами пришли на сборные пункты. Это было в декабре 1941 года или январе 1942-го. Тогда еще никто не мог поверить, что можно взять целый народ — молодых и стариков, детей и женщин, сначала сотни, тысячи, а затем — миллионы людей и хладнокровно уничтожить. В самом деле, нужно было обладать крайне расстроенным воображением, чтобы представить себе нечто подобное.

Евреи были доставлены в заброшенный замок, и немецкий офицер, приветливый толстяк, сказал им:

— До сих пор вы много натерпелись в гетто. Вы познали голод, нехватки, любой немец мог издеваться над вами, стрелять в вас, делать все, что ему заблагорассудится. Мы знаем, что виноваты, и хотим это исправить. Особенно мы нуждаемся в молодых и трудоспособных людях. Сейчас вы отправитесь на работу, но прежде нужно помыться. Вот место для женщин, вот место для мужчин. Пожалуйста, разденьтесь, войдите в баню, а затем вы получите спецовки, еду и поедете на Восток, чтобы там жить и работать.

Все это говорилось вежливо и с приветливым выражением на лице. Немцы умеют притворяться, знают, как вести людей на заклание...

Евреев повели в "баню". Но едва они переступили ее порог, отношение к ним резко изменилось.

Еврей рассказывал:

— Их заставляли раздеваться на жутком морозе, немцы заталкивали людей в машины, напоминавшие герметически закрытые автобусы; во время поездки выхлопные газы подавались внутрь. Автобус направился в рощу, находившуюся в нескольких километрах от заброшенного дворца. Когда водитель прибыл на место и открыл дверцу машины, внутри горой лежали трупы. Среди жертв оказались маленькие дети, на них газ не подействовал (видимо, из-за того, что матери укутали их в одеяла). Но никого не интересовало, живы они или нет. Вся эта груда человеческих тел, которую доставила машина, была сброшена в вырытые заранее ямы.

Таким способом были убиты в дальнейшем сотни тысяч людей.

Рыть могилы и закапывать трупы заставляли самих евреев. Немцы все делали руками евреев. Бежавший сам был могильщиком и рассказал, что не раз он и его товарищи помышляли о самоубийстве. И были среди них такие, которые молились... На ночь немцы надевали на ноги могильщикам кандалы. Однажды, когда этого человека везли "на работу" на грузовике, крытом брезентом, ему удалось припрятанной бритвой разрезать брезент и выпрыгнуть из машины. Немцы бросились в погоню, но не настигли его. Он прошел через многие населенные пункты и всюду, где были евреи, собирал их и рассказывал о массовых убийствах в душегубках.

Когда немцы начали ликвидацию евреев, поголовное истребление, они еще опасались, что об этом станет известно их жертвам, и тогда евреи уже не будут покорно следовать на казнь. Немцы опасались также реакции польской и мировой общественности. И мы тоже полагали, что народы мира будут гневно реагировать на эти страшные злодеяния. Тогда мы еще не догадывались, что мир все знает и молчит. Мы, как и

немцы, полагали, что существует мировое общественное мнение, совесть человечества, и если откроется, как нацисты расправляются с евреями, найдется сила, которая попытается вмешаться и спасти. В первый период немцы заботились о том, чтобы факты массового уничтожения евреев не просачивались наружу. Поэтому, когда они узнали о бегстве могильщика, то разослали погоню по всем направлениям.

Когда этот человек, прибыв в местечко, собирал уважаемых людей и рассказывал им о том, что он видел и пережил, ему не верили. Говорили: это нечто невозможное. И в Варшаве, где в то время было сосредоточено полмиллиона евреев, собралось несколько десятков людей из числа руководителей общины, чтобы послушать беглеца. И они не поверили, не хотели верить. Один крупный общественный деятель сказал:

— Невозможно, чтобы такое произошло в сердце Европы, в Варшаве. Когда мир об этом узнает, разве он промолчит? Так что нечего говорить о массовых убийствах, об этом не следует даже заикаться...

И еврейские массы тоже не верили. Не могли поверить. Каждый был занят своими повседневными заботами, искал, где раздобыть кусок хлеба для ребенка, как просуществовать. Люди были не в состоянии думать о чем-то, что выходило за рамки будничных забот и тревог. Никто не хотел верить. И действительно, в атмосфере всеобщей беспомощности и бессилия не хотелось верить...

Но среди нас нашлись такие, кто, выслушав страшное известие, сказал: это тотальное уничтожение. Трудно передать, что мы при этом пережили. Вот мы идем по улицам Варшавы, по улицам перенаселенного гетто, где снуют сотни тысяч живых людей... Все спешат, торопятся, толкаются, готовы, кажется, вцепиться друг в друга. Им кажется, что они борются за жизнь, за свое существование, но фактически все они обречены, все они — мертвецы...

В такие моменты — а их впоследствии было не-

мало — мы не могли бы выдержать и устоять, если бы не сознавали, что есть особый смысл в нашей жизни, нашей работе и нашей смерти. Есть у нас ради чего и во имя чего воевать, и мы не вправе наложить на себя руки. Наши идеи не позволяли смириться со смертным приговором, они повелевали продолжать сражение.

Когда нам вдруг стало ясно, что участь евреев предрешена, первый вопрос, который вырвался из наших уст, был: "А что же евреи? Неужели они шли на бойню без всякой попытки к сопротивлению?"

Люди, принесшие эти страшные вести, отвечали, как бы оправдываясь: евреи не верили, что идут на смерть. Да и нечем было обороняться...

И тогда возникло твердое решение: **бороться!** Но сразу же вставал второй вопрос: как и чем?

Мы знали, что нам самим не под силу организовать самооборону, что главное условие вооруженной борьбы — привлечь к ней широкие массы. Но для того, чтобы убедить народ в необходимости сопротивляться, надо было заставить его осознать, какая участь ему уготована. Все должны понять, что мы осуждены на смерть, и смерть стоит на нашем пороге: сегодня — Вильно — Понары, область Вартегау, а завтра — Варшава и другие польские города.

И среди нас нашлись товарищи, которые сомневались. Они говорили: вправе ли мы сообщать евреям горькую правду? Вправе ли мы прийти к нашим измученным и подавленным братьям и отнять у них последнюю иллюзию, сказав им открыто: завтра вы умрете... А может быть, мы все же ошиблись, сделав столь трагические выводы? Но у большинства из нас не оставалось и тени сомнения относительно происходящего. Путь, по которому мы должны следовать, тоже не вызывал сомнений. И все-таки мы послали в Вильно вместе с Тэмой Фрумку и Лёнку, чтобы они на месте разобрались в обстановке. Прошло немного времени, и мы получили от них вести, которые подтвердили то, что мы слышали ранее:

десятки тысяч евреев убиты в Понарах. И в то же время пришли ужасные вести с другого конца страны, с западных территорий Польши, о которых я уже писала выше. Нам сообщили о массовых убийствах в Хелмно. И снова посланцы подтвердили, что евреи не верят этому, потому что немцы осуществляют свои планы очень хитро, прибегая ко всяческим уловкам и маскировке, а еще и потому, что трудно в это поверить... Как можно поверить, что люди, "сыны человеческие", способны на такое?..

ПРИЗЫВ К СОПРОТИВЛЕНИЮ

Мы начали искать пути организации самообороны. Это было в конце 1941 — начале 1942 года. Вся наша деятельность отныне переключилась на новые рельсы. Если раньше мы считали необходимым, прежде всего, поддерживать в людях силу духа и человеческое достоинство, и этой цели подчинялась вся наша работа (которая, кстати сказать, приносила свои плоды), то теперь мы сосредоточились исключительно на задачах самообороны. Мы сказали себе: наш долг смотреть правде в глаза. Нас хотят уничтожить, и нам не остается ничего другого, как организовать самооборону и сражаться за свою честь, за честь еврейского народа. Мы знали, что наши возможности крайне ограничены и наших сил недостаточно, чтобы спасти многих. Но мы не могли продолжать действовать старыми методами. Мы знали, что не пойдем безропотно на бойню и не подставим шею под топор палача. Мы не дадим уничтожить себя без сопротивления. Ради всего еврейского народа — и в Эрец-Исраэль, и в диаспоре — мы начнем борьбу.

Это сознание было движущей силой нашей самообороны, нашей борьбы. Даже если нам придется заплатить своей жизнью за открытое сопротивление, то и враг заплатит дорогую цену. Если совесть человечества спит и никто не встал на нашу защиту, то мы сами взыщем с убийц нашего народа в меру своих сил. И хотя нас мало и мы восстаем против несметных полчищ врага, шагающего от победы к победе и уже покорившего многие страны, хотя

повсюду царит мрак и нет ни искорки надежды, ни малейшего намека на скорую победу стран-союзниц, — мы все же возьмемся за оружие и будем сражаться с врагом до конца.

Мы снова собрались, чтобы обсудить, что делать. Мы хорошо знали: мы должны развеять иллюзии, используя нашу прессу и личные контакты, мы должны вести разъяснительную работу. Второе, что нам предстоит сделать, — создать свои вооруженные силы. И вновь встал вопрос: как это сделать? У нас нет оружия и не у кого учиться искусству обороны и боя. Польское подполье в ту пору еще не начало вооруженной борьбы. Вся его деятельность заключалась тогда в издании нелегальной литературы и разъяснительной работе. Кроме того, у нас не было никакой связи с польским подпольем. О нас там совершенно не знали. В таких условиях мы не могли полностью взять на себя ответственность за подготовку восстания и решили во что бы то ни стало найти союзников среди еврейской общественности.

Мы устроили встречу, на которую пригласили главным образом влиятельных общественных деятелей. Выступивший перед собравшимися от нашего имени Ицхак Цукерман описал положение, разъяснил наши взгляды и рассказал о нашем желании организовать вооруженную самооборону. Слушатели побледили — то ли от охватившего всех страха, то ли от возмущения нашей неслыханной дерзостью. Реакция была весьма бурной. Нас гневно упрекали в том, что мы сеем панику, отчаянье и растерянность, а также в безответственности и авантюризме, коль скоро мы смеем говорить о вооруженном сопротивлении. Ведь если немцы узнают о наших намерениях, репрессии обрушатся на всю общину. Можем ли мы взять на себя ответственность за гибель десятков тысяч евреев?

После этой встречи мы поняли, что стоим перед глухой стеной непонимания. И снова встал перед нами вопрос: что делать? Надежда на помощь еврей-

ской общественности улетучилась, а без этого не было ни малейших шансов на успех.

Мы предприняли еще одну попытку — по нашей инициативе было созвано совещание пролетарских партий: "Поалей Цион ЦС", "Левой Поалей Цион" и Бунда. Много надежд возлагали мы на Бунд, так как о нем знали в польском подполье и он имел связи с двумя течениями ППС (Польска партия социалистична). На совещании Ицхак Цукерман вновь обрисовал положение, сообщил об имеющейся у нас информации и предложил создать боевую организацию. Мы обязаны задуматься над вопросом, сказал он, какова наша судьба, каково наше будущее и что нам надо делать? Мы, представители рабочего движения, обладаем опытом воспитания масс, опытом борьбы за свои права — еврейские и общечеловеческие, — поэтому именно нам следует приступить к созданию Еврейской боевой организации, которая будет сражаться за честь народа.

Когда Ицхак Цукерман закончил свое выступление, встал Маурици Ожех, известный деятель Бунда, и заявил высокомерно:

— Вы еще очень молоды, и ваша оценка положения не объективна. Невозможно представить, чтобы всех, как вы утверждаете, погубили и истребили. Польских евреев три с половиной миллиона. Вы просто сеете панику. Убивают не только евреев, убивают также тысячи поляков, в том числе представителей интеллигенции и рабочих, и наша борьба неразрывно связана с борьбой польских рабочих. Это борьба за лучший мир, за освобождение человечества. Мы не будем участвовать в общеврейской организации. Мы воюем с врагом по-своему — своими методами и средствами. Мы не согласны с вашим предложением и считаем бессмысленным продолжать обсуждение.

Итак, и это заседание оказалось безрезультатным. Мы снова остались в одиночестве и не знали, что делать.

Тогда мы провели заседание активистов нашего движения. На нем было решено самостоятельно наладить связь с арийской частью Варшавы. С этой целью к руководителям польского подполья были направлены специальные люди. Спустя некоторое время мы получили сообщение, что установлена связь с ППР (Польска партия роботнича — Польская рабочая партия). Это было новое название Коммунистической партии, распущенной перед войной Коминтерном. Сейчас она начала организовываться заново.

Налаживанием связи занимался Вольф Фольман, старший брат Марека и Хавки. Он примыкал к движению сионистов-социалистов и участвовал в польском подполье как член Гвардии Людовой (Народной гвардии) — военной организации Коммунистической партии. В свое время ему удалось спрятаться с семьей в надежном месте на арийской стороне, но чувство долга заставило его оставить жену и маленького сына и уйти в леса, чтобы участвовать в партизанской войне. Он погиб в сражении в лесах Кельце.

У поляков уже существовало организованное и разветвленное подполье, действовавшее активно и самоотверженно. С течением времени была организована "Делегатура" — представительство польского правительства в эмиграции с резиденцией в Лондоне. Армия Крайова — военная организация, сохранившая верность польскому правительству в Лондоне, ставшая впоследствии самой сильной частью подполья, — тогда еще не начала вооруженной борьбы против немцев. Действия польского подполья в ту пору (так же, как и нашего в тот же, примерно, период) ограничивались разъяснительной работой среди населения, преследованием лиц, активно сотрудничавших с немцами, и т.п. Подпольщики, в частности, стригли наголо польских девушек, развлекаясь в обществе немцев, проводили бойкот кинотеатров и т.д. Тактика Армии Крайовой чуть ли не до самого конца войны оставалась выжида-

тельной — и люди, и оружие должны находиться в состоянии боевой готовности и "винтовка должна быть приставлена к ноге". Полякам не следует начинать вооруженной борьбы с немцами до тех пор, пока в "борьбе гигантов" — Советского Союза и Германии — обе стороны не истощат свои силы. Лишь тогда наступит подходящий момент для того, чтобы заговорило польское оружие.

В противоположность этому ППР, организация, созданная и поддерживаемая Москвой, и Гвардия Людова (впоследствии — Армия Людова — Народная армия) придерживались мнения, что с немцами необходимо воевать немедленно и в любом месте. Но ППР была создана лишь в январе 1942 года и поначалу была слаба и немногочисленна.

Вольф Фольман (мы звали его Вевек) вступил в контакт с руководителями новой партии и ее военной организации. Некоторые из них были его близкими друзьями: Станислав Толвинский, Мариан Спыхальский и другие. По профессии они так же как и Фольман были архитекторами. Они обрадовались нашему обращению и сказали, что их люди в гетто будут вести с нами переговоры.

В апреле 1942 года к нам обратились Иосеф Левартовский-Финкельштейн и Анджей Шмидт, представители еврейских коммунистов в гетто. Они предложили создать антифашистский блок. В конце месяца такой блок был создан. Кроме коммунистов, в него вошли: "Левая Поалей Цион", "Поалей Цион ЦС", "Хехалуц", "Хашомер хацаир" и "Дрор".

Блок этот стремился включиться в общую борьбу с нацизмом и помочь Советскому Союзу, организуя сопротивление в немецких тылах. У нас, однако, оставались сомнения. По сути дела мы всей душой стремились к той же цели, но при этом мы опасались — не отодвинут ли эти действия на второй план нашу собственную борьбу — борьбу евреев с нацистами? Ведь возможно, что пока будет организовано всеобщее сопротивление в тылу, для нас, евреев,

будет уже поздно... И все же мы присоединились, как было сказано, к блоку, но при этом четко заявили, что у нас, евреев, есть свой особый счет с немцами, и это несомненно повлияет на наши действия.

Была образована политическая организация, начавшая широкую разъяснительную кампанию о необходимости активной борьбы с фашизмом, помощи русским и создании военной организации. На первом этапе своей деятельности эта организация стремилась научить людей пользоваться оружием, а затем создать группы, которые можно будет вывести в леса для партизанской войны. Мы согласились с этим планом, но поставили одно условие: и внутри гетто должны оставаться боевые группы, ибо у нас достаточно людей и для борьбы в лесах, и для борьбы в гетто. Это условие было принято также коммунистами, действовавшими на арийской стороне.

Отныне мы стали ждать поступления партий оружия и указаний о выводе отдельных групп в леса. В ту пору, пробив таким образом глухую стену гетто, в котором мы задыхались, мы были уверены, что в конце концов обрели союзников: создана военная организация, мы получим оружие, разработаем планы. И если еврейская молодежь узнает правду о нашем положении и проникнется нашими идеями, мы сможем организовать еврейскую самооборону и внутри гетто.

БОЛЬШАЯ АКЦИЯ

С этого момента вся наша жизнь была целиком подчинена предстоящей борьбе. Культурная работа была переведена на рельсы подготовки к самообороне. Наши связные занялись поисками оружия и организацией групп самообороны в оккупированной Польше. Были среди нас и такие, фантазия которых слишком разыгралась и они грезили наяву, воображая, что наша борьба всколыхнет польское подполье, которое пока не торопилось включаться в активную борьбу. И так как в разных странах уже появились первые признаки сопротивления оккупантам, мы ожидали, что когда будет открыт "третий фронт" (так мы называли подпольную борьбу в Европе), наступит и наш час. Мы избавились от тяжелого ощущения собственного бессилия, которое иногда доводило до отчаяния, заставляло биться головой об стенку и мечтать о самоубийстве.

Но каким горьким было наше разочарование, когда оружие не поступило и указания от польского подполья не были получены... Измена одного из польских коммунистов повлекла за собой аресты товарищей в гетто. Деятельность ППР в гетто была парализована. "Блок" превратился в пустой звук, и когда 22 июля 1942 года началась первая акция в Варшавском гетто, мы были "ко всему готовым войском", в распоряжении которого имелось лишь два пистолета...

Мы опоздали. Это страшное ощущение охватило всех.

Отчаявшиеся и удрученные, мы снова созвали

заседание центра "Хехалуца". С опущенными от стыда глазами сидели мы в полной растерянности. И тут послышались странные предложения. Кто-то сказал: выйдем на борьбу с еврейской полицией (она осуществляла первую акцию), будем драться палками и всем, что попадется под руку, не дадим хватать евреев, а если появятся вооруженные немцы, против которых с палками не пойдешь, будем демонстрировать на улицах и призовем массы присоединиться к нам. И даже если немцы начнут стрелять — не отступим...

Мы хотели этой демонстрацией доказать самим себе, всем евреям, полякам, а также и немцам, что не пойдём, как скот, на бойню. Мы хотели хотя бы ценой своей смерти спасти честь народа. И еще мы думали: может быть, наши отчаянные действия разорвут заговор молчания и об этой резне узнает весь мир. Тогда мы еще верили, что у мира есть совесть и она не будет молчать. И может быть, мы хоть немного помешаем немцам в их страшной работе, с которой они справлялись слишком легко. Мы знали, что демонстрациями не спасем жизнь евреев, но в то же время чувствовали, что мы обязаны что-то предпринять. Но прежде чем приступить к каким-либо действиям, мы хотели все же привлечь к нашему делу широкую еврейскую общественность.

На этом заседании присутствовал также Лабан-Лейбович. Он добрался до Варшавы за несколько дней до того, как немцы провели первую акцию, и привез с собой план борьбы за жизнь евреев Кракова, разработанный его товарищами. Он хотел посоветоваться с нами об организации сопротивления в Кракове. Но когда он прибыл в гетто, его схватили и арестовали. Целый день мы метались по улицам Варшавы и в конце концов нам удалось подкупить тюремщиков и освободить его.

В тот день, когда состоялось заседание, в канун акции, в городе ощущалась напряженность. Люди, видимо, чувствовали, что надвигается страшная беда.

Завершая обсуждение, мы наметили линию поведения также и для Кракова. Но Лабан не хотел покидать Варшавы, он хотел быть с нами во время предстоящих событий. И все же мы решили, что он должен оставить Варшаву и во что бы то ни стало уйти из города — не для того, чтобы спасти свою жизнь, а чтобы успеть организовать самооборону в Кракове. Целыми днями мы дежурили в подвалах домов у ворот гетто и немало пережили, прежде чем сумели переправить его через стену. Тем временем в Варшаве началась акция. Прошли недели, месяцы, а мы ничего не знали о судьбе Лабана. Только значительно позже стало известно, что он благополучно вернулся в Краков, его товарищи начали действовать и даже раздобыли оружие.

Хочу рассказать о том, что такое акция. Вначале немецкие власти опубликовали через юденрат воззвание, в котором всем жителям гетто предлагалось переселиться на Восток. Остаться могли евреи, работающие у немцев, в юденрате, и те, кто был способен к "продуктивному труду". На первый взгляд казалось, что "переселение" коснется лишь небольшой части варшавского еврейства.

Не знаю, верил ли сам Адам Черняков, что дело обстоит именно так. Но уже на следующий день ему стало ясно, что отправке подлежит большинство жителей варшавского гетто. Немцы потребовали от него ежедневно поставлять тысячи женщин, стариков и детей. Убедившись, что положение безвыходно и все потеряно, Черняков наложил на себя руки.

Еврейская община тогда еще не знала, что за словом "Восток" кроется смерть. Никто не хотел верить, что пришел конец. К тому же немцы сумели во все время акции (которая продолжалась около двух месяцев) натравливать евреев друг на друга. Сначала нацисты утверждали, что они вывезут из гетто лишь тех, кто не работает. В результате те, кто работал, видели в тех, кто не работает, своих врагов и моли-

лись в душе, чтобы неработающие не уклонялись от переезда на Восток и чтобы тех, кто увильнул, обнаружили, ибо если им удастся избежать отправки, — возьмут тех, кто пока еще работает.

Затем немцы стали говорить, что и на некоторую часть работающих распространяется распоряжение о выселении из Варшавы. И снова кто-то чувствовал себя более уверенно, полагая, что его работа гарантирует право оставаться в гетто. Так немцам удалось расколоть евреев, посеять между ними раздор и вражду.

Затем остаток полумиллионного населения Варшавы разделили на несколько гетто. Заводы, мастерские и другие предприятия превратились в своего рода маленькие гетто, которые тщательно охранялись и выход из которых (как и вход в них) был запрещен. И каждый еврей думал: в своем гетто я уцелею...

После того, как немцы отравили души людей и многих лишили человеческого облика, начался страшный голод. И стоит ли удивляться, что евреи шли туда, куда им приказывали?

Мы не вправе обойти молчанием печальную главу о роли еврейской полиции, так называемой "орденунгсдинст". Немцам было выгодно бить и преследовать евреев руками самих евреев. Так они и действовали. В первый период, который длился несколько недель, только еврейские полицейские хватали евреев и вели их на Умшлагплац, иначе говоря, на смерть. Немцы уверили полицейских, что они и члены их семейств (родители, жены и дети) останутся в живых, и они верили этому.

Большинство еврейских полицейских Варшавы имело высшее и среднее образование, и они сами постепенно уверились, что им, так же как эсэсовцам, дозволено распоряжаться жизнью евреев, и что они "наведут порядок". Были среди них и такие, которые искренне верили, что если они сами проведут "умзидлунг" — "переселение" (термин, который дол-

жен был замаскировать истинную цель — уничтожение), немцы не придут в гетто, удастся предотвратить кровопролитие, и, может быть, благодаря этому действительно лишь небольшая часть еврейского населения будет выдворена из Варшавы, а большинство останется. Если же в гетто войдут немцы и пустят в ход оружие, все будет по-другому. Поэтому полицейские старались выполнять свои обязанности с предельной точностью. На первых порах немцам удавалось обнаруживать все тайники, где прятались евреи. Вначале прятались немногие, так как, с одной стороны, евреи не верили, что всех, кого выдворяют из гетто, отправляют на смерть, а с другой, — не сомневались, что каждый, кого обнаружат в укрытии, будет расстрелян на месте. Но те немногие, которые все же прятались, попадали в руки еврейской полиции, которая делала все от нее зависящее, чтобы выполнить дневную "норму". Каждый день следовало передавать в руки немцев столько-то и столько-то тысяч евреев. Затем было определено, что каждый полицейский обязан лично ежедневно обеспечить поставку столько-то евреев. Это была его дневная норма, и она выполнялась, а подчас и перевыполнялась...

Следует еще добавить, что в те дни стали приходить в гетто письма от разных людей, которых немцы заставляли писать своим семьям, что они находятся в окрестностях Белостока, Минска и т.п., что они там работают, получают одежду и пищу, что им хорошо и они рекомендуют своим родным присоединиться к ним... Становится понятным, как немцам удавалось вести народ на закланье...

Вначале, как уже было сказано, евреев хватили сами же еврей-полицейские. Не брали тех, у кого на руках было рабочее удостоверение. Кто мог устроиться на работу, — работал, кто мог сидеть дома и не выходить на улицу, — сидел дома. И улицы, лишь вчера такие оживленные, вмиг опустели, жизнь на них замерла. Это была кладбищенская ти-

шина. Ее нарушали лишь моторы немецких машин и стрельба в воздух и в людей. Еврейские полицейские двигались по улицам с большими телегами, запряженными лошадьми. На улице тишина, лишь время от времени разрывают воздух страшные вопли: полицейские бьют людей и тащат их к телегам. Они входят в дома и ищут, находят женщин, детей и волокут их к телегам. Слышны душераздирающие вопли детей, которых отрывают от матерей, — у матерей есть на руках рабочее удостоверение, а у детей его нет, — и крики стариков — они вообще не понимают, что происходит. С первой минуты было ясно, что судьба стариков и детей предрешена. Если молодые пока будут продолжать работать, то старики и дети осуждены на немедленную смерть. Они это чувствовали, но ничего не могли поделать. Оставалось лишь кричать и плакать...

Каждый вечер, когда акция завершалась, люди выходили из укрытий на улицу. Но с каждым днем их оставалось все меньше.

Еврейские полицейские вначале были уверены, что, выполняя эту постыдную работу, они спасут свои семьи. Но по мере того, как гетто пустело и надо было включать новые и новые категории людей в число вывозимых из Варшавы, положение менялось. Немцы сказали: еврейский полицейский спасет свою жену и детей, но его родители должны уйти со всеми евреями. И были случаи, когда полицейские вели на смерть собственных родителей.

Затем немцы ввели в действие систему "блокады" — осады отдельных жилых массивов. Само слово "блокада" повергало в ужас. Отряд вооруженных немцев запирали улицу, на которой оставались немногие растерянные, одинокие и беспомощные евреи, — что они могли сделать перед лицом смерти?

Так нацистам удалось осуществить свой сатанинский замысел. Они натравливали евреев друг на друга, "продуктивных" на "непродуктивных", и евреи верили немцам. Верили, так как им было страшно при-

знать, что мы говорим правду и что вся община, насчитывающая полмиллиона жителей, будет целиком уничтожена.

Каждый верил, что, предъявив рабочее удостоверение, он спасется от изгнания. Каждый, кто не мог раздобыть такого удостоверения — цены на них день ото дня возрастали, — чувствовал себя несчастным. Ни те, ни другие не предполагали, что всем им уготована одна и та же участь — работающим и не работающим, богачам и беднякам.

Тем временем евреев депортировали ежедневно. Сначала брали детей-сирот, затем стали хватать беженцев. По ходу акции брали вначале неработающих, а потом — и тех, кто работал. Улицы Варшавы, которые всегда были многолюдны, опустели. В гетто воцарилась тишина. По утрам люди бегом бежали на работу, лишь бы меньше находиться на улице. Время от времени тишину разрывали вопли, вопли отчаяния. Хватали детей и женщин, на телегах везли на Умшлагплац и там загоняли в вагоны, отправляющиеся на восток. Мы, как сумасшедшие, носились с заседания на заседание, и не однажды возникало желание взобраться на телегу и ехать... ехать вместе со всеми евреями в их последний путь.

В тот день, когда началась акция в Варшаве, состоялось заседание представителей разных партий с участием людей, хорошо известных в гетто. На это заседание пришли лучшие представители полумиллионного населения Варшавы. Мы сказали: у нас действительно нет оружия, в нашем распоряжении лишь два пистолета, но нам противостоит сейчас только еврейская полиция, у которой тоже нет оружия. Мы можем воевать с нею палками и помешать ей проводить селекцию.

Среди присутствующих были разные люди. Были такие, которые отказывались верить, что подписан смертный приговор всем евреям, и были такие, которые из-за своего бессилия продолжали "надеяться на лучшее". "Разве мыслимо, чтобы в Варшаве, в центре

Европы, произошло такое страшное дело?” И те, и другие рассказывали: ”Лишь вчера мы узнали в юденрате (или из достоверного немецкого источника), что акция охватит пятьдесят, может быть, семьдесят, максимум — сто тысяч человек. Это продлится неделю или две недели. Большинство народа уцелеет. Если вы начнете воевать с еврейской полицией, то в гетто нагрянут немцы, и они будут брать людей без разбора. Они возьмут и тех, кто не работает, и тех, кто работает, и всех убьют. Вы не вправе рисковать жизнью сотен тысяч людей”.

А были и такие, что говорили:

”Возможно, что они возьмут и более семидесяти тысяч, но молодые и трудоспособные останутся, потому что они нужны немцам”.

И немцы поддерживали впечатление, будто им в самом деле нужна еврейская работа. За несколько недель до большой акции в Варшаве немецкая пресса начала публиковать статьи, в которых рассказывалось, как еврейское население, жившее всегда торговлей и спекуляциями, было превращено в продуктивный фактор, и как евреи своим трудом помогают немцам победить в этой войне. Казалось, будто немцы не представляют себе, как вести войну без еврейских рабочих.

Среди присутствовавших на заседании нашлись и такие, которые растолковывали нам, что немцы потеряли на европейских фронтах много молодых и сильных мужчин и им не хватает рабочих рук. Один из ”радикалов” так объяснял свое решительное несогласие с нашими предложениями: ”В немецких мастерских работают тысячи еврейских рабочих. Эти пролетарии останутся в живых, и мы не имеем права рисковать ими. Мы не сможем спасти евреев, осужденных на гибель, но наше сопротивление акции повлечет за собой смерть десятков тысяч других евреев, которые могли бы жить”.

А другой, очень хороший еврей из Агудат Исра-

эль*, сказал нам следующее: "Мы должны с любовью принимать волю нашего Отца небесного. Господь дал, Господь взял. Да будет благословенно имя Господне".

Заседания продолжались часы и дни, а акция шла своим чередом, и людей в гетто становилось все меньше. Нам очень трудно было на что-то решиться. Я вспоминаю, что сказал мне один еврей, которого я всегда уважала, — руководитель "Джойнта" Ицхак Гитерман. Еще до акции, когда большинство отказывалось верить в уготованную нам ужасную судьбу, он был в числе немногих, которые нас понимали и поддерживали (то же самое можно сказать о Даниэле Давиде Гузике, втором руководителе "Джойнта", очень сердечном человеке, которого немцы несколько раз арестовывали за оказание помощи евреям). Но даже Гитерман, этот умный и проницательный человек, который мог дать хороший совет и помочь решить трудные вопросы, как-то заявил на одном заседании: "Если вы будете действовать так, как сказали, и не посчитаетесь с нашим мнением, — знайте, что на вас ляжет вся ответственность за ужасные последствия, и народ вам этого не простит".

Среди участников заседаний мы, халуцианская молодежь, были в меньшинстве. Мы составляли лишь небольшую часть присутствующих. Мы хотели действовать с согласия широкой еврейской общественности, а не наперекор ей. Но после многих заседаний, убедившись, что практически ничего не делается, мы созвали узкое совещание — только рабочих партий. На этом заседании Бунд уже не противился идее самообороны, хотя и тогда еще его представители отказывались поверить, что готовится всеобщее истребление евреев. В разгар акции Бунд послал своего человека с заданием добраться до Трешлинка, чтобы удостовериться, что именно туда направляются вагоны и что это дейст-

*Всемирное еврейское ортодоксальное движение, объединенное в политическую партию. Рабочая прослойка движения объединилась в партию Поалей агудат Исраэль.

вительно означает смерть. Прошло несколько дней, посланец вернулся и подтвердил, что Треблинка — это лагерь смерти. Наш представитель говорил об этом много раньше. Мы установили этот факт сразу, как только началась акция, и сообщали об этом участникам многих заседаний, представителям разных партий и движений.

Бунд наконец пришел к выводу, что необходимо создать отряды самообороны. Его представитель пришел на заседание вместе с членом Польской социалистической партии (потом выяснилось, что и он еврей). Этот человек обещал, что когда вернется на арийскую сторону, постарается раздобыть оружие, а также от имени польской подпольной армии свяжется с юденратом и еврейской полицией и потребует, чтобы они прекратили сотрудничать с немцами и отправлять на смерть собственных братьев.

Мы думали, что теперь начнется новый период. Мы снова ждали помощи польского подполья, полагаясь на обещания представителя ППС. Но напрасно. А тем временем шли дни, дни ожидания и надежд, а евреев депортировали тысячами. С арийской стороны помощь не приходила, и мы снова почувствовали свое страшное одиночество. Мы были одни во всем мире.

Рядовые члены нашей организации, которые не знали обо всех этих заседаниях и о наших сомнениях и колебаниях, начали роптать и возмущаться — почему ничего не делается? Но никто толком не знал, что надо делать, — ведь немцы сильны и вооружены до зубов, а у нас имеется лишь два пистолета.

СОЗДАНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ БОЕВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Потеряв надежду на помощь и поддержку еврейской общественности и убедившись в равнодушии польского подполья, мы, небольшая группа членов халуцианского движения, собрались и создали боевую организацию, которая затем стала известна в Польше и во всем мире под названием Жидовска организация боёва — Еврейская боевая организация. Это произошло 28 июля 1942 года, через неделю после начала акции. К тому времени уже около пятидесяти тысяч евреев было отправлено в Трешлинку.

На этом заседании мнения тоже разделились. Некоторые говорили: "Что мы можем сделать? Оружия у нас нет. И еврейские массы, и их руководители продолжают тешить себя напрасными иллюзиями и не поддерживают нас. Польское подполье нами не интересуется. Что мы можем сделать для спасения евреев? Самое разумное — попытаться вывести их из Варшавы в другие места, относительно более спокойные, и посмотреть, как обернется дело".

Мы не поддержали эту точку зрения. Сколько человек нам удастся спасти, действуя таким образом? Единицы. Можно ли отдать все силы спасению немногих, когда на смерть обречены миллионы? Нет, у нас у всех одна судьба, и мы должны оставаться с еврейскими массами до конца. И главное — следует еще раз попытаться организовать сопротивление.

В ту пору нам уже было совершенно ясно, что если мы ничего не предпримем, весь народ будет уничтожен. Это сознание придало нам силы вступить на

путь борьбы с немцами и не помышлять о самоубийстве.

Это заседание было решающим. Мы, молодые, взяли на себя всю ответственность. Мы долго спорили по поводу названия нашей организации. Хотелось, чтобы оно выражало самую суть наших стремлений и стало символом нашей борьбы. Были предложены: "Сионистская боевая организация", "Халуцианская боевая организация" и другие. В конце концов было принято: "Еврейская боевая организация".

Когда организация была создана и получила имя, мы почувствовали, что пришел конец нашим колебаниям. Как будто мы покончили со всеми сомнениями и опасениями, которые так долго нас терзали. Теперь мы знали, что не можем полагаться ни на чью помощь, а должны своими силами организовать вооруженное сопротивление. Осталось, понятно, решить вопросы, связанные с ведением боевых операций, — как воевать и чем? Мы всесторонне обсуждали и взвешивали все обстоятельства, но недалеко продвинулись: ведь в нашем распоряжении по-прежнему было всего два пистолета...

Мы занялись организационной работой. Прежде всего мы решили развернуть широкую разъяснительную кампанию. Мы знали, что и пассивное сопротивление может сыграть свою роль. Мы отпечатали воззвание, которое распространяли на улицах, на стенах домов клеили листовки. Мы убеждали: евреи, знайте, что изгнание из Варшавы — это Трешлинка, а Трешлинка — это смерть. Не надейтесь на защиту рабочих удостоверений. Прячьте детей и стариков, сопротивляйтесь всеми силами — это по крайней мере затруднит работу убийц. Не надо бояться, что вас найдут и схватят, — лучше смерть от пули в гетто, чем смерть в Трешлинке!

Видимо, наша агитация возымела действие — евреи стали прятаться, немцам и их прислужникам приходилось входить в каждый дом и отыскивать тайники.

Второе, что мы предприняли, это направили своих посланцев на арийскую сторону, чтобы они связались

с польским подпольем и раздобыли оружие. Фрумка Плотницкая, молодая связная Хавка Фольман из "Дрора", Гося Альтман и Арье Вильнер из "Хашомер хацаир" отправились за стены гетто. На Мордехая Тенненбаума было возложено особое задание: организовать оборону наших товарищей на сельскохозяйственной ферме в пригороде Черняков. К ним присоединилась Лея Перлштейн, секретарь киббуца-хахшара в Чернякове.

В эти дни немцы, согласно своему плану, вывозили евреев из определенных кварталов, где оставалось имущество угнанных. Туда направлялась "бригада", состоявшая из еврейских рабочих и немецких надзирателей — "вертерфасунг". Она собирала вещи и сортировала их. У немцев было чутье к печатному слову и они понимали, что многие еврейские книги, как и свитки Торы, представляют большую ценность. С присущей им педантичностью немцы собирали и учитывали книги. В этом им помогали ученые-евреи.

Мы, со своей стороны, совершали по ночам (а подчас и днем) вылазки и поджигали склады с мебелью и ящики с награбленным, чтобы добро не досталось немцам. Мы решили сжечь и дома, в которых больше не оставалось евреев. Мы уничтожали еврейское имущество, чтобы убийцы не могли воспользоваться им. Решено было также казнить начальника еврейской полиции Шеринского, который руководил акцией. Выкрест Юзеф Шеринский, имевший высшее образование, до войны был офицером польской армии, а затем служил в польской полиции. Привести приговор в исполнение было поручено Исраэлю Каналу, члену организации "Акива". До массовых депортаций он служил в еврейской полиции, куда был направлен своей организацией. Когда началась акция, он дезертировал из полиции и встал в ряды борцов. Он хорошо знал все входы и выходы в жилых блоках и людей, их охранявших. И он снова надел полицейскую форму, на этот раз, чтобы убить Шеринского.

Таким образом, мы решили начать свои вооружен-

ные действия покушением на жизнь еврея, обитателя гетто. Может быть, это покажется странным, но мы не могли действовать иначе. Казнив начальника полиции, предателя, который вел на бойню своих братьев, мы хотели стереть позорное пятно со всех евреев. Мы знали, что предатели не понимают другого языка, кроме языка револьвера, и если мы хотим чего-то достичь, то должны, прежде всего, очистить атмосферу. Главное — евреи должны почувствовать, что в гетто есть другая сила и другая власть, кроме власти юденрата и еврейской полиции. Покушение на Шеринского должно было вразумить его подчиненных и показать им, что и на них найдется управа.

Никогда не забуду этого вечера 20 августа, когда мы вышли из дома 34 на Дзельной и начали действовать. Дзельная и прилегающие к ней улицы уже были пусты. Немцы не могли даже представить себе, что в этом доме, рядом с тюрьмой Павиак, расположен штаб Еврейской боевой организации.

Мы разошлись в разные стороны небольшими группами. Одни должны были заняться поджогами складов и домов и несли в руках пакеты с горючим материалом; другим предстояло расклеивать на стенах листовки, и лишь один пошел отдельно от товарищей — убить Шеринского.

Сердце у меня билось; мы вышли на улицу и огляделись, проверяя, нет ли поблизости немцев, польских или еврейских полицейских. Осторожно пробираясь вдоль домов, мы приближались к намеченной заранее цели, подкладывали горючие материалы и старались поджечь дом. Но часто случалось, что огонь не занимался. Приходилось подтаскивать все, что попадалось под руку, — матрацы, мебель, словом все, что могло гореть. И вот уже пламя охватывает стены, вот уже бушует пожар. Пляшут огненные языки, тянутся кверху — и сердца наши ликут. В пламени этих пожаров мы видели символ мести, который горел в наших душах. Пожары были актом еврейского сопротивления, о котором мы так мечтали.

И листовки появлялись на стенах, листовки за подписью Еврейской боевой организации. Выполнив свои задания, мы снова собрались на Дзельной. Вернулись все, кроме одного человека, Исраэля Канала. Мы не могли сдержать своего волнения: удалось ли ему убежать или его схватили? И вот, наконец, послышался условный свист и вошел Исраэль. Мы застыли, не осмеливаясь ни о чем спросить: лицо его не выражало ничего, кроме равнодушия, словно ничего не произошло. Неужели он не стрелял? Мы знали, как трудно ему было решиться на такой шаг — убить человека! Ведь это был наш первый выстрел! Мы все еще молчали, когда он тихо произнес: "Все в порядке" — и у нас сразу отлегло от сердца.

Он рассказал, что выстрелил в Шеринского. Хотел выстрелить еще раз, но произошла осечка. Выстрел поднял на ноги еврейских полицейских, и они окружили Исраэля плотным кольцом. Угрожая неисправным пистолетом, он заявил, что убьет каждого, кто к нему приблизится. Полицейские испугались, ему удалось вырваться и убежать. Поскольку он бежал в сторону ворот, по улице Налевки, распространился слух, что покушавшийся — поляк, который проник в гетто по заданию Польской социалистической партии.

Трудно описать нашу радость, но она возросла еще больше, когда ночную тишину прорезал сигнал тревоги и сразу же вслед за ним раздался грохот взрывов: советская авиация впервые бомбила Варшаву. И это тоже казалось нам символичным: пламя зажженных нами пожаров замечено, кто-то идет нам на помощь...

Но после праздничной ночи наступили серые будни. Евреи испугались наших листовок и пожаров. Они считали, что это провокация, что немцы ищут повода обрушить новые репрессии на уцелевших до сих пор варшавских евреев. Наши товарищи вернулись с очередного задания и со слезами на глазах рассказали, что их жестоко избивали те, кому они пытались вручить листовки. Нечто подобное случилось и месяцем раньше, когда в гетто началась акция.

Покушение на Шеринского вызвало одобрение в широких еврейских кругах, но этот акт приписывали Польской социалистической партии. Не верили, что евреи могут на такое решиться. И как мы страдали, когда видели, как сами евреи снимают со стен наши листовки, над изготовлением которых мы столько трудились и которые расклеивали с риском для жизни.

Мы все еще находились под тяжелым впечатлением от такой реакции наших братьев евреев, когда неожиданно пришла утешительная весть с арийской стороны. Наши связные сообщили, что им удалось достать 8 гранат и 5 пистолетов, и вскоре это оружие будет переправлено в гетто. Оно было приобретено на наши деньги с помощью польских коммунистов. Кроме того, была обещана помощь тем евреям, которые выйдут в леса, чтобы участвовать в партизанской войне. Товарищи также сообщили, что им удалось установить связь с представителями Армии Крайовой, но те заявили, что у них нет оружия и они ничем не могут нам помочь.

Спустя несколько дней, в разгар акции, когда гетто было окружено немцами и польскими полицейскими, нашим товарищам удалось перебросить в гетто оружие. Это сделали наши люди, в числе которых были Фрумка и Арье Вильнер. Они присоединились к еврейскому рабочему отряду, возвращавшемуся из арийской части города в гетто. Еще раньше они прикрепили ленточки, которые полагалось носить евреям. В сумке с картошкой Фрумка спрятала гранаты. Арье шагал за ней. В воротах проверка была очень строгой. У того, кто шел перед Фрумкой, всю картошку вывалили на панель. Фрумка знала, что терять ей нечего, и не отступила. Стали проверять ее сумку, но случилось чудо — полицейские проверили лишь верхний слой картошки, и она пронесла гранаты в гетто.

Тут же на заседании командования Еврейской боевой организации был разработан подробный план.

В соответствии с ним небольшие группы бойцов должны были спрятаться в коридорах некоторых домов на главных улицах, в местах скопления немцев, проводивших акцию. Из своих засад бойцы забросают немцев гранатами и откроют по ним стрельбу из пистолетов. Другим группам было поручено, воспользовавшись смятением немцев, разоружить их. Захваченным таким образом оружием мы смогли бы вооружить наших людей. Мы собирались начать борьбу не на жизнь, а на смерть.

Наши планы предусматривали также переброску групп молодежи в леса для участия в партизанской войне. Хотя главным нашим стремлением было сражаться с немцами здесь, в гетто, в гуще народа, мы все же решили часть наших сил выделить для борьбы в лесах, так как людей у нас было гораздо больше, чем оружия.

Во время акции, когда гетто было окружено плотным кольцом немецких солдат и польских, украинских и литовских полицаев, выбраться за стены было чрезвычайно трудно. И все-таки некоторым улыбнулось счастье, им удалось через пробоины и щели в стенах пробраться в арийскую часть города. Смертельная опасность угрожала им и тогда, когда они шагали по "арийским" улицам по направлению к вокзалу. Даже очутившись в вагоне, они еще не могли быть уверенными, что благополучно доберутся до места, — во время акции в пассажирских вагонах сновали гестаповцы и агенты СС, вылавливая евреев. На каждом шагу их подстерегала смерть. Но несмотря ни на что в леса к партизанам ушли сотни наших товарищей. Многие погибли прежде, чем достигли заветной цели, другие пали в первых боях с немцами — иногда из-за отсутствия необходимого опыта, иногда же из-за того, что не получили обещанной помощи.

В леса, что вокруг города Хрубешува, мы отправили во время акции несколько групп бойцов, всего около 70 человек. За исключением одного товарища все

они были членами "Дрора". Партизанской деятельностью руководил Моше Рубинчик, который раньше работал в областном руководстве движения в Хрубешуве и занимался киббуцами-хахшара в его окрестностях.

Почти все наши люди погибли. Вот имена некоторых из них — Рубинчик, Гдалья Гершуни (из семьи известного революционера Григория Гершуни), Монек Райнгевириц и его подруга Песя Фурманович, Дина Левина (дочь Лейзера Левина), Яков Кац, Рут Шкляр, Шаул Добухна и Ицхак Ножица. Третья группа, направлявшаяся в леса, целиком была схвачена в поезде и расстреляна, за исключением одного человека — его вернули в Варшаву и посадили в тюрьму Павиак.

Наши товарищи, находившиеся на базе в деревне Вербковице, были окружены и атакованы немцами. Большинство погибло на месте, но некоторым удалось бежать. Подробности мы узнали от одного молодого товарища, который сумел вернуться в Варшаву, — воспитанника нашей гимназии Монека Штенгеля.

В боевых отрядах, которые мы направили в леса Межирича, находились члены организаций "Дрор" и "Хашомер хацаир". Почти все они погибли. Погиб Армин Лакс, Песя Герман чудом уцелела.

Группы, оставшиеся в гетто, начали лихорадочно готовиться к выполнению операции, о которой говорилось выше. Но так как немцы сделали перерыв в акции по депортации евреев из Варшавы (они были заняты ликвидацией окрестных местечек), мы перенесли дату операции и решили провести ее в тот день, когда возобновится акция. Но и тут нас постигла неудача: 3 сентября, за несколько дней до самого жестокого этапа акции, был арестован Иосеф Каплан — наиболее выдающийся деятель "Хашомер хацаир".

Спустя несколько часов на улице Генша был убит его молодой друг Шмуэль Браслав, один из создателей Еврейской боевой организации. Когда мы узнали об аресте Иосефа и гибели Шмуэля, то решили, осто-

рожности ради, перенести оружие и радиоаппарат на другую квартиру, на Дзельную, 34.

Вечером мы сидели на Дзельной и с трепетом ждали прихода товарищей, которым было поручено перенести оружие. Еще издали мы увидели, что к дому приближается один из них. Когда он вошел, мы увидели в руках у него только радиоприемник. Услышав наш вопрос — "Где же оружие?", — он побледнел и сказал: "Как? Ведь час назад вышла из квартиры Регинка Шнайдерман, член "Хашомер хацаир", оружие было у нее в кошелке".

Мы поняли, что произошло несчастье. Потом стало известно, что девушка, которая переносила оружие, специально выбрала такой час, когда на улицах обычно нет немцев, но на ее беду в это время проезжала машина с солдатами, и девушка с кошелкой вызвала их подозрение. Они погнались за ней, поймали Регинку и захватили оружие.

И снова все наши надежды рухнули. Так случилось, что во время первой акции, вопреки всем нашим стараниям и несмотря на то, что сотни и тысячи юношей и девушек готовы были сражаться, сотни тысяч варшавских евреев почти безо всякого сопротивления были вывезены из гетто и отправлены на смерть.

В ночь окончания акции, которая была, как я уже говорила, самой жестокой, 13 сентября, мы собрались и сидели подавленные, в скорбном молчании. Мы стыдились смотреть друг другу в глаза. Правда, во время этой акции мы не бездействовали. Многие наши товарищи оказали отчаянное сопротивление палачам. Некоторые из них погибли в рядах партизан, другие — во время различных актов мести и при попытке вырвать евреев из когтей убийц. Иные же, убедившись, что все потеряно, пытались хотя бы избежать участи тех, кого вели на Умшлагплац. Но со всех сторон подымались заслоны и преграды, и им не удалось спастись.

Мы, оставшиеся в живых, испытывали чувство стыда. Мы спрашивали самих себя: как можно после это-

го продолжать жить? Ведь мы собственными глазами видели, как сотни тысяч евреев гнали на заклание...

Наконец кто-то прервал тягостное молчание. "У нас еще осталось несколько литров нефти и бензина и один пистолет. Давайте выйдем все на улицу, подожжем немецкие склады и будем стрелять в убийц до последнего патрона. Мы, разумеется, погибнем, и на этом поставим точку..."

Это было, по сути, предложение о коллективном самоубийстве, что отвечало нашему настроению и казалось единственным и наилучшим выходом. Предложение было принято с воодушевлением. И до сих пор я не могу понять, как мы отказались от этого плана. Помню только, что встал один товарищ, Ицхак Цукерман, и стал говорить, сначала шепотом, как бы не решаясь, а затем чуть громче: "Я против этого предложения. Верно, это хорошо для каждого из нас в отдельности, так как в теперешнем положении смерть кажется избавлением. Но разве та идея, которая поддерживала нас и руководила нашими действиями, — позволяет, чтобы мы выбрали для себя красивую смерть? Ведь своей борьбой и своей смертью мы хотели спасти честь еврейского народа. Мы жаждали отомстить немцам за невинно пролитую еврейскую кровь. А это обязывает нас жить. Мы уже научены горьким опытом. Мы все время позволяли себя обманывать, потому что не верили в свои силы. Теперь у нас есть опыт по доставке оружия в гетто. Случайно мы остались в живых. Мы должны использовать перерыв в проведении акции. Мы обязаны заново организовать сопротивление и поднять его на новую высоту. Не в том наша цель, чтобы каждый из нас смог умереть красиво. Если еще не все евреи уничтожены, — наша задача в перерыве между акциями подготовиться к борьбе. Наша смерть должна быть чем-то более значительным, чем смерть одиночек. Мы призваны спасти честь и жизнь тех, кто еще уцелел после массовых убийств'".

Чувства каждого из нас восставали против ясных

и холодных рассуждений Ицхака, решительно отвергавшего мысль о коллективном самоубийстве. Но, видимо, мы не могли противостоять железной логике его слов, и предложение о коллективном самоубийстве было отвергнуто. Мы преодолели обуревавшие нас чувства и снова приступили к работе.

И действительно, именно потому, что каждый из нас жаждал для себя иной смерти, которая была бы и мезтью, и спасением чести народа, мы решили попытаться использовать передышку между акциями, чтобы заново организовать свои силы.

Эта акция нас многому научила. Мы поняли, что можем полагаться лишь на самих себя. На нас по воле судьбы была возложена миссия борьбы за честь еврейского народа. Не потому, что мы были более умными, более мудрыми, чем остальные, а потому, что мы представляли движение, которое даже в мирное время требовало от человека полной отдачи; мы принадлежали к халуцианскому движению, которое строится на личном вкладе каждого. И если в обычные времена личный вклад означал переход к трудовому образу жизни, переворот в личной жизни, то сейчас, в нынешних условиях, личный вклад означал борьбу за жизнь и честь еврейского народа, за его национальное и человеческое достоинство, борьбу с оружием в руках.

В первой, большой акции, которая длилась шесть недель, было вывезено из Варшавы и убито на улицах гетто около трехсот тысяч евреев. Погибли многие общественные деятели и партийные активисты, которые создали в оккупированной немцами Польше Организацию еврейской взаимопомощи. Погибли руководители "Джойнта", деятели культуры и просвещения, погибло также много учителей и воспитателей. Не стало товарищей, которые создавали вместе с нами антифашистский блок, людей, которые вместе с нами участвовали в первых заседаниях, когда акция лишь началась, а

также многих наших сторонников и симпатизировавших нам.

Сотни членов халуцианских организаций были убиты в эти недели. Некоторым удалось соскочить с поездов, мчавшихся в Треблинку, и вернуться в гетто. Были и такие, которые бежали из эшелонов, но мы их больше не видели. То ли они разбились, прыгая на ходу поезда, то ли, возвращаясь в Варшаву, попали в руки врага — опасность подстерегала повсюду — на шоссе, возле железнодорожной линии, у въезда в город и возле стен гетто.

Десятки товарищей были убиты, когда направлялись в леса к партизанам. Их высаживали из вагонов и расстреливали на месте. Некоторые были обнаружены в местах сбора, на базах в окрестностях Хрубешува и Межирича перед выходом в леса. Напрасно ждали наши люди прибытия связных Гвардии Людовой, военной организации левого толка, которая впоследствии стала называться Армией Людовой. Они не явились. В ту пору, осенью 1942 года, лес был для польских коммунистов, для членов ППР и бойцов Гвардии Людовой лишь мечтой, легендой, символом борьбы, но не реальной базой. Так мы оказались запертыми со всех сторон — внутри гетто и за его пределами.

И командование Еврейской боевой организации, созданной за полтора месяца перед тем, понесло потери: были убиты Иосеф Каплан и Шмуэль Браслав. Мордехай Тенненбаум был послан, как уже упоминалось, в арийскую часть Варшавы, затем ему было поручено перебраться в Белосток и создать там боевую организацию. В сентябре в гетто оставалось лишь три представителя командования: Исраэль Канал, Ицхак Цукерман и я. Потребовалось немало душевных сил, чтобы начать все сначала.

В гетто оставалось несколько сот членов организаций "Хехалуц", "Дрор", "Хашомер хацаир" и несколько человек из движения "Акива". Члены коммуны "Гордония" во главе с Элизером Гелером оставили гетто как только началась акция и нашли временное

убежище в Ченстохове, Кельце и Радоме. Некоторые из них добрались до Бендзина и Сосновца, находившихся в пределах Рейха. Остававшиеся в гетто прятались во время акции в тайниках или в немецких мастерских Теббенса, Шульца и других.

Десяткам членов "Хашомер хацаир" помогли братья Ландой, Иосеф и Александр. Они были владельцами деревообделочного предприятия на улице Генша, неподалеку от еврейского кладбища. Когда началась война, у них работала группа наших товарищей из киббуца-хахшара в Грохове. Оккупанты передали предприятие немцу, но братья Ландой, как специалисты, были оставлены руководить работой. Во время акции они использовали свое положение и влияние, чтобы спасти десятки еврейских активистов и большую группу членов "Хашомер хацаир".

Указывая на тяжелое материальное положение еврейских рабочих, братья Ландой добились от властей разрешения обрабатывать участок земли за пределами гетто, возле еврейского кладбища. Этот участок граничил также с польским кладбищем. С зарей группа "рабочих" выходила обрабатывать участок — это были наши люди, которые использовали пропуска для выхода на еврейское кладбище. С мотыгами и вилами на плечах они шагали к воротам гетто, а с арийской стороны приходили наши активисты с сельскохозяйственной фермы в Чернякове и связные, которые выдавали себя за поляков. Они снимали квартиры в городе, а в кармане у них лежали фальшивые "арийские" документы.

Это место было самым тихим в Варшаве. Немцы появлялись здесь лишь изредка — во время облав на польских контрабандистов, которые продавали свой товар еврейским могильщикам — "пинкертвцам". Мы собирались между могилами — члены Еврейской боевой организации в гетто и наши друзья и посланцы с арийской стороны — и совещались о том, как быстрее восстановить еврейское подполье. Главной нашей заботой было раздобыть оружие для гетто.

В составе наших посланцев, действовавших на арийской стороне, произошли изменения. Фрумка Плотницкая отправилась в Бендзин. На нее и на Цви Брандеса, который до тех пор руководил фермой "Хашомер хацаир" в поселке Жарки (в окрестностях Ченстоховы), была возложена задача создать боевую организацию в Заглембии. Здесь уже действовало несколько наших активистов, и самыми видными среди них были Гершл Шпрингер и Барух Гафтек, который возглавил организацию. Мордехай Тенненбаум вернулся в Белосток.

Но не только помощи оружием мы просили. Мы хотели наладить постоянную, надежную связь с большим миром, поведать ему о том, что делают с нами немцы. Мы верили, по своей наивности, что мир молчит, потому что не знает о систематическом и планомерном истреблении еврейского народа. Если мир узнает, — может быть, несмотря ни на что, он сумеет помочь нам.

Несколько дней спустя после окончания большой акции вернулся в гетто Мордехай Анелевич. В середине 1942 года он направился по заданию своей организации в Заглембию, Бендзин и Сосновец. Вернувшись из этой нелегкой и продолжительной поездки, он застрял в арийской части Варшавы. Это случилось в последнюю неделю акции, во время наиболее жестокого ее этапа, "котла", как называли его евреи. Этот этап начался 6 сентября и продолжался до 13-го. Остатки еврейства окрестностей Варшавы, насчитывавшие десятки тысяч человек, были загнаны на улицу Мила и прилегающие улочки, превращенные как бы в закрытый со всех сторон котел, где сжались, как в консервной банке, жертвы. Арье Вильнер нашел Мордехая в квартире одной из наших связных на арийской стороне — там он выжидал удобный момент, чтобы проникнуть в осажденное гетто.

Во время наших первых встреч активисты Армии Крайовой выразили мнение, что так называемая "Делегатура" польского правительства в эмиграции, находившегося в Лондоне, польское подполье, а также

командование Армии Крайовой, которые до сих пор избегали оказывать какую-либо помощь утопавшему в крови гетто и Еврейской боевой организации (требовавшей от них оружия на протяжении всей акции), не захотят признать "Хехалуц" и примыкавшие к нему молодежные движения полномочными представителями гетто и выразителями его воли. Наши друзья говорили, что всякое обращение, исходящее от имени организации "Хехалуц", будет отклонено польскими властями, гражданскими и военными.

И мы, в гетто, не представляли себе, как мы сможем собственными силами организовать успешное сопротивление немцам. Мы нуждались в широкой общественной поддержке. Но, наученные опытом, мы понимали, что всякая деятельность, направленная на привлечение масс и оформление организации, с точки зрения политической и военной, потребует много времени. Пока нам удастся собрать вокруг себя оставшихся в живых активистов гетто, пройдут дни, а может быть, и недели. Поэтому мы решили выступить перед польским гражданским подпольем как представители Еврейского национального комитета, а перед Армией Крайовой — как Еврейская боевая организация.

Коммунистическое подполье знало о наших связях с другим польским подпольем, подчинявшимся Лондонскому правительству. Оно и не возражало против нашего стремления поддерживать связь с Армией Крайовой, и в связи с этим умалчивать о наших связях с Армией Людовой. Ведь практическую помощь оружием на данном этапе нам могла оказать лишь Армия Крайова.

С тех пор, как в руки немцев попала Лёнка Козибродская, прервались наши связи со многими местами. На Ривку Гланц и Иехуду Гликштейна из "Хашомер хацаир" была возложена задача формирования боевых отрядов в гетто Ченстоховы. Берл Бройдо должен был создать боевую организацию в Остров-

це и Опатове. От Лабана (Авраама Лейбовича) пришла весть, что он благополучно добрался до Кракова и вместе с Долеком Либескиндом и Шимшоном Дренгером (оба из Центра "Акивы") создал боевую организацию, которая сумела раздобыть оружие и уже начала действовать в гетто и за его пределами.

Лея Перлштейн и Товия Божиковский укрепили нашу базу на сельскохозяйственной ферме в Чернякове, не пострадавшую во время ликвидации Варшавского гетто. Арье Вильнер, который был с нами в гетто в последнюю, самую страшную неделю акции, вернулся на арийскую сторону. Он, Лея Перлштейн, Тося Альтман и Марек Фольман осуществляли всю деятельность на арийской стороне. Арье Вильнер и Марек Фольман были назначены нашими представителями в польском подполье. Они должны были наладить связи с Армией Крайовой и коммунистической Армией Людовой. На меня, Ицхака Цукермана, Мордехая Анелевича, Мирьям Хайнсдорф и Исраэля Канала была возложена задача организации восстания в Варшавском гетто. Ицхак должен был осуществлять связь с другими городами.

ПЕРВЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

Возобновить контакты с Армией Крайовой нам помогла полька, ревностная католичка, ветеран польского движения скаутов Ирена Адамович. Еще до войны у нее были тесные связи с движением "Хашомер хацаир". Она посещала летние лагеря, а также побывала в кибуцах-хахшара и симпатизировала еврейскому освободительному движению. Во время войны она близко сошлась с нашими товарищами из "Хехалуца" и "Дрора" и много дней провела на улице Дзельной, 34. И после создания гетто она использовала свое разрешение, полученное в варшавском магистрате, где работала служащей, чтобы посещать гетто по "служебным обязанностям".

Некоторые из ее друзей, ветераны польского движения скаутов, теперь руководили польским подпольем и имели контакты с польским правительством в Лондоне. Одного из них звали Губерт, но его настоящее имя было Александр Каминский, он был главным редактором подпольного печатного органа Армии Крайовой. Ирена представила ему наших посланцев на арийской стороне Варшавы, в осторожных тонах говорила о халуцианском движении, рассказала, что оно поддерживает национальные устремления поляков, и рекомендовала польскому подполью помогать нам в нашей вооруженной борьбе.

Так в течение одной ночи мы превратились в "Еврейский национальный комитет", а наша боевая организация — в его, этого комитета, военное формирование. Тогда мы еще не знали, как долог и тяжок путь до окончательного становления еврейской политической и военной организации в гетто.

После ночных совещаний с нами Арье Вильнер вернулся на арийскую сторону в качестве представителя всех политических сил, действовавших в гетто. Мы же взяли на себя задачу сплочения всех сил гетто ради общей цели — подготовки восстания.

Одновременно с этим мы решили провести ряд актов возмездия в гетто и казнить тех, кто наиболее активно сотрудничал с немцами во время акции, — прежде всего, нового начальника еврейской полиции Якова Лейкина (заменившего выкреста Юзефа Шеринского) и Исраэля Фиршта, осуществлявшего связь юденрата с немецкими властями. Этими двумя смертными приговорами мы хотели нанести удар по юденрату и его полиции, которые помогли немцам погубить сотни тысяч евреев. Мы хотели навести страх на всех этих выроdkов — пусть знают, что их дела не останутся безнаказанными. Мы были уверены, что без помощи доносчиков и всех тех, кто сотрудничает с убийцами, немцам не удастся быстро нас обнаружить.

После длительной слежки был казнен Яков Лейкин. Это произошло 29 октября. Месяц спустя, 29 ноября, из засады, где его подстерегали несколько недель, был убит Исраэль Фиршт. Об их казни мы известили жителей специальными объявлениями, расклеенными на стенах. В них разъяснялись причины вынесения смертного приговора и предупреждались о грядущем возмездии все немецкие прихвостни. Те, кто совершают преступления по отношению к евреям, расплатятся за это своей жизнью.

Наши действия имели исключительно широкий резонанс. Мы даже не ожидали такой реакции.

Наши братья евреи, а также сотрудники юденрата наконец поняли, что в гетто существует иная власть, кроме власти убийц, их пособников и исполнителей их воли. И, как всегда в подобных случаях, люди преувеличивали наши силы, и страх перед Еврейской боевой организацией или, как ее здесь звали, Камфе-организацие, охватил всех, кто имел какие бы то ни было контакты с немцами.

Период между сентябрем и ноябрем 1942 года мы использовали для сплочения политических сил, которые представляли все общественные течения, еще сохранившиеся в гетто. Одновременно с созданием политической базы мы заботились о расширении Еврейской боевой организации и о вовлечении в ее ряды молодежи, главным образом, воспитанников молодежных движений, существовавших в гетто до большой акции.

Мы начали переговоры с представителями партий, сначала — "Поалей Цион ЦС", нашей союзницы по антифашистскому блоку, а затем с "всеобщими сионистами". К сожалению, не увенчались успехом наши попытки присоединить к Еврейскому национальному комитету членов "Мизрахи" и "Агудат-Исраэль". И там и здесь имелись отдельные активисты, но в ту пору они не представляли никакой реальной силы. От организации "Хехалуц хамизрахи", которая сотрудничала с нами в Халуцианском координационном комитете, уцелели после большой акции очень немногие. Это движение перестало существовать. Как только началась большая акция, мы потеряли связь с их наиболее авторитетным руководителем Скучковским и ничего не знали о его судьбе. Ожесточенные дискуссии, которые происходили между нами и представителями религиозных партий в первые дни акций, не испортили наших дружеских отношений. Я испытываю к ним большое уважение, так как знаю, что они, идя своими особыми путями, многое сделали для спасения евреев и для того, чтобы постоять за честь нашего народа.

Руководителей еврейских коммунистов, с которыми весной 1942 года мы вели переговоры о создании антифашистского блока, уже не было в живых. Но мы вскоре установили связь с двумя товарищами, которые были рекомендованы нам знакомыми членами ППР на арийской стороне Варшавы. Тем временем завершился давний спор с коммунистами по поводу присоединения наших людей к партизанским отрядам за пределами гетто, в лесах.

Эти двое, с которыми мы вступили в переговоры, согласились примкнуть к Еврейскому национальному Комитету (по-польски — "Жидовски Комитет Народовы", сокращенно ЖКН) и к Еврейской боевой организации. Так как их партия в гетто — ППР — находилась в непосредственном подчинении Городского партийного комитета и не была уполномочена представлять евреев-коммунистов оккупированной Польши, сам факт их присоединения к боевой организации означал, что полномочия командования, в котором будет участвовать их представитель, распространяются лишь на Варшавское гетто.

Продолжались переговоры и с Бундом, но в ту пору мы еще не нашли общего языка. Правда, на сей раз бундовцы не решились отклонить наше обращение, прибегнув к своим обычным отговоркам, однако они твердили: "К Боевой еврейской организации мы можем присоединиться, но не будем участвовать в совместном едином политическом представительстве".

После ряда утомительных заседаний они согласились образовать совместно с нами Еврейский координационный комитет ("Жидовски Комитет Координационны", сокращенно ЖКК) с целью согласовывать политические действия Еврейского национального комитета и Бунда. К Еврейской боевой организации Бунд присоединился только в Варшаве. Что же касается других городов, то там позиция Бунда в этом вопросе оставалась неизменной.

Таким образом, на арийской стороне существовало два представительства: Еврейский национальный комитет, объединявший все активные силы гетто, и Бунд. Оба они в рамках Еврейского координационного комитета действовали совместно по отношению к польскому подполью. Общественно-политическая платформа Еврейского национального комитета позволяла его представителям на арийской стороне Варшавы сотрудничать с двумя польскими подпольными организациями: с той, что была связана с поль-

ским правительством в Лондоне, и с коммунистическим подпольем, получавшим указания из Москвы.

Еврейский координационный комитет имел контакты только с польским подпольем, руководимым из Лондона. Бунд самостоятельно наладил связь с двумя течениями Польской социалистической партии. Представитель Еврейской боевой организации развивал контакты, с ведома и согласия Бунда, с двумя соперничавшими между собой подпольными военными организациями: с Армией Крайовой и Армией Людовой.

Впоследствии, в период восстания в Варшавском гетто, сотрудничество между Еврейским национальным комитетом и Бундом стало более тесным. Постепенно возрастала общая ответственность, и практическая деятельность охватила всю территорию Генерал-губернаторства.

После многих попыток мы нашли путь и к ревизионистской группе. Она согласилась присоединиться к Еврейской боевой организации и к Еврейскому национальному комитету, но уже на первых заседаниях Еврейского национального комитета и Еврейского координационного комитета обнаружились острые разногласия между ревизионистами и всеми остальными организациями. После того, как требования ревизионистов не были удовлетворены и они отказались признать решение, принятое большинством, они отделились и создали свою самостоятельную боевую организацию.

Для руководства восстанием в Варшавском гетто было избрано командование из пяти человек: Мордехай Анелевич ("Хашомер хацаир") — командир, Ицхак Цукерман ("Хехалуц" и "Дрор") — заместитель командира, ответственный за снабжение оружием, Иоханан Моргенштерн ("Поалей Цион ЦС") — ответственный за финансы, Герш Берлинский ("Левая Поалей Цион") и Берек Шнайdmиль (в дальнейшем его заменил Марек Эдельман) — служба информации. На бо-

лее позднем этапе к командованию присоединился также Михаэль Розенфельд из ППР.

Так как общее командование действовало лишь в Варшавском гетто, параллельно из представителей "Хехалуца", "Дрора" и "Хашомер хацаир" было избрано командование, которое взяло на себя ответственность за организацию повстанческих действий по всей оккупированной немцами Польше и за связь с другими гетто.

ДЕЙСТВИЯ В КРАКОВЕ

Краков, столица образованного оккупантами Генерал-губернаторства, был первым из польских городов, который с оружием в руках поднялся против немцев.

Когда всем стало ясно, что евреи осуждены на смерть, наши люди в Кракове начали действовать, стараясь достать оружие и завязать связи с местным польским подпольем. Первый револьвер был взят, можно сказать, голыми руками. Второй захватили с помощью первого. Эти действия, дабы избежать коллективных репрессий и расстрелов среди краковских евреев, намеренно были осуществлены в арийской части города, хотя там постоянно находилось много немецких солдат и полицейских. Раздобыв оружие, подпольщики решили прежде всего расправиться с предателями.

Условия деятельности Еврейской боевой организации в Кракове были гораздо сложнее, чем у нас, в Варшаве, поскольку Краковское гетто было гораздо меньше и бойцов все знали в лицо.

Однажды еврейские полицейские окружили дом, где находилось командование (в том числе наш товарищ Лабан и руководители организации "Акива" Долек Либескинд и Шимшон Дренгер). Полицейские увели с собой Долека. По дороге он выхватил револьвер и стал угрожать полицейским. Они испугались и разбежались, а он вернулся на командный пункт. Но с этого момента стало ясно, что организаторы восстания вынуждены покинуть гетто, так как они легко могут стать жертвой доноса и немцы арестуют их еще до того,

как возобновится акция, которая должна послужить сигналом к восстанию.

Бойцы перешли на арийскую сторону и начали проводить диверсионные партизанские акты. Ряд групп был отправлен в леса. Планировались диверсии на поездах неподалеку от города. Продолжались нападения на немцев, бродивших в одиночку по окраинам, с целью завладеть их оружием.

В этих действиях евреям помогали, особенно техническими советами, люди ППР. Но одновременно товарищи из Кракова планировали действия большего размаха, у них были далеко идущие планы. Короче говоря, они верили, что в их силах осуществить задуманное. Перед восстанием они захотели посоветоваться с варшавскими товарищами и просили, чтобы кто-нибудь из наших людей посетил их. Первым отправился в Краков Арье Вильнер, а затем, по просьбе товарищей из Кракова, туда выехал Ицхак Цукерман в сопровождении молодой связной Хавки Фольман. К тому моменту, когда Ицхак прибыл на место, уже был разработан план и назначен день и час восстания — 22 декабря 1942 года. План предусматривал ряд действий — распространение листовок, убийство немцев на улицах города, взрывы военных гаражей и кафе, которые посещали исключительно немцы. Все это на арийской стороне.

Действовать приходилось в исключительно трудных условиях, поскольку у большинства бойцов была ярко выраженная еврейская внешность.

Но Лабан умел находить правильные решения в любых обстоятельствах. Сначала он облачился в форму польского полицейского и расхаживал по улицам, имея при себе фальшивые документы. Затем он повысил себя в звании и открыто ходил по улицам в форме немецкого офицера и с оружием в руках. Но последовать его примеру остальные не могли. Их лица выдавали их еврейское происхождение, и им приходилось постоянно скрываться. К тому же у них не было даже угла, где они могли провести ночь.

После долгих трудов было найдено пустое здание бывшей еврейской больницы. Дом стоял, запущенный и всеми забытый, в арийской части города. Он стал главной базой боевой организации. Тут бойцы нашли для себя убежище и отсюда они выходили на боевые задания.

В назначенный день — 22 декабря — Лабан и Ицхак Цукерман находились на этой базе. Лабан отдал приказы и договорился встретиться завтра в 5 часов вечера с бойцами, которые должны были вернуться на базу, выполнив порученное им задание. Затем он вместе с Ицхаком отправился к себе на квартиру; это был подвал дома, который занимали немцы. В ту ночь Лабан и Цукерман всесторонне обсудили ситуацию и разработали план действий в стенах гетто. В обсуждении участвовал также Долек Либескинд, представитель краковского командования.

Вечером, до наступления комендантского часа, на базу прибыли связные и доложили, что все запланированные действия осуществлены. Было убито несколько гестаповцев и офицеров Вермахта и захвачены их револьверы, подожжены гаражи, брошены гранаты в немецкие кафе, и там имелись жертвы. Особенно эффективным оказалось нападение на кафе "Циганэрия".

Впоследствии стало известно, что во время этих диверсионных актов было убито тринадцать немцев и пятнадцать тяжело ранено. Несколько человек получили легкие ранения. В тот же вечер была распространена по городу листовка, как это и планировалось, с призывом оказывать сопротивление немцам.

Теперь никто уже не узнает, что случилось. Некоторые утверждают, что в боевую организацию проникли провокаторы, находившиеся в контакте с гестапо. Другие предполагают, что немцы выследили тех, кто распространял листовки, и таким образом напали на след организации. Но определенно известно, что немцы ночью проникли в здание заброшенной больницы на

улице Скавинской и еще до того, как наши люди успели взяться за оружие, схватили всех и отвезли в тюрьмы Монтелупи и Хельцлув.

Как я уже говорила, у Лабана была назначена встреча с бойцами на следующий день. И он вместе с Цукерманом отправился на базу. Дом этот стоял в узком переулке. Еще по пути на базу у Лабана возникли подозрения. "Этот переулок мне сегодня не нравится", — сказал он. Всегда тут было тихо, а на сей раз вертелись какие-то подозрительные типы. По дороге Лабан вспомнил, что забыл свой револьвер. И все же они вошли в темный коридор — впереди Лабан, знавший дорогу, а за ним — Ицхак. "Хенде хох!" ("Руки вверх!") — раздался приказ, сопровождаемый градом пуль. Ицхак тотчас отскочил назад. Он успел открыть дверь, сделал несколько шагов и упал — он был ранен в ногу. Но тотчас поднялся, сообразив, что терять ему уже нечего, и вышел через садик, окружавший дом, на улицу.

Ясность рассудка не покинула его в этот критический момент. Он отошел от ворот, остановился на улице с видом равнодушного прохожего и закурил папиросу.

Уже спустились сумерки. Типы в гражданской одежде, увидев человека, спокойно курившего папиросу, видимо решили, что это один из их компании, и прошли мимо, ничего не заподозрив. Когда они удалились, Ицхак перешел на другой конец переулка и некоторое время бродил по городу с кровоточащей ногой. Он не знал, куда идти. Как назло, в тот день, испугавшись актов диверсии, немцы объявили комендантский час раньше обычного, с 6 часов вечера. Было уже почти шесть, а Ицхак еще не знал, что предпринять.

Вдруг он обнаружил, что находится возле костела. Не долго думая, он вошел внутрь. Несколько человек тихо молились. Ицхак встал на колени и присоединился к ним. Когда они стали расходиться, он обратился к ксендзу, рассказал ему, что был ранен, убегая от немцев, и попросил помочь. Но напуганный священ-

нослужитель отказался оставить его в костеле и выводить на улицу.

Он продолжал бродить по улицам, пока не обнаружил дом с вывеской: "Врач по внутренним болезням". Вывеска была написана только по-польски, очевидно, врач не стремился привлечь пациентов-немцев. Ицхак вошел в дом, но врача на беду не оказалось на месте. А тем временем на лестнице собралось несколько поляков, жильцов дома, заметивших раненого, усевшегося на ступенях. Они хотели передать его властям. Некоторые даже приблизились, чтобы взять его силой и отвести в полицию. Но Ицхак не сдвинулся с места и с упрямством неменяемого повторял: "Я отсюда никуда не тронусь! Убейте меня, но отсюда я никуда не тронусь!" И поляки почему-то раздумали, отступили, а затем и разошлись. Спустя несколько часов кто-то даже перевязал ему ногу, но взять к себе домой никто не согласился. Если бы немцы его обнаружили, хозяева поплатились бы своей жизнью.

Ицхак бредил. Видимо, в бреду он говорил на идише, во всяком случае, жильцы не сомневались в том, что он еврей. Он слышал, как люди шептались — до утра не продержится, непременно умрет. А кто будет отвечать за труп, лежащий на ступенях лестничной клетки?

Жильцы заперлись в своих квартирах. К раненому подошел польский мальчик, поставил кружку молока и положил ломоть хлеба. Женщина открыла дверь. Это была привратница дома. Она оглянулась, не подсматривают ли за ней, и укрыла его мешком. Был конец декабря, ночь была очень холодной. Всю ночь Ицхак пролежал на ступеньках лестницы.

Назавтра с зарей снова появилась привратница. Она с перепугу десять раз перекрестилась и сказала:

— Ты еще жив? А мы все были уверены, что ночью помрешь.

Эта простая женщина сжалилась над несчастным евреем и, когда никто не видел, ввела его к себе в квартиру и даже накормила и напоила горячим чаем.

Весь день она его охраняла, но оставить у себя на ночь побоялась. Ицхак поплелся, еле живой, к вокзалу. Собрав остатки сил, он влез в какой-то пустой вагон и после долгой ночной езды утром вернулся в Варшаву. Совершенно обессиленный, изменившийся до неузнаваемости, он прибыл на нашу базу на улице Заменгоф в центральном гетто.

Тогда мы думали, что Ицхак — единственный оставшийся в живых после диверсий в Кракове. Потом стало известно, что многие бойцы арестованы и находятся в тюрьмах, те же, кто в ту ночь нашел убежище в других местах или не участвовал в декабрьских боевых операциях, продолжают действовать в движении еврейского сопротивления в Кракове и его окрестностях.

Однажды, когда группу бойцов, в том числе Лабана, везли в закрытом грузовике на допрос, они напали на охрану. Они собирались перебить немцев, завладеть их оружием и бежать. Но эта попытка не увенчалась успехом. Немцы перестреляли большинство находившихся в машине. Лабан был доставлен в лагерь Плашув и там погиб.

Долек Либескинд, напрасно прождавший в квартире Лабана возвращения хозяина, был застигнут немцами, оказал сопротивление и погиб во время перестрелки. Среди арестованных и брошенных в тюрьмы, а затем отправленных в Освенцим была также Хавка Фольман.

Так погиб цвет еврейской молодежи в Кракове. Особенно пострадало движение "Акива" — ветвь халуцианского движения, — главным оплотом которого была столица Генерал-губернаторства. Бойцы "Акивы" проявили беспримерную стойкость в борьбе с нацистами.

ВОССТАНИЕ В ЯНВАРЕ 1943 ГОДА

Еврейская боевая организация развернула активную деятельность в Варшаве и других городах. От товарищей, находившихся на арийской стороне, удалось получить еще некоторое количество оружия. И вот, в тот самый момент, когда организация начала ощущать рост и набирать силы, неожиданно разразилась январская акция 1943 года.

Акция эта началась рано утром 18 января. Немцам и на этот раз удалось застать нас врасплох. Несколько днями раньше они организовали форменную охоту на людей в арийской части города и арестовали тысячи поляков. Мы были уверены, что пока немцы заняты поляками, нас они оставят в покое. Бывали даже случаи, что поляки-подпольщики, спасаясь от ареста, пробирались в гетто и находили здесь убежище. Мы тоже дали указания нашим людям на арийской стороне вернуться в гетто.

Даже за несколько часов до акции в гетто не ощущалось никакой особой тревоги. И вот внезапно гетто было окружено, и начали хватать евреев, вышедших на работу. Группы рабочих, ждавших выхода у ворот гетто, были тотчас направлены на Умшлагплац.

Даже мы, обычно готовые ко всяким неприятным неожиданностям, были поражены. Еще вчера мы планировали, как лучше использовать эти дни, пока немцы заняты на арийской стороне, и были уверены, что в нашем распоряжении имеется две-три недели для подготовки. Вечером несколько групп вышли на задания: захватить оружие, освободить наших парней, попавших в лапы еврейского "веркшуца" — стражи,

охранявшей мастерские Теббенса-Шульца. Некоторые товарищи отправились на новую базу, которая была создана для группы Берла Бройдо. Незадолго до этого он прибыл к нам из Островца вместе с несколькими десятками членов местной организации.

В тот вечер у нас был дорогой гость — поэт Ицхак Кацнельсон. Он жил на территории шопов Теббенса-Шульца и работал вместе со своим старшим сыном Цви в мастерской немецкого промышленника Шульца. Оба потихоньку выбрались из своего жилища, перешли "ничейную" землю и достигли нашей базы в центральном гетто. Выглядел Кацнельсон ужасно, был подавлен и сломлен. Незадолго до этого он потерял семью, жену и двух младших сыновей. "Уже неделю не виделся с вами", — сказал он. Ицхак пришел, чтобы побеседовать, услышать новости и прочесть нам свое последнее произведение — о гибели семьи. Мы провели вместе всю ночь и лишь под утро улеглись спать.

Не успели мы задремать, как явился дозорный: по улицам города движутся войска. Мы были уверены, что это связано с событиями в арийской части Варшавы, но все-таки встали, оделись и спустились во двор, чтобы выяснить положение. И обнаружили, что все улицы перерезаны и возле каждого дома стоит немецкая стража. Выйти наружу было невозможно. Невозможно было даже связаться с другими группами нашей организации.

И все наши планы, составленные еще накануне, рухнули. Каждая группа осталась изолированной. Каждый отряд, имевший оружие, мог полагаться лишь на себя. Мы не могли осуществить свой план борьбы, так как не было никакой возможности двинуться с места. Акция застала каждого из нас как бы привязанным к тому участку гетто, где он находился. И все же мы сделали все, что только можно было сделать в этих условиях.

В январском восстании были испытаны два метода борьбы. Один применила группа из "Хашомер

хацаир” во главе с Мордехаем Анелевичем. Немцы застали их врасплох в самом начале акции, бойцы сделали вид, что подчиняются приказу нацистов, позволили выгнать себя на улицу и смешались с толпой. Немцы и украинские полицаи гнали людей к Умшлагплацу. В определенный момент, на середине пути, была дана команда открыть огонь. Когда раздались первые выстрелы, бойцы закричали евреям: ”Бегите!”.

Но от неожиданности и страха толпа не рассеялась, а стала бежать по направлению к Умшлагплацу. Люди опасались, что их убьют, если поймают, но если они сами придут на Умшлагплац, возможно, их помилуют... И все же некоторым удалось бежать.

Немцы не могли даже представить, что возможно вооруженное сопротивление, и в первую минуту оцептели и растерялись. Мы слышали их крики: ”Евреи стреляют!”. Это их поразило, подобного они не могли вообразить. Наши товарищи воспользовались их растерянностью и продолжали стрелять. Но немцы наконец пришли в себя, оправились после первого замешательства — и наши парни с револьверами оказались лицом к лицу с прекрасно вооруженными солдатами. Почти все наши бойцы пали в этой неравной схватке. Некоторые бежали, но были убиты во время погони. У остальных кончились патроны. От этой группы уцелели лишь Мордехай Анелевич и одна девушка. Когда у Мордехая кончились патроны, он выхватил оружие у немца, скрылся в одном из домов и продолжал отстреливаться. Немцы побоялись войти в дом.

Неподалеку евреи сидели в бункере. Один из них вышел и втащил в бункер Анелевича. Немцы ничего не заметили. Они подожгли здание и уничтожили его целиком.

Это был один метод вооруженной борьбы. Но был и другой, который применили мы.

Мы понимали, что при том незначительном количестве оружия, которое имеется в нашем распоряжении, нам будет очень трудно вести открытую борьбу с врагом, воевать с немцами лицом к лицу. Евреи зна-

ли, что надо прятаться, что их ожидает смерть, но были и такие, которые тешили себя надеждой, что всех евреев немцы не убьют. Во всяком случае, работающие, считали они, останутся в живых. И немцы делали вид, будто они намерены оставить в живых часть евреев. Когда началась акция, спаслись те, кто успел спрятаться, а те, что не спрятались, — были схвачены.

Теперь немцы уже не могли брать евреев на улицах, они вынуждены были заходить в каждый дом и выискивать себе жертвы. И мы решили, что нам нет смысла идти в открытую атаку на немцев, а лучше ждать, пока они сами придут за нами. Мы полагали, что они не станут вести себя слишком осторожно, — ведь они не знают, что у нас есть оружие. И может быть, благодаря этой неожиданности, наша возьмет верх. Но после стольких лет ужаса нам трудно было представить себе, что, начав стрелять и убивать немцев, мы сумеем остаться в живых. Было ясно, что немцы нас одолеют, но при такой системе, думали мы, нам удастся дольше продержаться и уничтожить больше врагов.

Мы находились в состоянии боевой готовности на нашей базе в жилом доме по улице Заменгоф, 56-58, где расположился один из отрядов "Дрора". Неожиданно появился Ицхак Кацнельсон с сыном Цви. Я уже упомянула, что всю ночь на 18 января мы провели вместе. На заре они собирались присоединиться к одному из рабочих отрядов, отправлявшихся на арийскую сторону, с тем, чтобы пересечь "ничейную" землю и затем перейти в гетто Теббенса-Шульца. Приблизившись к воротам гетто, Ицхак и Цви увидели толпу рабочих, окруженных немцами, и вернулись к нам.

Мы хотели спрятать их в одном из бункеров, но Кацнельсон ни за что не соглашался. "Я должен оставаться с вами", — говорил он. Поэт решил участвовать в сражении, хотя знал, что на всех оружия не хватит.

Вскоре после этого к нам прибыла небольшая группа членов "Гордони" во главе с Элизером Гелером. Оставив гетто в самом начале большой

акции, в июле 1942 года, они начали поодиночке возвращаться и после ряда приключений снова оказались в Варшавском гетто. Они обосновались в одной из заброшенных квартир, находившейся в том же дворе, где мы создали свою базу. Теперь, в решающий час, они захотели присоединиться к нам. Оружия у них не было. Так в ряды Еврейской боевой организации влились и члены "Гордони".

Мы заняли позиции — сорок юношей и девушек под командованием Ицхака Цукермана. В нашем распоряжении было четыре гранаты и четыре револьвера. Большинство было вооружено железными прутьями и оружием нашего собственного изготовления — лампочками, заполненными серной кислотой. "Вот явятся немцы — и мы сожжем кислотой их наглые морды", — говорили бойцы. И хотя мы знали, что они все равно одолеют нас и всех уничтожат, мы с нетерпением ждали их прихода. Мы говорили: настал час мести, и мы его не упустим. Если нам суждено погибнуть, мы погибнем со спокойной совестью.

В доме воцарилась тишина. Немногочисленные жильцы оставили свои квартиры и попрятались в укромных местах. Время от времени тишина нарушалась воплями евреев, которых гнали на Умшлагплац, и криками немцев: "Ляуфен, шнелер ляуфен!" ("Бежать, бежать быстрее!").

Трудно описать наше состояние. Иногда напряжение спадало и душу охватывала щемящая печаль. Каждый стоял в своем углу, со своим личным "оружием", погруженный в свои скорбные думы. Так мы ждали первого выстрела. Тяжело, очень тяжело было ждать. Ведь уже полгода продолжалась акция уничтожения евреев в Варшаве и до сих пор еще ни одна пуля не поразила убийц. Что произойдет сейчас? Как все обернется?

Мной овладели тяжелые мысли. Говорят, в последние минуты жизни человек словно отчитывается перед самим собой. На мгновение я мысленно перенеслась

далеко-далеко, в страну вожделенную, к товарищам, к родным. Неужели, неужели я никогда их не увижу?

В эти решающие мгновения перед нашим первым вооруженным столкновением с немцами несколько прощальных фраз, обращенных и к самому себе, и ко всем нам, с большим волнением произнес Ицхак Кацнельсон.

— Мы должны быть счастливы, что можем встретить врага с оружием в руках и достойно умереть. Наша борьба станет источником вдохновения для грядущих поколений. Вспомните наших братьев в Эрец-Исраэль. Им было неведомо малодушие, в час опасности они бесстрашно выступали против огромных полчищ врага. Их героизм осветил путь поколений. Немцы убили миллионы евреев, но они не смогут одолеть нас всех — еврейский народ живет и будет жить! Мы этого не увидим, но враг заплатит сполна за нашу кровь. После нашей смерти наши дела будут жить...

Эти слова, сказанные со святым воодушевлением, воспламенили сердца.

Едва поэт успел произнести свою пророческую речь, как на лестнице послышался грохот кованых солдатских сапог. Распахнулась дверь, и в квартиру ворвались немцы. Первыми их встретили Зхарьяху Артштейн и Ханох Гутман.

Зхарьяху Артштейн оказался одним из самых бесстрашных воинов нашей боевой организации. Уроженец местечка Прушкув, он перед войной участвовал в молодежном движении "Фрайхайт" ("Свобода"). В Варшаву Зхарьяху попал вместе с другими беженцами. Его родители умерли в гетто голодной смертью. Когда он еще жил в местечке, его забрали в трудовой лагерь, и там он прошел через все круги ада, познав всевозможные издевательства и унижения. Тогда юноша еще не знал, что наш народ обречен на уничтожение, но он поклялся отомстить немцам. Жажда мести наполняла все его существо. Иногда нам казалось, что он много говорит о борьбе, но вряд ли

многое сделает. Однако он и говорил, и действовал с исключительным самообладанием.

Его друг Ханох, которого мы звали Хених, был уроженцем Лодзи и в Варшаву попал в начале войны. Как и Зхарьяху, он был воспитанником движения "Фрайхайд", а затем — одним из самых молодых активистов объединенного движения "Фрайхайд — Хехалуц хацаир". Зхарьяху и Ханох участвовали в первом подпольном семинаре нашей организации. Во время большой акции Ханох совершил неудачное покушение на Мечислава Шмерлинга, офицера еврейской полиции, который командовал на Умшлагплаце. Впоследствии они оба, и Зхарьяху и Ханох, возглавляли боевые отряды — во время большого восстания в гетто в апреле 1943 года — и оба погибли.

Когда немцы вошли в дом, Зхарьяху сидел в прихожей, как будто погруженный в чтение книги. Немцы даже не заметили его. Мы же расположились в других комнатах, где прятались за шкафами, некоторые товарищи находились в соседних квартирах. Немцы бодро прошли через первую комнату и вошли во вторую. Они увидели несколько еврейских парней, покорно ожидавших прихода убийц.

Когда немцы миновали его, Зхарьяху вскочил на ноги и выстрелом в спину убил двоих. Перепугавшиеся фашисты поспешно отступили на лестницу. И тогда вслед за ними бросились из своих укрытий наши бойцы. Первый, Меир Финкельштейн, был тяжело ранен. За ним поднялся Ханох Гутман, ему удалось преодолеть узкий проход и ранить немца, замыкавшего группу.

В этой стычке приняли участие все наши бойцы — кто-то бросил гранату, кто-то выстрелил из револьвера, кто-то пустил в ход железные прутья и лампочки с серной кислотой. Зхарьяху и Ханох забрали оружие убитых и раненых немцев, остальные бойцы бросились преследовать убежавших.

Несколько мгновений мы чувствовали себя счастливыми. Ведь мы своими глазами видели перепуганных,

бегущих немцев, тех самых непобедимых немецких солдат, которые покорили полмира. И они улепетывали от еврейских парней, все оружие которых состояло из револьвера или гранаты... Мы не хотели продолжать преследование, так как внизу, на улице, было много эсэсовцев и вооруженных украинцев.

Убийцы покинули дом и двор, и мы остались одни. Меир Финкельштейн был тяжело ранен. Но нам удалось захватить у немцев несколько ружей, револьверов и гранат. Мы сразу разбогатели.

Первые мгновения мы сами себе не верили. Не сон ли это? Мы, евреи из гетто, убили нескольких немецких солдат, остальных заставили бежать... Неужели это правда? Но тут же вступил в свои права холодный рассудок, и он подсказал: в нашем распоряжении очень мало времени. Немцы скоро вернутся с подкреплением, окружат дом и всех перебьют. Следовательно, нужно возможно скорее покинуть это место.

Оказав первую помощь раненому товарищу, мы разыскали для него укрытие, так как не сомневались, что немцы скоро вернутся.

Без предварительной подготовки (мы не рассчитывали, что, вступив в вооруженную схватку с немцами, останемся в живых), сам собой, родился план отступления. Решено было по чердакам и крышам перейти на другую улицу.

Сказано — сделано. Мы выбрались на чердак через узкое окошко, вскарабкались на крышу — и тронулись в путь по крышам, покрытым снегом, а кое-где и коркой льда. Мы шагали длинной цепочкой друг за другом. Это было утомительное и опасное путешествие, каждую секунду мы рисковали поскользнуться и сорваться вниз, с четвертого или пятого этажа, и погибнуть.

Нашей целью был дом номер 44 на Мурановской улице. Мы блуждали долго, казалось, прошли часы. Мы опасались, что никогда не достигнем цели, но пути назад не было. И еще мы боялись застрять на заснеженных крышах, не найдя выхода. Но нам улыбнулось

счастье и мы благополучно добрались до нужного дома на Мурановской улице.

Придя на новое место, мы разбились на звенья и заняли позиции в незнакомых квартирах и на лестницах, ведущих на чердак и на крышу.

Мы надеялись, что в нашем распоряжении будет время немного отдохнуть, обогреться, восстановить силы, но тут мы снова услышали стук подкованных солдатских сапог.

Видимо, немцы не ожидали, что и здесь их подстерегают вооруженные евреи, потому что они безо всяких колебаний вошли в квартиры нижних этажей, а затем уверенно начали подниматься наверх. Но тут мы встретили их выстрелами. Одного немца схватили двое наших парней и сбросили вниз, в пролет лестничной клетки. Кто-то вдогонку отступавшим немцам швырнул гранату. Волоча за собой раненых и убитых, они поспешно ретировались.

Тем временем наступила ночь, и немцы не вернулись. Лишь на следующий день они ворвались в пустые квартиры на улице Заменгоф, а также на нашу импровизированную базу на Мурановской. К нашему удивлению, и после этого столкновения мы остались в живых. У нас не было убитых, лишь один товарищ был ранен.

Сразу с наступлением темноты мы отправились на базу "Дрора", расположенную на улице Мила, 34. Здесь раньше жили наши товарищи, которые в конце 1942 года были изгнаны из сельскохозяйственной фермы Черняков в Варшавское гетто. И тут царил тишина — гробовая тишина акции. Дом был пуст. Мебель переломана. Полы были покрыты перьями, выпущенными из подушек.

Спустя несколько дней мы узнали о судьбе наших беззащитных товарищей, живших в этом доме. Рано утром немцы застали их врасплох, почти всех доставили на Умшлагплац и увезли в Треблинку. Многие из них соскочили на ходу с поезда, но лишь некоторым удалось, преодолев множество трудностей,

вернуться в гетто. От них мы узнали, что среди товарищей, которые прыгали на ходу с поезда и при этом пострадали, находилось несколько девушек-связных. Раньше они жили на арийской стороне и внешность у них была арийской, но в период усиленных облав им было предложено вернуться в гетто.

В пустующем доме мы выбрали несколько подходящих квартир и установили позиции для боевых звеньев. Каждый человек знал, откуда и когда начинать стрелять. Были выставлены часовые, чтобы немцы не застали нас врасплох. Заранее было определено новое место сбора на случай, если разыграется сражение и нам придется отступить.

Впереди была ночь, и мы постарались использовать ее для отдыха, хотя сон наш был достаточно тревожен.

Начало светать. Зимний варшавский день. Непривычная тишина. Не слышно криков немцев, лишь вчера заполнявших улицы. Мы поняли, что наши выстрелы повергли врага в ужас. Немцы уже не ходят строем по улицам, а тихо крадутся вдоль домов. Они не осмеливаются больше заходить во дворы, а посылают вперед еврейских полицейских, чтобы те проверили обстановку. Полицейские служат немцам заслоном, и лишь после них немцы с опаской входят во дворы и дома. И вот что удивительно: обыски в еврейских домах сейчас не столь тщательны, как прежде. Неужели убийцы до такой степени боятся еврейских пуль?

Настроение у нас поднялось. Нервы наши были напряжены до предела, и теперь наступила разрядка. Жизнь обрела смысл. После того, как мы оказали отпор убийцам, наша гибель уже не будет бессмысленной. А может быть — вспыхнула искорка надежды, — нам суждено даже остаться в живых...

В это самое время десятки тысяч евреев сидели в своих убежищах и дрожали, как осенние листья на ветру — вот на улице показался немец, второй, вот они приближаются... Мы, молодые, а главное прошедшие

испытание огнем и кровью, спокойно сидели на своих местах и почти не чувствовали волнения. Один из товарищей вышел в надежде разыскать во дворе спички и дрова — решил затопить печь. Дрова нашлись, кроме того, мы обнаружили немного водки. Затопили печь и уселись вокруг огня "наслаждаться жизнью". Начали даже шутить, вспоминая события последних двух дней. Объектом всеобщих насмешек стал один из бойцов. Вчера, когда немцы вошли в дом, он растерялся и, полагая, что мы обречены, сорвал предохранитель с гранаты, решив взорвать и себя, и всех нас. Лишь окрик командира заставил его опомниться в последнюю секунду и спас нас от верной смерти... Теперь все "прорабатывают" его, да и он сам, пристыженный и смущенный, бормочет, оправдываясь: не хотел, чтобы мы живыми попали к немцам в лапы...

Чуть поодаль сидит другая группа бойцов и с видимым удовольствием слушает рассказ одного из товарищей. Он красочно описывает, как прикончил немца, который собирался кинуться на нас. Теперь эта свинья валяется в луже крови и уже никогда не будет убивать "юдэн"...

Вдруг дозорные докладывают: во дворе большой отряд эсэсовцев. Мы выглядываем и видим, что немцы стоят посреди двора и кричат: "Юдэн, раус!" — "Евреи, выходите!". Но никто и не думает подчиниться этому приказу.

Мы решили выждать, полагая, что немцы в поисках евреев разойдутся по квартирам. Их силы раздробятся, и это облегчит нашу задачу.

Вот они поднимаются по лестнице и входят в нашу квартиру. Нас они не видят. Только Зхарьяху Арштейн, стоя посреди комнаты, поднимает руки, делая вид, что сдается, и выходит в коридор. И тут мы выступили из своих укрытий и обстреляли тех, что вошли в квартиру. На немцев посыпался град пуль. Ошеломленные, они попятились назад. Вскоре их отступление превратилось в беспорядочное бегство. Но внизу они тоже были встречены выстрелами — Зхарья-

ху поджидал их снаружи. Мы увидели, что на лестнице валяются убитые и раненые немцы. Остальные поспешили покинуть двор. И во время этого столкновения мы не понесли потерь.

Спустя некоторое время немцы вернулись с внушительным подкреплением, но опоздали. Они никого не нашли, так как сразу после стычки мы, захватив оружие убитых врагов, ушли. Во время отступления по чердакам мы обнаружили тайник, в котором прятались евреи. Он находился на крыше одного из соседних домов и был хорошо замаскирован. Тут нас ждала новая радость: евреи, и среди них раввин, встретили нас с распростертыми объятиями. Обращаясь к нам, раввин сказал:

— Коль скоро вы еще остались у нас, молодые евреи, бойцы и мстители, нам легче будет умирать...

В эту минуту мы позабыли обо всех неудачах и разочарованиях, постигших нас по вине наших братьев-евреев. Мы были растроганы до слез...

Январская акция продолжалась всего четыре дня. План немцев вывезти оставшихся в Варшаве евреев в Треблинку расстроился. Убийцы неожиданно для себя натолкнулись на вооруженное сопротивление и прекратили акцию. Видимо, им не захотелось расплачиваться своими жизнями за уничтожение евреев... Возможно, они переоценивали наши силы. А может быть, боялись, что искры восстания перекинутся через стены гетто на остальную Варшаву. Они решили выиграть время и разработать другую систему ликвидации евреев. Немцы не знали, что время работает также и на нас, и в дальнейших столкновениях им придется заплатить более дорогую цену.

Кроме нашей группы "Дрор", о которой я рассказывала, в январском восстании участвовали другие вооруженные отряды организаций "Дрор" и "Хашомер хацаир". Но я рассказала лишь о том, что сама видела и пережила.

МЕЖДУ ДВУМЯ ВОССТАНИЯМИ

В тот период главным занятием евреев, которым удалось "устроиться" и остаться в живых, была работа в мастерских.

Немцы организовали в гетто целый ряд мастерских и промышленных предприятий, которые называли здесь шопами. Сотни швейных машин стояли длинными рядами в просторных залах, а за ними, согнувшись, сидели сотни евреев и шили солдатское белье или ставили заплатки на обмундирование. Рабочий день был длинным, от зари до зари, без перерыва. Только в полдень людям разрешалось проглотить, не отходя от машин, скудный обед. Состоял он из куска хлеба, ложки повидла и миски жидкого супа.

Весь день в цехах находились надсмотрщики с бичами. Если кто-то в изнеможении подымал голову от работы, его тотчас настигал удар кнута. Нередко рана кровоточила, но на это не обращали внимания, каждый должен был выполнить дневную норму, и горе тому, кто ее не выполнит.

На первых порах люди, не имеющие профессии, охотно шли в шопы, полагая, что эта работа дает еврею право на жизнь. Но многие из них погибли, так как не могли выполнить норму. Работники шопов испытывали некоторое моральное удовлетворение, получая в руки наглядные свидетельства немецких потерь и поражений: военная одежда, которую привозили чинить, была рваной, обгоревшей, перепачканной в крови (как раз в ту пору происходили кровопролитные сражения за Сталинград). Евреи гетто,

осужденные на смерть, воспряли духом, когда воочию убедились, что фашистский хищник истекает кровью.

Кроме многочисленных шопов в гетто, немало немецких предприятий, использовавших еврейский труд, было и на арийской стороне. Каждое утро мы наблюдали, как тысячи евреев, выстроившись в отряды, окруженные со всех сторон охранниками из "веркшуца" и немецкими солдатами, с "веселой" песней движутся к воротам. Если кто-то шагал не в ногу или нарушал строй, его тут же избивали до полусмерти.

И все же эти люди считались в гетто "счастливчиками". Все им завидовали, многие пытались любыми способами присоединиться к ним. Причиной тому было страстное желание выйти за стены гетто и хоть ненадолго избавиться от удушливой атмосферы, разрушавшей и дух, и тело. Но была еще одна причина, заставлявшая мечтать о работе вне гетто: контрабандная торговля.

Немцы запрещали общение с поляками и тщательно обыскивали всех входящих в ворота гетто. Еврея, у которого находили буханку хлеба, нещадно избивали, и не раз случалось, что "контрабандисты" тут же на месте испускали дух. И все же некоторым удавалось благодаря всяческому ухищрениям доставлять в гетто продукты. Когда колонна приближалась к воротам, по толпе прокатывался гул голосов: какая сегодня охрана? Как обыскивают? Существовали всевозможные приметы и знаки. Из уст в уста передавались сведения о происходящем у ворот. Уму непостижимо, как этим людям удавалось укрывать свой товар и находить для него тайники под одеждой или среди рабочих инструментов. После целого дня каторжного труда, голодные, избитые, иногда даже раненые, люди приходили к воротам гетто, неся с собой контрабанду. Немецкая охрана отбирала продукты, зверски избивала тех, кто пытался пронести их в гетто, но контрабандная торговля тем не менее процветала.

Сотни тысяч евреев уже были высланы из Варшавы

и отправлены в лагеря смерти. Тысячи квартир пустовали.

Иногда я сама попадала в такую квартиру — казалось, она ждет своих хозяев, и они вот-вот вернуться...

Хорошая, обставленная со вкусом квартира, стол накрыт, можно подумать, что хозяева вышли на минутку, не закончив обеда... Постланы детские кроватки, кажется, что они ждут ребятишек, которые вот-вот появятся и лягут спать... Когда я по заданию нашей боевой организации заходила в такие квартиры, меня охватывало ощущение сиротства и ужаса, и, не в силах преодолеть его, я спешила скорее выйти...

На опустевшие квартиры набрасывались, как вороны, несчастные контрабандисты, вернувшиеся с работы. Они подбирали остатки разграбленного имущества. Сначала тащили то, что проще унести: белье, одежду, обувь, наволочки и ссыпки с подушек. Пух и перья летели по комнатам. Потом разбивали мебель, подчас весьма дорогую, превращая ее в дрова. Потом снимали замки, двери и оконные рамы. Если кому случалось заглянуть в такую квартиру после визита "собирателей имущества", то он выбирался оттуда весь в перьях. Квартира напоминала изуродованный труп...

А по ту сторону стены, на арийской стороне, ежедневно собирались поляки в ожидании добычи. Они предлагали все — молоко, хлеб, масло, колбасу, водку. Вечером, когда рабочие возвращались, в гетто начинался торг. Оживленная "торговля" шла на каждом углу. Процветал всевозможный товарообмен — одни меняли хлеб на одежду, другие, наоборот, одежду на хлеб.

Евреи чувствовали приближение конца, и тех немногих, у кого еще оставались средства, охватила безумная страсть — съесть и выпить как можно больше. Обжорство, распущенность и всевозможные излишества стали смыслом их существования. "Живи сегодня, завтра ты умрешь" — такой девиз был провозглашен в стенах гетто.

Немцы были довольны. Им удалось не только фи-

зически уничтожить сотни тысяч евреев, но и изуродовать души тех, кто еще оставался в живых, лишить их чести и человеческого достоинства. На работу и с работы евреев вели с "барабанами и плясками". У одного вырван клочок волос из бороды, другой хромот и еле тащится, у многих тела покрыты свежими кровоточащими ранами. Они шагают в ногу, "веселые и распеваящие", но как дико звучит это пение...

Мы не могли без ужаса наблюдать это душераздирающее унижительное зрелище. Наша организация запретила распевать в рабочем строю в гетто. Нарушителей мы грозили сурово наказать.

Январская акция была последним предупреждением. До тех пор еще находились люди, полагавшие, что, несмотря ни на что, немцы заинтересованы в еврейских рабочих, что они оставят в живых "продуктивные элементы" и таким образом введут в заблуждение весь мир, который поверит, будто не все еврейство Европы истреблено. Последняя акция положила конец этой иллюзии. Евреи убедились, что лишь благодаря восстанию акция была приостановлена. Люди дальновидные не придавали больше значения своей работе в шопках, где они постоянно находились под бдительным надзором нацистов, и принялись искать для себя убежища. Те, кто имел немного денег и "арийскую" внешность, старались приобрести липовые документы, чтобы остаться на арийской стороне. Другие же устраивали для себя бункеры внутри гетто.

Когда выяснилось, что немцы прервали акцию, многие постарались использовать время, оказавшееся в их распоряжении, для строительства укрытий и изготовления средств самообороны. И действительно, благодаря этому некоторым удалось спастись. В гетто строились даже подземные жилища с душем и освещением, делались запасы продуктов на продолжительный срок. Евреи наконец поняли, что самое важное — иметь оружие для самообороны, и начали приобретать его всеми возможными путями.

Январское восстание, хоть и не причинило немцам особого ущерба, сыграло исключительную роль. Евреи убедились, что можно не только убивать немцев, но и остаться благодаря этому в живых. Более того, именно из-за вооруженного сопротивления акция была приостановлена. Это привело к повороту в умах еврейской общественности. Люди, сотрудничавшие с немцами, начали бояться нас, а в этом мы были весьма заинтересованы. И на арийской стороне отношение к евреям коренным образом изменилось. Отныне поляки испытывали к нам, по их собственному признанию, уважение и доверие. Они должным образом оценили тот факт, что мы осмелились, располагая столь ничтожным количеством оружия, подняться на борьбу с немцами.

Наши арсеналы с тех пор значительно пополнились. Мы получили от Армии Крайовой 50 револьверов, 50 гранат и большое количество взрывчатки, из которой впоследствии удалось изготовить мины. Во время апрельского восстания 1943 года мы заложили эти мины на главных улицах гетто и в домах на перекрестках — то есть в тех местах, где скапливались немцы. Немало врагов подорвалось на этих минах. Специалисты из польского подполья инструктировали нас и при изготовлении некоторых других видов оружия. Мы достали также рецепт, позволивший нам усовершенствовать известный "коктейль Молотова". Бутылки, наполненные этим составом, использовались как гранаты против танков и броневиков. Рецепт раздобыл для нас у своих друзей — польских социалистов — бундовец Михаэль Клепфиц, по профессии инженер. Мы сами приобретали оружие, где только могли. После поражения немцев под Сталинградом солдаты Вермахта были деморализованы, и за деньги у них можно было достать многое. Был у нас и еще один источник; мы захватывали оружие у немцев и польских полицейских.

Это был период бурной деятельности. Мы фактически стали неограниченными хозяевами гетто, своего

рода "правительством". Евреи больше не обращались в юденрат и не считались с его распоряжениями. Более того, — сам юденрат действовал осмотрительнее, опасаясь нашей мести. Дело доходило иногда до смешного: например, Еврейская боевая организация получила от одного еврея письменное заявление с просьбой разрешить ему открыть в гетто игорный дом...

Мы очистили гетто от доносчиков. Евреи, агенты гестапо, были казнены, предатели поспешили покинуть гетто. Благодаря этому мы могли действовать, не опасаясь доносов.

Для покупки оружия требовались большие деньги. Чтобы вооружить пятьсот бойцов, нужны были миллионы злотых. Вначале мы организовали комиссию Еврейского координационного комитета (о котором речь шла выше), и она начала собирать деньги у населения. Когда мы увидели, что добровольные пожертвования весьма скромны, то решили взимать налог. Начали с общественных организаций, с кассы юденрата и геттовского банка, который охраняли польские полицейские. В один прекрасный день наши люди пришли с пистолетами и ограбили этот банк, а также очистили кассу юденрата. Затем, когда эти источники были исчерпаны, мы наложили контрибуцию на богатых евреев, главным образом тех, что вели торговые операции с немцами.

Вначале все шло гладко. Мы посылали извещение от имени боевой организации: "Вам предлагается выплатить такую-то сумму" — и они платили без промедления. Эти люди, видимо, полагали, что деньги требуют немцы, а их не следует раздражать. Когда же они выяснили, кто в действительности взимает "налог", то решили: "Еврейские разбойники не будут слишком суровы с нами" — и отказались платить. Хотя мы знали, что в конечном счете и богатые евреи будут уничтожены немцами, а их деньги конфискованы, тем не менее мы не собирались проливать кровь этих людей, отказывавшихся выполнить свой еврейский долг. Наши моральные принципы не позволяли

нам прибегнуть к расправам над ними. Мораль была нашей путеводной звездой во всех действиях. Даже тогда, когда в наших руках были миллионы злотых, питание бойцов Еврейской боевой организации оставалось скудным. Мы не голодали, но довольствовались немногим. Среди царившей вокруг распущенности и всеобщей деморализации очень важно было сохранить нравственный облик бойцов. Мы не хотели даже в малой степени использовать деньги наших братьев евреев на собственные нужды. Отказываясь давать средства на борьбу с немцами, богатые евреи умело использовали нашу "слабость". Они чувствовали, что мы — "еврейские разбойники"...

Подолгу велись переговоры, но в конечном счете толстосумы прятали свои деньги и отказывались жертвовать на нужды организации. Когда не помогали ни увещевания, ни обыски в квартирах, мы арестовывали отказывавшихся от выплаты налогов и сажали в импровизированные тюрьмы. Даже лишившись свободы, эти люди, нажившие свое состояние весьма сомнительными путями, раскошеливались неохотно. Но обычно арест главы семьи заставлял его близких согласиться выплатить требуемую сумму.

Тем временем немцы, прервавшие акцию из-за январского восстания, составили новый план ее продолжения. Им не терпелось довести процесс уничтожения евреев до конца. Теперь они знали, что в гетто есть боевое подполье. Январское восстание, а также наши последующие расправы с евреями-предателями, немцами и польскими полицейскими не оставляли сомнения в нашей решимости бороться. Немцы старались избежать прямых столкновений. Теперь они разработали новую тактику: не эсэсовцы и гестаповцы придут в гетто, а немецкие работодатели, владельцы шопов. И действительно, те принялись объяснять своим рабочим: из достоверных источников им стало известно, что Варшаву решено "очистить" от евреев. Но так как эти евреи нужны им, владельцам шопов, они готовы спасти их и перевести рабочих вместе с семьями и всем

оборудованием из Варшавы в другие места — Понятов и Травники, под Люблином.

Эти хитрые речи обманули очень немногих.

Узнав о новом маневре врага, мы выпустили листовку, в которой разъяснили истинный смысл "заботы" немцев о евреях. Мы советовали, как себя вести, что предпринять.

Спустя неделю после опубликования нашего воззвания, в середине марта 1943 года, "уполномоченный по переводу предприятий из еврейского квартала Варшавы" немецкий фабрикант Вальтер Цезарь Теббенс обратился с воззванием от своего имени и от имени владельца шопов Шульца к еврейским рабочим-оружейникам. Вот текст этого воззвания:

"Я хочу ответить на прокламацию командования боевой организации, опубликованную в ночь на 14 марта. Со всей ответственностью заявляю:

1. Настоящая акция не имеет ничего общего с депортацией.

2. И я, и Шульц действовали по собственной инициативе, а не по приказу.

3. С полной ответственностью заявляю, что люди, вывезенные с последним транспортом, не были ликвидированы. Следует сожалеть, что рабочие Шульца не вняли его добрым советам. Я вынужден был перевести одну из моих мастерских, чтобы использовать возможности транспорта. Имеется распоряжение установить имена рабочих, прибывших в Травники, и перевезти вслед за ними их багаж.

...Евреи, рабочие-оружейники! Не верьте тем, кто вводит вас в заблуждение и подстрекает оказывать сопротивление, это неизбежно повлечет за собой репрессии. Убежища не гарантируют безопасности, и жить в них невозможно. Никого не спасет и пребывание на арийской стороне. Неопределенность положения и вынужденное безделье подорвут силы и сломят дух рабочих, привыкших трудиться. Я вас спрашиваю: почему ко мне приходят богатые евреи с арийской стороны с просьбой взять их на работу? У них достаточно

денег, чтобы жить на арийской стороне, но они не в силах вынести тяготы такой жизни. Искренне советую вам: поезжайте в Травники, поезжайте в Понятов, там можно жить. Там вы пробудете до конца войны. Еврейская боевая организация вам не поможет. Ее обещания лживы. Вам за большие деньги предлагают убежища, а затем выгонят на улицу и предоставят самим себе. Вы уже научены горьким опытом и знакомы с таким обманом. Верьте только руководителям немецких предприятий, которые хотят с вашей помощью наладить производство в Понятове и Травниках. Возьмите с собой жен и детей, мы и о них позаботимся”...

Мы изъяли это воззвание, и оно не дошло до населения. Но если бы даже дошло, к нему бы не прислушались. Народ уже знал, что Еврейской боевой организации можно доверять.

Когда немцы увидели, что евреи не собираются добровольно покидать Варшаву, — а они рассчитывали, что евреи сами составят списки ”отъезжающих” и вместе со своими семьями и жалким скарбом заполнят эшелоны, — они начали сортировку рабочих на предприятиях и принялись вывозить их в лагеря небольшими группами.

Мы предприняли некоторые меры, заставившие немцев прекратить эту акцию. После того, как они, захватив группу евреев, посадили их под стражу, наши люди окружили дом и всех освободили. Мы подожгли также большую столярную мастерскую, и она сгорела вместе с оборудованием и материалами. Евреи одобряли наши действия и отказывались выполнять распоряжения немцев. Люди прятались в заранее оборудованных убежищах. Немцы поняли, что им не удастся так легко ликвидировать евреев.

Так развивались события до апрельского восстания.

В этот период интенсивной подготовки к предстоящим боям в Варшаве и в других гетто были арестованы и казнены десятки наших людей, выполнявших разного рода задания и, прежде всего, занятых прио-

бретением оружия и переброской его из одного гетто в другое.

Большим ударом для нашей организации был арест Арье Вильнера, нашего представителя на арийской стороне, осуществлявшего связь с Армией Людовой и Армией Крайовой. Его предала полька, которая заманила его в ловушку, пообещав снабдить оружием. Немцы окружили дом и схватили Вильнера. Несколько недель его пытали в застенках гестапо, но так и не заставили заговорить. Тогда его перевели в тюрьму Павиак, где содержались тысячи поляков и евреев, схваченных на арийской стороне. Арье был доставлен туда совершенно измученный и обессиленный и брошен в еврейское отделение тюрьмы.

Однажды немцы набирали группу евреев для отправки в рабочий лагерь неподалеку от Варшавы. Арье Вильнер попал в эту группу — тюремщики не разобрались, что он политзаключенный, а не просто еврей, схваченный на арийской стороне. Ему удалось бежать из лагеря с помощью смелого польского парня, члена организации скаутов Хенека Грабовского, того самого человека, который в конце 1941 года по нашему заданию отправился в Вильно для связи с товарищами. Раненый и измученный Арье был возвращен в гетто.

В течение нескольких месяцев после его ареста у нас не было связи с арийской стороной и с польским подпольем. Поляки прервали всякую связь с нами из опасения, что под пытками Арье мог выдать их немцам. Было потеряно немало драгоценного времени, прежде чем поляки убедились, что немцам не удалось вырвать у него ни слова.

Нелегко было найти другого человека, который мог бы заменить Арье. Наши люди, действовавшие на арийской стороне, рисковали своей жизнью не в меньшей степени, чем те, что оставались в гетто, но никто не хотел расставаться с товарищами и постоянно находиться в чужом и враждебном мире.

Возможно, что если бы кто-то заблаговременно от-

правился на арийскую сторону, ему удалось бы подготовить для нас пути отступления и базу для сбора тех, кто останется в живых. Возможно, удалось бы заручиться более эффективной помощью поляков. Но прошло много времени, пока мы, наконец, нашли замену Арье Вильнеру. И даже тогда, когда подходящий человек был найден, прошли недели, прежде чем пришло краткое телефонное сообщение с арийской стороны. Нас предупреждали, что если мы, руководители боевой организации, не хотим, чтобы "соль прибыла после еды, надо прийти и получить ее немедленно". Это лаконичное сообщение было получено 12 апреля, а назавтра наш представитель отправился на арийскую сторону. Он должен был представлять в польском подполье, как прежде Арье Вильнер, Еврейскую боевую организацию не только Варшавы, но и всей оккупированной Польши. До апрельского восстания оставалось несколько дней.

Я уже упоминала о расширении боевой организации в Варшаве и об образовании политического представительства: Еврейского национального комитета и Еврейского координационного комитета, который согласовывал действия Еврейского национального комитета с представителями Бунда в гетто и на арийской стороне Варшавы.

Но фактически расширение боевой организации и руководящих политических организаций распространялось в ту пору лишь на Варшаву и не охватывало другие, еще уцелевшие еврейские общины на территории Генерал-губернаторства, в районах, присоединенных к Рейху и в оккупированных районах Советского Союза.

Боевая организация с момента ее создания в конце июля 1942 года была инициатором вооруженной борьбы в гетто на всей оккупированной немцами территории. Она направляла и вдохновляла эту борьбу во всех местах, где подпольно действовали "Хехалуц" и молодежные халуцианские организации.

Основными нашими базами были сейчас, в период

массового уничтожения, киббуцы-хахшара, созданные в относительно "спокойные" дни.

Необходимо было сохранить старое командование, выдвинутое из представителей "Хехалуца", которое осуществляло связь с Краковом, Ченстоховой, Островцом, Бендзин-Сосновцом, Белостоком и с другими городами.

Гибель Шмуэля Браслава и Иосефа Каплана, а также отправка Мордехая Тенненбаума для организации восстания в Белостоке ослабили командование. Но сразу после окончания большой акции, в середине сентября 1942 года, штаб был расширен. В него были введены новые товарищи, и среди них Мордехай Анелевич, который вернулся в Варшавское гетто после посещения Бендзина, присоединенного к Рейху.

Мы встречались несколько раз в неделю в центральном гетто или на территории мастерских Теббенса-Шульца и обсуждали вопросы, выдвинутые представителями разных гетто, или выслушивали отчеты связанных, которые по нашему заданию отправлялись в боевые организации других городов.

Теперь, после того, как Арье Вильнер побывал в лапах гестапо, встал вопрос: кого рекомендовать в качестве нашего представителя в польском подполье? Арье "погорел" и к тому же вернулся в гетто тяжело больным и покалеченным. Он был прикован к постели и находился в одном из тайников гетто.

После долгих обсуждений и колебаний были выдвинуты две кандидатуры — Мордехая Анелевича и Ицхака Цукермана. В конечном итоге было решено: Ицхак отправится на арийскую сторону Варшавы.

Это решение повлекло за собой изменения в командовании зонами гетто. Ранее во главе отрядов, действовавших на территории шопов Теббенса-Шульца, стоял Ицхак. Мы решили заменить его Элизером Гелером. А чтобы укрепить связь между тремя зонами гетто — центральной, щеточных мастерских и Теббенса-Шульца, — пришлось освободить Мордехая Анелевича от командования центральным гетто и назначить вместо

него Исразля Канала. Марек Эдельман остался на своем месте — на территории щеточных мастерских.

Из январского восстания было извлечено несколько уроков. Как я уже говорила, немцам не раз удавалось застать нас врасплох. Чтобы избежать в дальнейшем этой опасности, мы создали своего рода казармы — базы, где располагались бойцы. Такой порядок казался простым и естественным членам халуцианских организаций, которые с самого начала немецкой оккупации жили в киббуцах, а с момента создания боевой организации — в коммунах. Наученные опытом январского восстания, мы убедили членов других организаций и партий создать свои "киббуцы" и всегда — и днем и ночью — находиться в состоянии боевой готовности. Каждый отряд располагался на своей базе и занимал позиции, определенные заранее. И у каждого отряда был свой, составленный заранее план действий. Было дано указание, что в случае потери связи между командиром отряда и командиром территории — что нередко случалось во время январского восстания — командир отряда вправе действовать по собственному усмотрению.

Между январем и апрелем нам удалось установить свою власть в трех варшавских гетто из четырех — центральном, мастерских Теббенса-Шульца и щеточных мастерских. Всего из-за недостатка оружия и времени было сформировано лишь 22 боевых отряда.

Нас весьма тревожил тот факт, что нам не удалось пустить корни в четвертом гетто, на улице Проста, где также находился шоп Теббенса. В этом гетто наши силы были совсем незначительны. Улицы, до большой акции составлявшие часть этого гетто, сейчас были присоединены к арийскому кварталу и отрезали это гетто от остальных.

Из 22 боевых отрядов, участвовавших в апрельском восстании, 4 принадлежали организации "Хашомер хацаир", 1 — "Гордонии", 1 — "Акиве"; 1 — "Ханоар хациони", 5 — "Дрору", 1 — "Поалей Цион ЦС",

1 — "Левой Поалей Цион", 4 — Бунду и 4 — коммунистам.

Один из отрядов "Дрора" под командованием Ханоха Гутмана базировался вначале на территории мастерских Теббенса-Шульца, но незадолго до восстания был переведен на территорию щеточных мастерских. Вместо него отряд Элизера Гелера был переведен из зоны щеточных мастерских на территорию мастерских Теббенса-Шульца. Отряд под командованием Биньямина Вальда находился в шопе Теббенса-Шульца, а три отряда под командованием Берла Бройдо, Ицхака Блойштейна и Зхарьяху Артштейна — в центральном гетто.

В ночь на 19 апреля 9 отрядов находились в центральном гетто, 8 — на территории шопов Теббенса-Шульца и 5 — в зоне щеточных мастерских.

Кроме отрядов Еврейской боевой организации, в центральном гетто находился большой и сильный военный отряд, созданный ревизионистами. Их база располагалась на Мурановской площади, возле стен гетто.

Все наши дни и ночи были без остатка посвящены подготовке восстания. Мы действовали с лихорадочной поспешностью и сердца наши горели одним желанием: чтобы скорее пришел долгожданный день и час мести.

И этот час настал.

БОЛЬШОЕ ВОССТАНИЕ – АПРЕЛЬ 1943 ГОДА

В ночь перед восстанием, 19 апреля 1943 года, мы засиделись до двух часов, обсуждая разные вопросы и составляя планы на будущее. В комнату вошел парень. Взглянув на его бледное лицо, мы поняли, что стряслось что-то неладное. Он подошел к столу и сказал, что только что получено телефонное сообщение с арийской стороны – этой ночью гетто будет окружено, а в 6 утра немцы пойдут в наступление.

Хотя мы давно были готовы к такой возможности и с нетерпением ждали этого часа, все побледнели. Трепет радости и тревоги охватил нас. Но мы сумели подавить свои чувства и взялись за оружие. Наши посланцы тотчас обошли все гетто и сообщили евреям, что утром начнется сражение. Немногим уцелевшим старикам, женщинам и детям было предложено спрятаться, а молодежи – взяться за оружие.

Грозная весть переполошила гетто, и тревога охватила жителей. Обезумевшие люди носятся из одного двора в другой, выискивая для себя убежище. Мать держит на одной руке плачущую малютку, а другой волочит по земле мешок со скарбом. В панике она мечется от бункера к бункеру – авось удастся спасти себя и ребенка; а может быть, ей повезет и она сумеет втиснуть в убежище даже свое жалкое имущество, которое берегла на час беды. Другие торопливо готовят сухари – пищу на много дней. Все чувствуют, что, спускаясь сейчас в бункер, они не так скоро его покинут. И в самом бункере давка – люди устраиваются на "причесах" – своего рода нарах. Горько плачет ребенок, который почему-то оказался здесь один, без отца

и матери. Его окружают, стараются успокоить — ведь своим плачем он может навести немцев на бункер и навлечь беду на всех.

Квартиры опустели. Последние евреи спустились в подzemелья, и в гетто воцарилась тишина. Нигде ни души, будто все живое исчезло с лица земли. Лишь изредка можно заметить зыбкую тень — какая-то женщина рискнула вернуться в свою квартиру, чтобы спасти дорогую ей вещицу или захватить что-то съестное — забыла в спешке. С любопытством и нежностью смотрит она издали на бойцов, которые уже заняли свои позиции.

И во время этого восстания мы располагали весьма незначительным количеством оружия. Но какая разительная перемена произошла вокруг с тех пор, как мы впервые стреляли по врагу. В те дни — а ведь прошло лишь несколько месяцев — мы стояли одиноко, небольшая группа молодежи против множества немецких солдат. И внутри гетто мы столкнулись с враждебным отношением некоторых общественных деятелей. Все наше вооружение состояло тогда из нескольких гранат и пистолетов... А теперь сотни бойцов заняли заранее намеченные позиции и готовы стоять насмерть, сражаясь с врагом. В нашем распоряжении десятки пистолетов, есть ружья, автоматы, бомбы собственного производства, гранаты и тысячи "бутылок Молотова" (это и было то "секретное оружие" евреев, которое так поразило немцев).

Вся еврейская молодежь готова вместе с нами участвовать в борьбе, хотя мы не в состоянии вооружить всех. Если бы не нехватка оружия, то во время апрельского восстания воевало бы не пятьсот человек, а многие тысячи. Все уцелевшие после акций евреи видят в нас свою единственную надежду и защиту.

Мы провели последний смотр боевых групп, и к восходу солнца я добралась до позиций Зхарьяху Артштейна, где и сражалась во время апрельского восстания.

Когда рассвело, мы все находились на своих местах в состоянии боевой готовности. Издали можно было видеть большое скопление немецких солдат, которые устремились в гетто, как на фронт. На главных улицах, в тех местах, где должны были пройти немцы, мы установили хорошо замаскированные мины. Они были подсоединены к электрической сети. Наши самые сильные отряды расположились на перекрестках центральных улиц. Мы позволили немцам миновать наши позиции, и как только они ступили на заминированные участки, включили ток. Мы видели собственными глазами взлетевшие в воздух оторванные руки и ноги. Это была первая награда, которой мы удостоились.

В моей группе было тридцать человек, вооруженных несколькими ружьями, пистолетами, гранатами, бомбами собственного производства и множеством "бутылок Молотова". Мы расположились на верхних этажах домов на углу улиц Налевки и Генша и были первыми, кто встретил врага. Сотни веселых, сияющих немцев шагали сомкнутыми рядами, горланя военные марши. Они шли на "последний бой" с евреями. Но едва они достигли наших позиций, как на их головы обрушился шквал гранат и бомб. В рядах врага началась паника. Мы вышли из своих укрытий и расстреливали немцев в упор из ружей и пистолетов. Улицы гетто покрылись лужами немецкой крови.

Когда мы увидели немцев, которые несколько секунд тому назад беспечно и уверенно шагали, собираясь уничтожить евреев, а теперь окровавленные и изуродованные валялись в грязи, то не смогли удержаться от ликования. Одна девушка, ее звали Тамарой, так разволновалась, что кричала во весь голос:

— На этот раз они за все заплатят!

Несколько часов мы сдерживали напор немцев. Командир метался от одной позиции к другой. Вот где-то стихли выстрелы. Что случилось? Мгновение — и он оказывается там. Поторапливает, подбадривает, присылает бойцов и вооружение и сам начинает стре-

лять из своего ружья. Его выстрелы метки, ни одна пуля не пропадает даром. Вот наметилась серьезная опасность в другом месте: ребята устали, немцы приближаются и с победным кличем врываются в дом. Зхарьяху бежит, прыгает с ловкостью кошки, организует бойцов; с помощью гранат и бутылок с горючей жидкостью прорыв ликвидирован. Бой достигает кульминации. Немцы один за другим как подкошенные падают наземь.

Внезапно воцарилась тишина — немцы исчезли. Прибыл связной нашего сектора и сообщил, что неприятель отступил, оставив убитых на поле сражения. Мы потрясены и опьянены победой. Наши чувства невозможно передать словами. Бойцы обнимаются и целуются.

Что мы испытывали в тот час? Радость мщения или радость жизни, радость сознания, что все мы целы и невредимы?.. Уставшие после боя и бессонной ночи, мы расходимся — одни подкрепиться куском хлеба, другие утолить жажду. Но не успели мы еще отдышаться и прийти в себя, как раздался свисток командира: издали послышалось тарахтенье машин. Немцы возвращаются. Мы тотчас снова заняли свои позиции. На сей раз появились танки. Мы встретили их "бутылками Молотова" и гранатами. Когда загорелся первый танк, изверги отступили. Они не смогли одолеть нас. Мы сами с трудом понимали, как это случилось. То же самое происходило и в других группах, на других участках.

Вечер 19 апреля 1943 года, когда вспыхнуло восстание, пришелся на Пасху 5703 года (по еврейскому календарю). В тот день я побывала на позициях боевого отряда организации "Дрор" на улице Мила. Этим отрядом командовал Берл Бройдо. Улица Мила была центральной в Варшавском гетто. На ней расположились три группы бойцов. Отряд Берла был передовым. Он должен был, находясь в засаде, следить

за продвижением немцев, пропустить их и затем атаковать с тыла, а также задерживать подкрепления, которые придут на выручку врага. Мы предполагали, что тут будет эпицентр сражения, и, действительно, отряд Берла совершал чудеса. Он сдерживал немецкие войска, которые устремились на помощь передовой части, и приостановил их продвижение в гетто.

В первые три дня боев наши отряды были оторваны друг от друга. Мы не знали, что происходит у наших товарищей. Немецкая артиллерия, расположенная в арийской части города и возле стен, непрерывно обстреливала гетто, и не было никакой возможности переходить с улицы на улицу.

В третью ночь восстания, после предварительной разведки, я еще с двумя товарищами отправилась в отряд Берла Бройдо, чтобы выяснить, что там происходит. Под покровом темноты наша группка осторожно пробиралась вдоль домов. Мы перебежали через улицы и отыскивали тропинки среди развалин. Наконец мы достигли бункера. Сердце тревожно билось. Неужели прошло всего три дня с той ночи, когда я посетила это место в канун восстания? Снаружи — никаких признаков жизни. Я находилась в состоянии напряженного ожидания, и тишина вокруг казалась таинственной, чреватой неожиданностями. С дрожью в голосе я произнесла пароль. Внезапно открылся замаскированный вход и показался Берл. Он выскочил наружу и заключил меня в объятия. Его обычно серьезное лицо сияло от радости. Не успела я еще спросить, все ли живы-здоровы и как развиваются события, а меня уже окружили бойцы. Тут и моя подружка по киббуцу Кельце Нешка Цукер, и Аарон Райзбанд, старший в группе — ни на минуту ни в радости, ни в горе не перестает он по-отцовски заботиться о товарищах. А вот Мойшеле Шарфштейн, самый младший в отряде, самый проворный и самый веселый. Вот Нафтали Зимак и его сестра Лилька... Все тянутся ко мне, и глаза их светятся счастьем.

Только один наш боец погиб в сражении на улице Мила. А немцы понесли большие потери.

Кто-то включил радиоприемник (в свое время было решено, что он будет находиться здесь) — и бравая песня донеслась к нам сквозь толщу земли. Внезапно мелодия обрывается. Какая-то подпольная радиостанция сообщает, что в Варшавском гетто вспыхнуло восстание, и евреи сражаются с беспримерным в истории героизмом... А вокруг приемника сгрудились эти самые герои — "каких еще не знало человечество". Но они не чувствуют себя героями. Их поступки настолько естественны и необходимы, что, по их мнению, — гордиться-то нечем. Разве можно было действовать иначе?

В этом бункере все замечательно организовано. Существует даже нечто вроде полевого госпиталя, есть врач, сестры, лекарства и все, что нужно для оказания первой помощи. Позаботились и о том, чтобы всегда была горячая вода.

Уже несколько суток я не смыкала глаз и чувствовала, что скоро силы меня оставят. И сейчас я не могла позволить себе немного вздремнуть, так как должна была посетить еще несколько групп. Но ребята не дали мне уйти и приготовили для меня горячую ванну. Я вымылась и сразу посвежела. А в это время товарищи организовали в мою честь шикарный "кумзиц". Зарезали курицу (в этом бункере был и курятник), нашлось и спиртное, и весь бункер "кутил" и веселился. Мне поведали о событиях последних трех дней. Говорили все разом, перебивая друг друга. Ведь пришел "нездешний" человек, и можно излить все, что накопилось на душе за эти три дня.

Один рассказывает, как "бутылка Молотова" угодила немцу прямо в голову, и тот метался, пылая, как факел. Другой вспоминает, как брошенная им бутылка разбилась о танк, загорелся мотор, машину охватили языки пламени, повалил густой дым. Третий перечисляет оружие, которое он отобрал у немцев.

Как я уже сказала, отряд Берла все время вел тя-

желые бои с немцами. В конце концов немцы подожгли дом. Чтобы не сгореть живьем, ребята решили пробить себе путь сквозь вражеское окружение. Было несколько жертв, но все остальные прорвались в другие здания. Затем наши люди перешли к партизанским вылазкам, преимущественно по ночам, и многократно участвовали в стычках с немцами.

Боевой отряд Гутмана воевал в щеточных мастерских. В этом районе немцы создали обособленное гетто. Стены и заграждения из колючей проволоки обоих гетто — центрального и щеточных мастерских — были оцеплены немцами и их пособниками. Установить какую-либо связь между этими двумя гетто было невысказано, и тем, кто сражался в мастерских, пришлось действовать совершенно самостоятельно.

Отряд Гутмана охранял ключевую позицию неподалеку от ворот. Через эти ворота немцы должны были войти в гетто. Наши люди подложили под ворота мину, и когда немцы приблизились, взорвали ее. Первые ряды взлетели на воздух, а уцелевшие были настолько ошеломлены, что бросились бежать. Наши люди осыпали их градом пуль и забросали гранатами. На месте сражения остались десятки убитых немцев. Так была отбита первая атака.

Прошло два часа — и немцы вернулись с подкреплением. Предварительно они провели артиллерийский обстрел с арийской стороны. Огонь был сконцентрирован на здании, в котором мы укрепились. Затем в бой была брошена пехотная часть.

Отряд Гутмана два часа удерживал свои позиции под массированным огнем противника и не отступал. Другие отряды ждали немцев на своих позициях, так как не предполагали, что отряд, защищающий вход в гетто, сможет так долго устоять. Однако первоначальные планы были изменены в ходе сражения, и другие отряды поспешили на помощь отряду Гутмана. Совместными силами удалось снова отразить нападение и вытеснить немцев за пределы гетто.

Спустя некоторое время немцы снова возобновили атаку, бросив в бой свежие подкрепления. На этот раз им удалось вторгнуться в гетто и даже укрепиться там. Немцы попытались хитростью захватить наших товарищей. Внезапно возле дома появилась делегация немцев с белым флагом и принялась кричать о "перемирии" и "переговорах". Наши ответили ружейным залпом. Боец отряда Ципора Лерер в пылу сражения высунулась из окна и стала забрасывать немцев бутылками с горючей смесью. Увидев девушку, немцы были поражены. Послышались удивленные возгласы:

— Айне фрау кемфт! (Воюет женщина!)

В конце концов им удалось проникнуть в дом и добраться до чердака.

Во время боев мы перебирались по чердакам с одной улицы на другую. Мы пробивали проходы в стенах и таким образом пересекали, подчас, целые кварталы. Не раз случалось, что ночью в темноте наши бойцы сталкивались на чердаках с немцами, которым тоже удавалось туда пробраться. В одном из таких боев погиб бундовец Михаэль Клепфиш.

Наши товарищи продолжали борьбу, но немцы укрепились и теснили их к последним зданиям небольшого по площади гетто щеточных мастерских. Наши ребята оказались в западне. Немцы окружили их со всех сторон. Выхода не было. Тем не менее они не отчаивались. Первым ринулся в атаку Шлемек — Шломо Шустер, самый молодой в группе. Бросая гранаты и стреляя из револьвера, он врзался в гущу врагов. Бойцы воспользовались минутой замешательства в рядах противника и пробили себе дорогу через немецкую цепь в центральное гетто. Впоследствии они укрепились в бункере Авраама Гепнера.

Как я уже сказала, в первые дни боев у нас не было никакой связи с этими товарищами. Случилось так, что они оказались в нашем гетто, а мы об этом и не знали. И они тоже ничего не знали о том, что происходит у нас.

Однажды ночью группа наших разведчиков совер-

шала обход улиц. Издали они услышали чьи-то шаги. Полагая, что это немецкий патруль, наши люди заняли позиции и открыли огонь. Им также ответили огнем. Но во время перестрелки сквозь грохот боя кто-то из бойцов услышал знакомые голоса — ”и при вспышках выстрелов они узнали друг друга”*... Так была установлена связь между группой Берла Бройдо и группой Хануха Гутмана.

Не раз во время боев я встречалась с этим голубоглазым парнем — Шломо Шустером. Он был совсем еще молодым, но отличался исключительной находчивостью и храбростью. Однажды во время ночного патрулирования мы пытались осторожно нащупать немецкие посты и вдруг наткнулись на врага там, где и не думали. Внезапно раздался громкий окрик: ”Стой!” Шломо не растерялся, совершенно спокойно подошел к часовому на расстояние пистолетного выстрела и убил его наповал. Тут и я принялась стрелять, и немцы бежали.

Много рассказывали о всегда молчаливом Аврааме Эйгере, тоже из отряда Гутмана. От него самого за все эти дни мы слышали буквально считанные слова. Случилось так, что его группа была внезапно окружена, и ее положение казалось безвыходным. Ципора Лерер гранатами сумела расчистить путь к отступлению. Авраам Эйгер как всегда стрелял молча. Немецкая пуля ранила его в живот. Он крикнул товарищу, чтобы тот забрал его пистолет: оружие не должно попасть в руки врага. Авраам попытался выпрямиться, но не смог. Рухнув на колени, он сказал, обращаясь к подступавшим немцам:

— Бешеные собаки, вы заплатите за пролитую кровь!

Немцы стояли в растерянности, не решаясь пристрелить его. Он упал, обливаясь кровью. А тем временем остальные бойцы сумели прорвать окружение и скрыться.

* Из баллады Саула Черниховского ”В беде”.

БУНКЕР НА УЛИЦЕ МИЛА, 18

Когда я посетила бункер Берла Бройдо, мне стало известно, что все остальные отряды с улицы Мила, вместе с Мордехаем Анелевичем, оказались в разгар боев в бункере дома номер 18. И я направилась туда.

Хозяевами этого бункера были "чумпес" — варшавское "дно", в том числе и "знаменитые" воры. На достаточной глубине, под тремя большими зданиями, превращенными в сентябре 1939 года в развалины, они вырыли огромный бункер, просторный и благоустроенный. По обе стороны узкого длинного коридора шли многочисленные комнатки с электрическим освещением, колодцами и кранами. Была тут и кухня, имелись кровати и даже специальная комната для отдыха и игр. Здесь расположились уголовники из многих шаек.

Как царек в своей вотчине расхаживал по подземелью атаман этих шаек Шмуэль Ашер, он же Шмуэль Иссахар — человек атлетического сложения, широкоплечий и могучий. Здоровяк (в моем воображении он ассоциировался с образом Арье Баалгуф, "кулака" из повести Бялика), он был здесь правителем-самодержцем, которому все беспрекословно подчинялись. В его единоличном ведении были вопросы снабжения продовольствием, ночлега и выхода "на промысел".

Вначале у воров всего было вдоволь. Их "коллеги", орудовавшие на арийской стороне, поставляли им через канализационные тоннели свежий хлеб и водку. Люди, попавшие сюда случайно и жившие теперь с ворами под одним кровом, были им преданы,

как собаки, и готовы были идти за ними в огонь и в воду. Каждую ночь главарь посылал шайки своих людей за добычей. Он собственноручно делил пищу. Число его подданных все время росло. Каждый получал "по справедливости", особенно атаман старался, чтобы не были обделены малые дети. С тех пор как в этом бункере очутились боевые отряды и некоторые члены командования Еврейской боевой организации, сюда начали стекаться новые и новые бойцы. Бункер, рассчитанный на несколько десятков "чумпес", превратился в убежище для трехсот человек. Все комнаты были забиты людьми.

Когда мы впервые появились в бункере, "хозяин" встретил нас весьма приветливо. Он и его дружки относились к членам нашей боевой организации с искренним уважением. Атаман сказал нам:

— Все наше — ваше. И мы сами в вашем распоряжении. У нас достаточно сил, и руки наши умеют срывать замки. Мы умеем действовать по ночам, проходить сквозь стены, и все ходы и выходы в гетто нам знакомы. Вы скоро убедитесь, что мы сможем быть вам полезны.

И действительно, так оно и было. Они стали нашими проводниками, поскольку ориентировались ночью, как днем, и умело выслеживали немецкие патрули.

В последующие дни, когда почти все гетто было сожжено и разрушено, уже трудно было распознать направление бывших улиц. Но один весьма известный вор уверенно вел нас среди развалин. Ловкий и гибкий, как кошка, он ползал, карабкался по остовам зданий и скользил сквозь отверстия в стенах, проникал в подвалы и на чердаки и легко преодолевал целые улицы.

Вечерами, когда темнело, сам "хозяин" соизволял собственной персоной выбираться из убежища, чтобы изыскать новые источники продовольствия. Одевшись поприличней, в сверкающих сапогах (кто-то из его подданных начищал их до блеска), с двумя

пистолетами за поясом, он выползал наружу. Отверстие бункера было сделано с учетом могучего сложения атамана. Но со временем, когда он отоцал, оно оказалось слишком широким...

В этом бункере, когда я туда пришла, было 120 бойцов, в том числе несколько командиров. И тут наша встреча тоже была бурной и радостной. Но в отличие от остальных товарищей, опьяненных победой, Мордехай Анелевич казался печальным. Да, его мечта о вооруженном еврейском сопротивлении осуществилась. Но жажда мести еще не была утолена. А что дальше?

Командиры, оказавшиеся в этом бункере, собрались на совещание. Мордехай сообщил, что ему удалось наладить телефонную связь с арийской стороной. Кроме того, через "пинкертотцев" — могильщиков погребального братства, которым управляло варшавское семейство Пинкерт, — он получил письмо от Ицхака Цукермана. У "пинкертотцев" в первые дни боев еще был свободный доступ на кладбище возле улицы Генша. Немцы приказали им собирать трупы убитых евреев и хоронить их на этом кладбище, находившемся за пределами гетто.

В письме, которое мы с Мордехаем получили от Ицхака за два дня до восстания, он сообщал, что уже почти неделю находится в арийской части города, но найти квартиру и обзавестись сколько-нибудь надежными документами ему еще не удалось. Поэтому он вынужден скитаться по улицам Варшавы без документов и без крова. Нет сейчас на арийской стороне наших представителей: тяжело раненый Арье Вильнер, после того, как его удалось вырвать из когтей гестапо, лежит в гетто, Тося Альтман тоже вернулась в гетто, а Марек Фольман ушел в леса к партизанам. Группа наших связных, выдававших себя за поляков и действовавших на арийской стороне, фактически распалась после того, как была прервана связь с польским подпольем. Надо было начинать все

сначала. Ицхаку удалось завязать кой-какие связи с представителями Армии Крайовой и Армии Людовой. Но у него создалось впечатление, что планы, разработанные польским подпольем совместно с представителем Еврейской боевой организации Арье Вильнером об оказании активной помощи евреям в случае, если гетто будет атаковано немцами, — теперь всеми забыты. В соответствии с ними Армия Крайова должна была атаковать немцев со стороны улицы Мурановской, там, где проходят стены центрального гетто, а Армия Людова (этот план тщательно скрывался от Армии Крайовой) должна была атаковать немцев со стороны улицы Лешно, в том месте, куда выходят стены шопов Теббенса-Шульца. Теперь же выяснилось, что Армия Крайова отступилась от своего обещания, видимо, изменилось ее отношение к восстанию в гетто, а Армия Людова озабочена собственными проблемами и не располагает достаточными силами.

Кроме того, сообщал Ицхак, представитель Армии Крайовой, поверенный по еврейским делам, Вацлав (еще во времена подполья мы случайно узнали, что его настоящее имя Генрик Вольтинский) под строгим секретом рассказал ему, что некий Тененблат или Тененбойм, доверенное лицо деятеля юденрата Альфреда Штольцамана, передал связному Армии Крайовой сведения, порочащие Еврейскую боевую организацию: она, якобы, состоит из людей разложившихся, гонящихся за наживой, вымогателей, которые глумятся над обитателями гетто и без всякого на то основания называют себя повстанцами. Существует опасность, что кое-кто в Армии Крайовой захочет прислушаться к клеветническим наветам Альфреда Штольцамана. В своем письме Ицхак предложил немедленно арестовать Штольцамана и предать суду Еврейской боевой организации. Наконец, он писал, что собирается пробраться в гетто, чтобы в пасхальную ночь быть с нами.

Да, мы знали в каком трудном положении нахо-

дится Ицхак. С той минуты, как вспыхнуло восстание, он без усталости метался по арийской части города в поисках возможности оказать помощь гетто. Тяжело было у него на душе в эти суровые дни. Только сознание того, что он — единственный, кто отвечает за столь исключительно важное дело, как связь с польским подпольем и организацию помощи с арийской стороны, только это заставляло его оставаться там. Но как долго он выдержит по ту сторону стены, когда в гетто идет борьба, участвовать в которой он так мечтал?

Ицхак сообщал, что восстание весьма беспокоило поляков. Дело дошло до того, что Армия Крайова требует от него немедленно дать приказ бойцам оставить гетто! В ту пору Армия Крайова всячески старалась избегать серьезных столкновений с немцами. Она располагала значительными силами и большим количеством оружия, но предпочитала беречь людей и боеприпасы для будущих схваток: наступит день, когда станет реальной "красная опасность" — приближается советская армия. Руководство Армии Крайовой опасалось, что восстание в гетто может поднять массы поляков на вооруженную борьбу с немцами. Не такова, однако, писал Ицхак, позиция Армии Людовой. Она обещала прислать нам 28 винтовок, находившихся на ее тайных складах. Это оружие будет передано через могильщиков-"пинкертонцев". Получив его, мы сможем начать атаку на немцев, и тогда, возможно, Армия Людова поддержит нас и, координируя свои действия с нашими, станет нападать на немецкие патрули в одном из секторов стены, отделяющей гетто от арийской Варшавы.

Мы ждали обещанного оружия, но, увы, возникло непредвиденное затруднение. Немцы неожиданно запретили собирать трупы и перевозить их для захоронения на кладбище, расположенное за пределами гетто. Так оборвалась наша связь с арийской стороной.

Мне запомнилась одна история, которую я услышала от Ицхака уже после того, как вышла из горящего гетто. Вот она:

На второй день восстания связная Франя Беатус организовала Ицхаку встречу с нашим старым другом Иреной Адамович. Ирена предложила ему встретиться с одним из активистов Армии Крайовой, в прошлом — руководящим деятелем движения польских скаутов. Этот человек представился как "Гайдук". У Ицхака создалось впечатление, что он принадлежит к числу работников информационной службы Армии Крайовой.

Услышав от Ицхака подробности происходящего в гетто (боевая организация поддерживала с ним связь по тайному телефону из шопы Брауэра, находившегося в центральном гетто, а также через могильщиков), Гайдук предложил организовать встречу Ицхака со своим командиром. Эта встреча состоялась на завтра на одной из конспиративных квартир Армии Крайовой. Поляк представился как "гренадер Кароль". После того, как Ицхак передал Каролю то, о чем уже рассказал Гайдуку, добавив некоторые подробности, полученные за последние сутки, Кароль сказал решительно:

— У нас имеются достоверные сведения, что Еврейская боевая организация состоит из коммунистов, выполняющих волю Москвы. Надо немедленно прекратить повстанческие действия и вывести бойцов на арийскую сторону. Мы окажем помощь по эвакуации бойцов из гетто и переброске их в леса к партизанам.

Ицхак объяснил ему, кого в действительности представляет наша организация, скрыв лишь наличие четырех отрядов ППР (он назвал их "отрядами профсоюзов"), но это не помогло. Его просьба предоставить нам планы канализационной системы была отклонена. Кароль угрожал: если ваши люди не прекратят восстания, Армия Крайова будет действовать против еврейских бойцов.

Ответ Ицхака тоже был совершенно четким и недвусмысленным: восстание будет продолжаться до тех пор, пока повстанцы смогут устоять.

Через несколько недель после освобождения Варшавы, в январе 1945 года, мы встретились с Иреной Адамович. Она сообщила нам дополнительные сведения, полученные ею от Гайдука: со временем ему стало ясно, что гренадер Кароль изменил своему народу и Армии Крайовой и сделался немецким агентом. Будучи разоблаченным, он нашел себе убежище в доме своей любовницы, в каком-то местечке в окрестностях Варшавы. Гайдук стоял во главе группы, которая обнаружила предателя, и собственноручно казнил его. Он попросил Ирену: если она доживет до дня освобождения, пусть расскажет об этом Ицхаку и его товарищам. Сам Гайдук погиб во время польского восстания в Варшаве в августе или сентябре 1944 года.

Вернемся, однако, к тому, как развивались события в гетто. Изучив ситуацию, мы убедились, что немцы изменили тактику — они уже не вступали в гетто большими отрядами, а старались просочиться мелкими группами или поодиночке, а уж затем, сойдясь вместе, атаковали дома, пытаясь заставить евреев покинуть их — добровольно ни один человек не оставлял своего укрытия. И мы решили устраивать засады в домах, организовать особые летучие отряды и по итогам этих рейдов определять каждый вечер план действий на следующий день. Пока наша борьба будет носить оборонительный характер, но когда мы получим обещанные винтовки, мы атакуем немцев, чтобы воспрепятствовать их вторжению в гетто.

Мы изменили свою тактику, но и немцы тоже стали действовать по-иному. Вместо того, чтобы посылать в бой своих солдат, они принялись душить нас огнем. Этот дьявольский замысел им удался. Не прошло нескольких часов, как гетто запылало со всех сторон.

ПОСЛЕДНИЕ НА ПОСТУ

Враг поджег гетто, сначала — с воздуха, зажигательными бомбами, а затем — со всех четырех сторон. Немцы были уверены, что огонь пожарищ завершит уничтожение евреев, доделает то, чего не удалось добиться в открытом бою. Но вскоре им стало ясно, что не так просто ликвидировать наш народ.

В поисках новых убежищ евреи метались среди пожарищ и развалин. Огонь изгнал людей из укрытий и подземных бункеров. Кто-то сгорел живьем, кто-то задохнулся в дыму, но многие — мужчины, женщины и дети — выползли из чрева земли, нагруженные посудой, подушками, остатками продовольствия. Матери прижимали к груди младенцев, дети постарше тащились вслед за родителями. В их глазах были недоумение, тоска, боль и растерянность, эти глаза звали о помощи. Все двигались куда-то, ища укрытия за каждой стеной, в развалинах, которые уже не могли гореть, в тех немногих уголках, куда еще не добрались языки пламени. Кто в состоянии описать этот ужас, это отчаяние еврейской общины, мечущейся среди моря огня!

Гетто пылало. Днем и ночью бушевали пожары, огненные языки лизали и пожирали дома. Дом за домом, улица за улицей превращались в гигантские костры. Вздымались столбы дыма, искры летели в небо, озаренное зловещими багровыми зарницами.

А рядом, по ту сторону стены, шла обычная жизнь. Как вчера, как неделю назад. Жители столицы гуляли и развлекались, наблюдая днем и ночью за густыми клубами дыма и морем бушующего огня. Неподале-

ку от стены вертелись карусели, смеялись и резвились дети. Крестьянские девушки, приехавшие в Варшаву по своим делам, тоже приходили сюда, чтобы покататься на карусели. Они видели пламя и знали, что "горят евреи". Иногда порывы ветра приносили вместе с дымом и сажей искры. Случалось, что от летящих искр загорался дом по ту сторону стены. Но этот огонь сразу же гасили, а тут, в гетто, никто и не думал прийти на помощь. Все кругом пылало, но тушить было некому.

Горело Варшавское гетто, крупнейшее еврейское гетто в Европе, а внутри еще барахтались остатки общины — десятки тысяч людей бились в предсмертных судорогах. Несколько дней назад немцы решили окончательно ликвидировать гетто и всех уцелевших отправить в Трешлинку — как они уже отправили туда сотни тысяч евреев.

Я не забуду той ночи, когда гетто пылало, подожженное со всех сторон. Выбравшись из своего укрытия, я увидела, что вокруг светло, как днем. Это обилие света ошеломило меня. Вокруг — взрывы, пламя, грохот рушащихся зданий, треск лопающихся стекол, столбы дыма, вздымающегося к небу. Огонь расплывается, пожирает и губит все вокруг...

Это было в начале мая 1943 года. Там, на улицах, по ту сторону стены, уже началась весна, все дышало ею. А здесь, у нас, только огонь, ничего кроме огня. Группы евреев движутся, осторожно пробираясь с одного двора на другой, обходят горящие здания. Один флигель горит, но второго огонь еще не коснулся, и туда можно пробраться через проломы. Вначале мы продвигались по чердакам, ползли от пролома к пролому, и так удавалось миновать целые улицы, оставаясь незамеченными немцами. Они стоят по ту сторону стены и стреляют в каждого, кто пытается перейти улицу. Теперь уже пылают и чердаки. Мы продолжаем пробираться через проломы из подвала в подвал. Но вскоре нам придется выйти наружу и двигаться по улицам, по возможности обходя участки

огня. От жара пылают лица, воспаляются глаза. Удушающий дым, снопы искр вокруг, но мы упорно двигаемся вперед. Заметив людей, немцы тотчас открывают огонь.

Но и это был еще не конец.

Дом номер 7 по улице Мила находился на перекрестке. В ночь панического бегства от пожаров его двор наполнился людьми, искавшими спасения от огня. Это был большой старый двор, огонь еще не успел охватить его и проникнуть внутрь. И гражданское население, и отряды бойцов стекались сюда, чтобы отдышаться и передохнуть. Со всех сторон шли люди. Получилось так, что здесь собрались сотни бойцов. Большинство отрядов, оставивших свои позиции, очутились в этом дворе. Изнемогая от усталости, бойцы растянулись на земле. Всех терзает вопрос, на который ни у кого нет ответа: а что дальше? Вокруг стоят обитатели гетто. Люди не видят никакого выхода. Время от времени во двор втискиваются новые группы евреев со своим жалким скарбом, с ними дети и женщины. Они ищут убежища от огня и, наткнувшись на наших бойцов, несколько успокаиваются, держатся за нас, как за якорь спасения, и ждут, что мы скажем. Мы сгрудились в одном из уголков двора, люди протягивают к нам руки: "Тайеринке, вухин?" ("Дорогие, куда?").

Тут сотни бойцов, командиры, а вокруг тысячи евреев. Мы советуемся, не зная, что же предпринять. Все в растерянности и чувствуют себя одинаково беспомощными. Все наши планы рушатся. Мы мечтали о сражении лицом к лицу с врагом, о последнем бое. Мы знали, что исход его предрешен и судьба наша решена, но надеялись, что враг заплатит своей кровью за нашу гибель. Первая победа опьянила нас, и когда немцы бросились наутек, мы возликовали: не так просто им будет нас одолеть! Чтобы схватить евреев, им придется штурмом брать дом за домом, мы будем драться за каждое здание и прольем немало враже-

ской крови. Мы укрепились среди развалин и ждали врага. Но он отказался от такой войны, он решил избежать сражения лицом к лицу и издалека наслал на нас огонь и смерть. Этого мы не ждали.

Все наши планы оказались несостоятельными. Что же делать сейчас? Мы сидели, десятки бойцов, в ночной тьме, и наше оружие было при нас. Люди вокруг находились в состоянии крайнего напряжения. Какое сегодня число? Не первое ли мая? Ощущение нашей ответственности тяжким грузом ложилось на сердце и не давало покоя.

Слышится неясный гул голосов, шепот множества людей — они сидят плотной стеной, придвинувшись, будто прилепившись к нам, дрожат всем телом и терпеливо ждут спасительного слова своих защитников. А мы растеряны и бессильны. Что мы можем им сказать? Что мы можем сказать самим себе? Как страшно это ощущение ответственности последних еврейских бойцов, и как отчаянно наше положение. Нам не удастся долго продержаться здесь, в этом всепожирающем огне, без пищи, без воды, без оружия. Надо на что-то решаться...

Пока мы совещались, к нам подошел какой-то парень и сказал, что он знает выход на арийскую сторону через канализационную сеть. Люк находится поблизости от развалин, в которых можно найти временное убежище. Он уверял, что если мы пойдем организованно, большой группой, с оружием, то сможем пробить себе дорогу.

Мы колебались, взвешивали все за и против и, за неимением иного выхода, решили: пойдем! Сражаться мы больше не можем. Огонь настагает нас, мы все либо сгорим, либо задохнемся в дыму, либо попадем в руки врага. Но что будет там, на арийской стороне? Ведь и там, вероятнее всего, нас ждет гибель. Из огня да в полымя... Единицы, возможно, спасутся, кому-то, возможно, удастся выжить. Может быть, немцы схватят не всех разом. Но что будет с тысячами лю-

дей, которые готовы идти за нами, готовы на все, только бы не оставаться покинутыми?..

Мы колеблемся, медлим. И решаем для начала организовать пробную вылазку. Две девушки и два парня с арийской внешностью вместе с проводником пройдут канализационными каналами и проверят дорогу. Когда кто-нибудь из них вернется, мы решим, продолжать эти попытки или нет.

Пятеро отправились в путь, а все остальные застыли в напряженном ожидании. Люди считают часы и минуты до их возвращения. А во двор прибывают все новые группы евреев. Они спрашивают, шепчутся, прислушиваются к разговорам окружающих и тоже остаются ждать, готовые разделить судьбу своего народа.

Шумит и волнуется людское море. Слышится детский плач, вздохи ослабевших, стоны. С одной стороны языки огня, с другой — дымящиеся стены. Кто-то вытаскивает ломоть хлеба, и к нему тянутся десятки рук в надежде получить хотя бы несколько крошек.

Проходят часы. Все разговоры стихают. Народ томится в ожидании, изнемогает от голода, жаждет хоть какой-нибудь вести. Лишь вздохи время от времени прерывают тишину. Группа бойцов, растянувшихся на земле, вполголоса затягивает песню. Отчаяние витает в воздухе.

После полуночи возвращаются двое из наших посланцев — проводник и Товия Божиковский. По канализационному тоннелю они благополучно добрались до нужного люка. С трудом открыли его. Одна из девушек вскарабкалась наверх и высунула голову наружу. Улица была пустынна. Они выбрались из тоннеля — сначала две девушки, затем один парень — и исчезли. Вскоре их шаги стихли. Прошло несколько минут, Товия еще стоял у выхода, а внизу на железной лестнице ждал проводник, и тут по ним открыли огонь. Они успели спрыгнуть вниз и вернулись к нам. О судьбе тех, кто вышел раньше, им ничего не известно.

Позже мы узнали, что девушки были схвачены польской полицией, а парень убит на месте.

— Таково положение, — закончил Товия свой рассказ.

Воцарилась тишина. Что мы можем сказать друг другу, бойцам, евреям, которые сгрудились вокруг и с трепетом ждут решения? План массового выхода через канализационную сеть отпал. Не остается ничего другого, как затаиться внутри горящего гетто и искать убежища здесь.

Была проведена перекличка бойцов и дано указание отрядам укрыться в защищенных от огня бункерах и в развалинах сгоревших дотла домов.

То же самое мы предложили сделать всем евреям. Но люди не отходили от нас и многие примкнули к отрядам и пошли вместе с ними. В сердцах бойцов снова забрезжила надежда. Как у человека, повисшего над бездной и в последнюю минуту за что-то ухватившегося. Народ начал расходиться, выискивая себе убежища в бункерах и среди развалин. Многие, не найдя ничего подходящего, днем прятались в канализационном тоннеле, а ночью выходили наружу подышать воздухом.

А конец все не наступал. Дым пожарищ окутал гетто, но в глубинах земли, в бункерах, еще теплилась жизнь. Борьба еще не кончилась. По ночам развалины оживали.

Кромешная тьма царит в подземном царстве — центральном бункере Еврейской боевой организации на улице Мила, 18. Снаружи сейчас, наверно, ясный весенний день, но для тех, кто скрывается в бункере, день превращается в ночь, а ночью наступает день.

Если бы кто-нибудь прошелся в дневные часы по развалинам, он ни за что не поверил бы, что под рухнувшими стенами, под толщей битого кирпича, на глубине нескольких метров сидят, точнее, лежат сотни людей, сынов человеческих. Они двигаются, говорят, бодрствуют, спят, мечтают, а может быть, даже

верят в спасение. Развалины молчат, они немые. Ни единый луч света не проникает внутрь — в бункере нет смены дня и ночи. Только часы говорят о том, что там, снаружи, солнце уже зашло и опускается ночь.

А когда она наступает, и в большом городе, что за стенами гетто, воцаряется тишина и жители запираются в своих жилищах, оживают дымящиеся улицы гетто. Узники подземелий встают со своего ложа, расправляют затекшие члены и выползают наружу. Настроение людей сразу подымается: прожит еще один день.

Тоска по дневному свету не находит удовлетворения. Но можно немного подвигаться, подышать воздухом — пусть даже воздухом гетто, где еще шипят и тлеют развалины. Можно на некоторое время выйти из привычного оцепенения. И вскоре получить тарелку супа — единственную здесь пищу, которая выдается каждому.

И мы, бойцы, тоже не теряем времени. Многого надо успеть за ночь, многое еще надо сделать! Отдаются приказы, связные отправляются узнать, что творится в остальных отрядах, группы разведчиков и боевые отряды начинают действовать согласно указаниям командования. Может быть, еще удастся найти действующий телефон и связаться с товарищами на арийской стороне (до пожара мы разговаривали с ними каждую ночь, но в огне сгорели все телефоны). Нужно сообщить им о том, что тут у нас происходит, и узнать, что делается у них, а главное, просить во что бы то ни стало прислать оружие... Кто-то крадется вдоль стены к входу в тоннель — может быть, оттуда последует какой-либо сигнал, с той стороны, как это было обещано. Некоторые отправляются обшаривать покинутые бункеры — может, удастся найти там что-нибудь съестное или хотя бы окурочек. На улице уже варят суп в большом котле — можно не опасаться, что дым привлечет внимание немцев. Хлеба мы не

видели уже много дней. Да и откуда ему взяться у нас?

Еще совсем недавно мы направляли боевые группы в засады — подстергать немцев. Те уже не осмеливались входить в гетто большими отрядами, открыто, а старались проникнуть поодиночке, тайно, так, чтобы никто их не видел.

Днем наши парни занимали позиции в развалинах, взбирались на стены разрушенных домов и оттуда сквозь щели и проломы вели наблюдение. И ждали. Лежишь часами на своем наблюдательном пункте, вокруг напряженная тишина, весеннее небо над головой, майское солнце, такое нежное после зимних холодов, ласкает лицо. Хорошо было временами так лежать, ощущая в руке приятную тяжесть пистолета. Закрывать на минутку глаза и подумать о недоступном и чистом мире, не запятнанном убийствами, ненавистью и кровью, помечтать о далекой и столь дорогой твоему сердцу стране — одному лишь Богу известно, суждено ли тебе когда-нибудь увидеть ее. Ведь ты не знаешь даже, что случится с тобой сегодня и сподобишься ли ты завтра в этот же час дышать и думать...

Многие, очень многие из нас вызывались идти на эти дежурства — только бы избавиться от печальной необходимости лежать весь день в темном и душном бункере...

По соседству в развалинах движутся тени. Всю ночь они спуют там, евреи, выбравшиеся из-под земли подышать воздухом, встретиться с родными и друзьями, раздобыть какой-нибудь пищи и потолковать о будущем. Они собираются во дворах группками и шепчутся, склонившись друг к другу. Но с каждой ночью их становится все меньше и меньше. В сумерках можно заметить, как пустеют день ото дня дворы. Группки постепенно как бы тают. Еврейская община в гетто сокращается, редеет, сходит на нет.

Немцев по ночам не видно. Ночью они не осмеливаются здесь появляться. Когда светает, мы заползаем

под землю, в бункеры. Начинается наша ночь. Отряды и связные возвращаются с постов и боевых заданий. И тогда, при дневном свете, начинают снова немецкие патрули. Они ко всему принохиваются, как гончие, ищущие добычу: где же спрячутся эти проклятые евреи, последние из них? Пока хоть один еврей дышит затхлым воздухом бункера, эти выродки не могут успокоиться.

С утренней зарей в бункере начинается ночь. Полураздетые люди растягиваются на тряпье, чтобы немного подремать, но копошение в бункере не прекращается. Воздух удушающе спертый, тошнотворный. Люди тревожно ворочаются во сне, то и дело просыпаются.

В полдень бункер уже бодрствует. Электричество заливает помещение своим мертвенным светом. Люди продолжают лежать, но то там, то здесь, главным образом среди бойцов, заводятся беседы. Иногда и днем дают что-нибудь пожевать — какие-то сухие крошки (днем варить категорически запрещено), — немного усмирить голодный желудок.

Часы текут удивительно медленно, время стоит. Обитатели бункера продолжают лежать в ожидании ночи. Это ожидание мучает и подтачивает силы.

СРЕДИ РАЗВАЛИН

Гетто, отрезанное от всего мира, горело и истлевало. Его обитатели были обречены на голодную смерть и мучительную агонию. Уже несколько недель в гетто не видели хлеба, и только тарелка жидкого супа, который мы варили по ночам, еще поддерживала как-то существование день ото дня все более слабевших людей. По ночам, выходя на улицу, встречались обитатели разных бункеров и передавали друг другу новости. Рассказывали о тех бункерах, которые были обнаружены немцами. Кто-то, чудом спасшись, рассказывал теперь окружающим его людям ужасную историю, как эти изверги выследили бункер и охотились за его обитателями.

У немцев были свои способы нахождения бункеров. Иногда они прятались среди развалин и караулили всю ночь, стараясь ничем себя не выдать. Они прислушивались к разговорам, замечали, откуда люди выходят и куда они входят. Затем они приходили днем и врываются в бункер. Иногда они заставляли самих евреев открывать место нахождения бункера. Если им удавалось схватить кого-нибудь, они говорили: "Расскажи, где бункер, и мы сохраним тебе жизнь". У голодного, истощенного, превратившегося в собственную тень человека не хватало воли сопротивляться угрозам пыток, и он приводил немцев в бункер.

Каждую ночь евреев становится все меньше, они гибнут на глазах. Проходя по гетто, мы не раз натыкались на трупы, которые валялись во дворах, на перекрестках улиц, возле развалин. Никто не уби-

рал их. Мы уже знали, где они лежат, и, пробираясь в ночной тьме по гетто, старались не споткнуться о них. Там — обугленный труп женщины, здесь лежит целая семья, отец, мать и двое детей. Стаи ворон кружатся над трупами. Порой наш страх перед мертвецами был сильнее страха перед немцами.

Случалось, что бредешь среди развалин в полной тишине и вдруг слышишь стон. Тихий, тяжкий стон раскалывает тишину. Стараешься понять, откуда он исходит, и не можешь. Склоняешься над развалинами, ищешь, ощупываешь камни. Позвать, спросить нельзя. А человек умолкает, заслышав шаги.

Однажды мы наткнулись на женщину с грудным младенцем. Она была ранена и уже не могла двигаться. Ребенок погибал от истощения. Много дней у них не было маковой росинки во рту. Мы перенесли ее в соседний бункер и перевязали раны. Но, пожалуй, мы бы оказали ей большую милость, если бы пристрелили, положив конец ее страданиям.

Как-то мы увидели человека, который повис на верхнем этаже горящего дома, ухватившись за какую-то доску или кронштейн. В глазах у него застыл ужас. Спуститься вниз он не мог. Гонимый огнем, он взбежал наверх — и оказался в ловушке. Пришлось провозиться несколько часов, пока удалось спустить этого несчастного на землю.

Не раз евреи умоляли бойцов: сделайте Божескую милость — прикончите нас, пристрелите! И хотя мы видели, что страдания их невыносимы, но кто мог решиться на такой поступок! Много было и таких, что от голода и вечных страхов лишились рассудка, с ними мы тоже нередко сталкивались. Ужасно было все это видеть и чувствовать собственную беспомощность.

В один из таких дней я посетила бункер Авраама Гепнера. Увы, меня встретила зловещая тишина смерти. Бункер был пуст, ни души... Всех его обитателей, включая Гепнера, человека с исключительно отзыв-

чивым и горячим еврейским сердцем, постигла страшная участь большинства обитателей гетто.

Авраам Гепнер заслуживает того, чтобы рассказать о нем подробнее. До войны это был один из самых богатых и уважаемых евреев Варшавы. В гетто он возглавил отдел снабжения, созданный юденратом. С течением времени этот отдел освободился от опеки юденрата и стал фактически самостоятельной снабженческой организацией. Тут сосредотачивалось то скудное продовольствие, которое немцы поставляли для обитателей гетто. Эти мизерные количества продовольствия служили ширмой для многих других продуктов, которые доставлялись в гетто контрабандным путем.

Продовольствие стоило очень дорого, и это учреждение собрало значительный капитал. Были среди его работников такие, которые спекулировали продуктами, припрятывали часть их и разбогатели на разных махинациях. Гепнер вопреки всему старался придать этому отделу характер общественного учреждения, созданного для удовлетворения народных нужд и верного своему назначению, помогающего спасти массы от голодной смерти. Он заботился о детских домах для сирот, о народных кухнях, об общественных организациях и пользовался искренним уважением нашего халуцианского движения. Гепнер был кристально честным человеком и меньше всего думал о собственной выгоде. Свое весьма значительное состояние и даже личную одежду он раздал беднякам. Он ходил по улицам гетто и пытался накормить детей, бездомных, беспризорных и нищих, погибавших от голода. Он один из немногих людей его возраста и сословия обнаруживал глубокое понимание нужд еврейской молодежи и призывал к стойкости и сопротивлению. Еще в самом начале, когда только обсуждался вопрос о создании Еврейской боевой организации, он говорил:

— Я уже стар, но готов помочь всем, всем, чем только смогу. Действуйте!

Отдел снабжения подготовил для себя просторный бункер, где имелись большие запасы продовольствия. И когда вспыхнуло восстание, работники этого отдела вместе с Гепнером ушли в подполье. В конце апреля я посетила их бункер и встретила Гепнера. Он не жаловался ни на тесноту, ни на лишения, но мне было больно видеть его в таком положении. Он льнул к нам и дорожил нашей дружбой. В ту пору мы еще чувствовали себя победителями, и оружие, которым мы располагали, придавало нам значимость и в собственных глазах, и в глазах всех обитателей гетто.

В этом бункере вначале разместилось несколько отрядов, в том числе отряд Ханоха Гутмана. Однажды бункер неожиданно был атакован немцами — они пронюхали, что здесь находятся наши бойцы, и отрезали пути к отступлению.

Раздался приказ:

— Всем выйти!

Положение было отчаянное, но Ханох Гутман не растерялся. Двора Баран, девушка редкостной красоты и отваги, первой вышла к немцам. Ханох полагал, что солдаты не станут в нее стрелять. И действительно, немцы были поражены ее красотой и застыли на месте, а она тут же бросила в них гранату и обратила противника в бегство. Эти считанные секунды замешательства в рядах врага использовали наши бойцы. Они выскочили из бункера и заняли позиции на прилегающих улицах. Четверо наших парней пали в этом бою, Ханох Гутман был ранен, но и у немцев было несколько убитых. Но самое главное, что в результате удалось спасти большинство обитателей бункера. Среди погибших в тот день был и Авраам Эйгер. Тяжело раненый, он кричал своим друзьям:

— Жаль пистолета! Возьмите пистолет!

А немцам он крикнул:

— Вы заплатите за пролитую кровь!

Мы попытались найти другое убежище для наших товарищей, но, ничего не найдя, вынуждены были оставить их в этом бункере еще на один день. И это

нам дорого обошлось. Когда я на следующий день утром пришла, чтобы перевести их в другое место, мне рассказали, что немцы вернулись и снова атаковали бункер, забросав его гранатами, и десять наших товарищей, в том числе и Двора Баран, погибли. Раненого Ханоха Гутмана перенесли на носилках в бункер Зхарьяху Артштейна, там он находился до последнего дня и погиб вместе со всеми. Гутман был храбрым воином, замечательным командиром и товарищем. Он принадлежал к элите нашего движения, был в числе первых участников восстания. Между ним и его бойцами существовало полное взаимопонимание и исключительная слаженность действий.

Авраам Гепнер погиб вместе с остальными обитателями этого бункера. Войдя в убежище несколько дней спустя, мы не нашли здесь ни души. Но мешки с сахаром и другими продуктами остались, и ящики были полны. Среди вещей попадались драгоценности, которые, по-видимому, пытались припрятать работники отдела снабжения. Обитатели соседних бункеров приходили сюда по ночам, чтобы запастись продуктами и как-то продлить свое существование.

Беспокойство охватило также царька и повелителя "чумпес", он ходил разгневанный и мрачный. Продукты кончились, его "коллеги" на арийской стороне не могли пробраться в гетто, где все было сожжено и ничего нельзя было достать. Голод усиливался, становился все более мучительным. Отчаяние овладело сердцами. Вот всхлипывает ребенок: "Мама, кушать!". Соседи, обессиленно растянувшиеся на подстилках, боятся, что детский плач откроет врагам их убежище.

Бойцы тоже лежат на земле, погруженные в тревожные думы. Прошли уже три недели после начала сражения. По сути дела, оно уже закончилось. Воевать нечем и некому. Патроны кончаются. Голод преследует неотступно. Всех нас ожидает медленная и мучительная смерть. Что принесет завтрашний день?

Никто не знает. И вместе с тем сознание, что мы сделали все, что могли, выполнили все, что было на нас возложено, приносит некоторое удовлетворение. Собственно говоря, не так уж важно, что будет дальше. Конец близится, в этом нет никакого сомнения, но как и когда он наступит? Медленно ползут часы, люди то шепчутся, то дремлют. Разговор в двадцатый раз возвращается к недавнему прошлому. Бойцы оживляются. Не осталось ничего другого, как вспоминать о собственном геройстве, о последних боях, это подымает настроение.

Каждый рассказывает, как разворачивались события. Один за другим перебираются эпизоды боев, и снова все воодушевляются, вспоминая, как немцы падали, сраженные нашими пулями, как они удирали от нас. Они трусливы, у них заячи души, увидев издали еврейского бойца, они задают стрелкача. Но наши пули настигали бегущих...

А иногда мы принимаемся мечтать о далекой стране, которой нам уже не суждено увидеть, о наших киббуцах, вспоминать знакомых, посланцев из Эрец-Исраэль.

В комнате, где я лежу, шумно. Время от времени мы призываем друг друга к осторожности, но вскоре забываем об этом, и снова звучат голоса.

Вот к нам явился гость — Александр, он же Эдуард Фондаминский, представитель ППР в Еврейском национальном комитете. Инженер по профессии, он работал в другом квартале, в последнем шопе, откуда евреев увели на смерть. Он рассказывает, как ему в последнюю минуту удалось ускользнуть, спрятаться в развалинах и пробраться сюда. Мы слушаем его страшное повествование и в свою очередь рассказываем о том, что пережили за последние недели. Я читаю ему письмо Ицхака, написанное на иврите и посланное с арийской стороны, — о его попытках организовать нам помощь, попытках, которые пока не увенчались успехом. В связи с этим вспыхивает дискуссия об иврите и идише, о сионизме и коммунизме.

Увлеченные спором, мы забываем, где находимся, наши голоса звучат так громко, что сам "хозяин" прибегает, испуганный, в нашу комнату утихомирить нас — ведь так легко можно навлечь беду на весь бункер. А когда мы успокаиваемся, он, ухмыляясь, предлагает нам завершить эту дискуссию в скором будущем на том свете...

И мы возвращаемся к действительности. Что же делать? Мы не надеялись, что после нескольких недель сражений с нацистами останемся в живых и нам снова придется думать о будущем. Мы были уверены в скором конце, но пока нам дарована жизнь — хоть и мучительная и незавидная. Мы остались в живых, и велика наша ответственность не только по отношению к самим себе, но и по отношению ко всем этим людям, которые лежат вокруг и ждут приказа.

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА

Связь с арийской стороной прервалась окончательно. Недавно мы снова отправили несколько товарищей через тоннель, который случайно обнаружили, но о их судьбе ничего не известно.

Мы понимаем, с какими опасностями связана переправка людей на арийскую сторону. Человек, которому посчастливится благополучно выбраться из гетто, будет ходить по "арийским" улицам в постоянном страхе быть опознанным. Ему некуда пойти, негде укрыться. Приближается вечер, вскоре начнется комендантский час, когда запрещено показываться на улицах, но нет такого дома, который дал бы убежище преследуемому и гонимому еврею. Все ворота закрыты перед ним. Наши немногочисленные друзья среди поляков так и не смогли подготовить для нас конспиративные квартиры.

Спор становится все оживленнее, круг его участников расширяется. Поднимается Берл Бройдо и предлагает выйти днем с оружием в руках, неожиданно напасть на немецкий патруль у ворот гетто, смять его и выйти в леса. Ему возражают: ладно, положим, нам удастся смять немецкий патруль. Но как мы доберемся до леса по людным улицам Варшавы?..

Арье Вильнер пришел к выводу, что у нас нет другого выхода — мы должны отправлять группы товарищей на арийскую сторону по тем опасным путям, которыми пользовались ранее. Нам ничего не известно о судьбе ушедших товарищей, но никакой альтернативы нет, и если из десяти доберутся двое — тоже

хорошо. Это лучше, чем оставаться здесь и умирать медленной смертью.

Да, тяжело принять решение.

Можно возражать против всех этих предложений, но трудно найти что-либо более приемлемое. И Мордехай Анелевич, который чувствует всю тяжесть возложенной на него ответственности, взвешивает каждое предложение, однако, говоря откровенно, не знает, как действовать. Но вот возвращается Товия Божиковский и рассказывает, что несколько дней назад он посетил бункер на Францишканской улице, 22, там ему сообщили, что им известен прямой и удобный подход к канализационным тоннелям. Мы знаем, что недостаточно проникнуть в них — надо знать, в каком направлении двигаться и где выходить. Длинна и запутанна канализационная сеть. Многие евреи уже пытались спастись таким образом, дни и ночи блуждали под землей, но так и не смогли найти выхода, заблудились и погибли от голода, жажды и ужаса.

— Но, — добавляет Товия, — в том бункере есть человек, который знает дорогу.

И все же мы продолжаем сомневаться — ведь не найден ответ на главный вопрос: как будут ходить евреи по арийским улицам и где они соберутся. Спор продолжается. В конце концов за неимением другого выхода принимается решение послать группу из десяти товарищей, которая должна пройти через канализационный тоннель в арийскую часть Варшавы.

Группа должна выйти ночью и найти укрытие в развалинах разрушенных домов. Товарищи с арийской внешностью пойдут искать наших друзей и все вместе решат, как действовать дальше.

Эти планы пока нельзя назвать окончательными — ведь еще неизвестно, согласится ли тот еврей быть нашим проводником в лабиринте канализационных каналов. Во всяком случае, решено тронуться в путь, и мне поручено идти с группой товарищей в бункер на Францишканской улице, вести переговоры

с проводником и попытаться выйти в арийскую часть города.

Последние приготовления. Одеваемся, берем личное оружие — и расстаемся. На сердце тревожно — увидимся ли когда-нибудь? Но внешне все спокойны, улыбаются, даже шутят. Последние прощальные рукопожатия, сильные и нежные. Рука ложится на пистолет. Выходим.

Ползем к узкому выходу из бункера, прикрытому камнями. Извиваемся по-змеиному, иначе не продвинуться вперед. Забываем, что сейчас ночь, всем почему-то кажется, что скоро, как только выползем наружу, увидим дневной свет. Мы очень тоскуем по свету после многих недель сплошной ночи. Но и снаружи нас окружает тьма. В легкие проникает воздух, смешанный с дымом и сажей, мы дышим жадно, широко открыв рот. Шепотом спрашиваем дозорных: нет ли поблизости немцев? Нам отвечают: слева стреляют, справа — тихо, можете идти.

Мы осторожно двигаемся. Ноги наши обернуты тряпками, чтобы приглушить шум шагов. Не раз мы застываем на месте, когда под ногами со звоном трескается стекло. Мы пробираемся по развалинам, но знаем, что там, внизу, еще тлеют последние искры еврейской жизни.

Кругом развалины. Скелеты обгоревших домов, груды руин. Там и тут тьму прорезают огни догорающих зданий. Каждый раз, выходя наружу, мы с трудом узнаем свое гетто, так быстро здесь все меняется.

Тишина, безмолвие. Лишь иногда порыв ветра с силой ударяет оконной рамой по еще не рухнувшей стене. Железные прутья, остов сгоревшего ларька, скрежещут, скрипят.

Мы никогда не придерживаемся улиц. Там, по ту сторону стены, сидят в засаде немецкие патрули, они наблюдают за тем, что происходит в гетто. Поэтому мы петляем тропками, проложенными через руины. Мы очень осторожны, стараемся двигаться бесшумно,

палец лежит на курке пистолета. Только вчера наша разведгруппа была неожиданно атакована немцами, которые бросились на нее из засады. Наши товарищи ответили огнем и убили несколько немцев, но и двое наших получили смертельные раны.

По дороге, во дворах, мы изредка встречаем людей — тени людей. Увидев еврейских парней с оружием в руках, они сразу оживляются. И у всех — один вопрос на устах:

— Вос тут мен? (Что нам делать?) Запасы кончились, все сгорело.

Затем они рассказывают шепотом, что сегодня немцы обнаружили неподалеку бункер, и евреи — простые евреи, вовсе не бойцы — защищались с оружием в руках до последней минуты. Мы чувствуем, что они завидуют нам. Они почему-то уверены, что мы счастливики, в их сердцах живет убежденность, что мы знаем путь к спасению. Они и не подозревают, до чего мы беспомощны. Сознание собственного бессилия, невозможности прийти на помощь этим людям, убивает нас. Мы произносим несколько слов утешения, пытаемся подбодрить их — и продолжаем путь. Приближаясь к стене, мы движемся ползком — немецкие патрули рядом. Бегом пересекаем улицу и снова скрываемся в развалинах.

По дороге мы заглядываем в бункеры наших боевых отрядов, чтобы передать им указания командования. Я называю пароль — у входа дежурят бойцы, и вхожу в бункер к Зхарьяху Артштейну. Радостная встреча. Во время первого восстания я была в его отряде. Я хорошо знакома также с хозяином бункера.

Я вспоминаю, что после первого дня боев мы оказались во дворе дома 33 по улице Налевки. Мы устали, были измучены, голодны, страдали от жажды. И вдруг появился парень, с которым я случайно познакомилась несколькими днями раньше, — он приходил к нам продавать оружие. Это был сердечный человек, в прошлом коммунист. Он пригласил нас

войти в бункер. Не часто случалось, чтобы человек по доброй воле и по собственной инициативе приглашал кого-то зайти в свой бункер, где и без того тесно. В бункере было полно народу, наш знакомый всем распорядился, и все ему подчинялись.

Никогда не забуду, как нас встретили в этом бункере. Здесь царил атмосфера сердечного братства. Мы были голодны, очень устали после сражения, заблудились и не знали, где сумеем найти убежище. Парень заметил, в каком мы состоянии, и чтобы приободрить, угостил каждого стопкой водки, которую берег для ослабевших и больных, а затем дал нам немного еды. Я видела, что он делит пищу, как заботливый отец, и не берет себе даже лишней крошки. И как было приятно сознавать, что у нас есть еще "тыл", что есть еще в гетто места, где бьется горячее еврейское сердце.

Во время одного из первых боев мы однажды наткнулись вблизи этого бункера на трех убитых немцев. Мы были удивлены — кто мог их прикончить? Впоследствии этот парень рассказал нам, что в тот день, когда началось сражение, они находились в своем бункере и чутко прислушивались ко всему, что происходит снаружи. Выбрав удобный момент, их парни выползли, открыли по немцам огонь с тыла и скрылись.

Радостная встреча с друзьями в бункере. Рассказы о новостях с фронта, о том, что удалось поймать по радио. И в заключение — вечный вопрос: нанесен ли уже, наконец, немцам последний, решительный удар, а если нет, то когда же? Когда?..

Мы заглянули также в бункер "пинкертовцев". Это были, как уже упоминалось, служащие погребального братства, которое возглавляло семейство Пинкерт. Немцы "пощадили" могильщиков, им требовались люди, которые будут убирать трупы, и поэтому "пинкертовцев" временно оставили в живых. Еврейское кладбище находилось за пределами гетто, и в первые дни восстания с помощью могиль-

щиков мы поддерживали связь с арийской стороной. Но вот прошло уже много дней с тех пор, как могильщики ушли и не вернулись, и никто не знает, что с ними случилось. Мы ждали партию оружия и обещанной помощи — но не получили ни того, ни другого. Каждую ночь мы заходим в этот бункер, но безрезультатно. И сегодня тоже ничего нового.

Этот бункер был построен "с размахом", в нем имелись большие запасы продовольствия, доставленного с арийской стороны. И те из нас, кому выпадало заходить сюда, получали ломоть хлеба, вкус которого мы уже давно позабыли. Жуя этот хлеб, мы чувствовали прилив новых сил.

В конце концов мы добрались и до бункера на Францишканской, 22. И здесь нас ждала дружеская встреча. Тут было очень тесно. Вскоре после того, как вспыхнуло восстание, этот бункер был обнаружен немцами, и многих вывели отсюда на смерть. Дело было так.

Какой-то еврей, который еще продолжал работать на одном из немецких предприятий, привел немцев к бункеру. Ему сказали, что он может забрать свою семью, и он поверил убийцам. Ему действительно позволили увести с собой домочадцев, но спустя несколько часов бункер был окружен немецкими солдатами. Только благодаря имевшемуся выходу в канализационный тоннель часть евреев спаслась — примерно половина обитателей бункера. Всего в бункере скрывалось несколько сотен евреев. Те, что вошли в тоннель, стали недосыгаемы для немцев. Фашисты и не подозревали, что многим евреям удалось спрятаться. Когда они удалились, евреи вернулись и оборудовали в том же бункере другое убежище. Наглухо замуравовав прежние входы и сократив размеры бункера, евреи снова стали жить там, положившись на судьбу: немцы сюда вряд ли вернуться, ведь они уверены, что захватили всех жителей этого бункера.

Мы рассказали друзьям новости большого мира — здесь не было радиоприемника. В результате переговоров с руководителями бункера и с тем парнем, который знал план канализационной сети, было решено этой же ночью отправиться в путь. Парень согласился сопровождать нас, показать одному из наших товарищей дорогу и затем вернуться в гетто. Он поставил лишь одно условие — со второй группой и он выйдет на арийскую сторону.

Последние приготовления. Уходящие получают на дорогу скромный паек. В сумке у каждого кусочек сахара, горсть крошек из высушенного теста. Кто знает, где они окажутся и когда удастся раздобыть какую-нибудь пищу. Последняя беседа с людьми, отправляющимися в путь. Последние указания, как вести себя в тоннеле. Обсуждаем план выхода наружу. Выход из тоннеля находится на улице Беланской, неподалеку от развалин, оставшихся от бомбежек 1939 года. В этих развалинах следует устроить первое убежище. Если, выходя из тоннеля, ребята наткнутся на немецкий патруль, они должны открыть огонь и прорваться к развалинам.

Аарон Брускин из ППР, которого мы зовем Павлом, и Хела Шипер, активистка движения "Акива", имеющие арийскую внешность, вышли рано утром к нашим друзьям по ту сторону стены, и мы долго зубрили с ними адрес и номер телефона нашей связной Франи Беатус. Остальные будут ждать их возвращения.

В конце концов договариваемся, что завтра-послезавтра выйдет в путь вторая группа. В 9 вечера они придут к выходу из канала и будут ждать сигнала — трех последовательных ударов. Это будет означать, что первая группа прибыла благополучно и можно выходить. Выход из канала находится посреди улицы, у всех на виду, опасность очень велика.

Минуты расставания. Кто знает, придется ли еще когда-нибудь увидеться? С трудом сдерживаем волнение, сердце щемит. Многие хочется сказать ухо-

дящим. Кто из нас останется в живых и сподобится ступить на Землю обетованную? Но пора прощаться. Торопливые слова расставания, крепкие рукопожатия. Один за другим прыгают товарищи с земляного пола бункера в канал. Слышны всплески воды. Мы все сгрудились, затаив дыхание, у отверстия. Уходящие взяли с собой свечи, чтобы освещать темень канала. Они уже исчезли... Сердцем улавливаем последние удаляющиеся шаги.

Спустя два с половиной часа двое парней вернулись вместе с проводником. Они рассказали, что благополучно достигли выхода и затаились, прислушиваясь к звукам улицы. Было очень тихо. Тогда они приподняли крышку, один за другим поднялись по лестнице и вышли наружу. Вдохнули полной грудью свежий воздух "арийской" улицы, погруженной в глубокий сон. Несколько мгновений остающиеся провожали глазами уходящих. Немцев поблизости не было. Но когда вернулись в тоннель и опустили крышку, внезапно услышали выстрелы. Неизвестно, по кому стреляли, по нашим или нет, но на сердце у всех троих стало беспокойно. Выстрелы были хорошо слышны.

Ночь на исходе. Вскоре начнет светать. Мы хотим выйти, вернуться к себе и рассказать о предпринятой попытке. Но нас убеждают остаться. Ведь скоро будет светло, а днем нельзя ходить по улицам. Мы не хотим терять целый день, но усталость сказывается, тело требует отдыха, да и Марек Эдельман, командир этого бункера, уговаривает остаться. Ночью он сам проводит нас. А заря уже занимается, сейчас никуда нельзя двигаться.

Весь этот день мы провели в бункере.

Не раз в течение дня мы слышали над головой шаги и были уверены, что это немцы, обнаружившие под землей признаки жизни. Было решено, что если нас атакуют, то мы, бойцы, дадим им бой, а гражданское население должно укрыться в канализационной сети.

Наши часовые тревожно доносят:

— Они приближаются!

Все спешат к входу в тоннель. Паника. Вой, плач, ужас. Приходится устанавливать тишину, угрожая оружием. Нервы напряжены. Страх перед немцами сильнее страха смерти.

Но в тот день ничего не произошло. Немцы не пришли. По-видимому, они прочесывали местность, что-то учуяли и у них появились какие-то подозрения. Но вторгнуться в бункер они пока не пробовали.

КАК ОБОРВАЛАСЬ ЖИЗНЬ ХРАБРЕЙШИХ

Начало смеркаться, когда мы с Хаимом Фримером (из организации "Акива") вышли из бункера в сопровождении Марека Эдельмана. Так как Марек был беспечным "удальцом", пренебрегавшим правилами предосторожности, он решил захватить с собой свечу. Вообще-то зажигать огонь в пути категорически запрещалось: свеча может навлечь беду. Но и без нее худо, можно сбиться с дороги.

Мы осторожно продвигались среди развалин. Подул ветерок, и свеча погасла. Мы застряли среди разрушенных зданий и не знали, как и куда идти. Начали карабкаться по развалинам, и вдруг я споткнулась и полетела в провал, зияющий между двумя стенами. Я знала, что кричать запрещено. Первая мысль, промелькнувшая в голове, — где пистолет? Товарищи испугались еще больше моего, поскольку не знали, что со мной случилось. С великим трудом я выбралась из ямы, в которую угодила, и хромя, вся исцарапанная, продолжала путь.

Мы приближались к дому на улице Мила, 18. Здесь находился главный бункер Еврейской боевой организации. Настроение наше улучшилось, и мы даже решили разыграть товарищей, как только появимся в бункере. Но как я была поражена, когда подошла ближе и увидела, что все здесь не так, как было. Я попросту не узнала этого места, мне показалось, что мы заблудились. Все изменилось. В развалинах проломы, нет часовых, да и сам вход исчез. Что произошло? Сердце тревожно сжалось. Я еще старалась успокоить себя — может быть, обитатели бункера решили лучше

укрепиться, лучше замаскировать вход и сами завалили его камнями. Но ведь у этого бункера шесть выходов. Мы идем ко второму, третьему, четвертому — и они исчезли бесследно, и здесь нет часовых. Сердце сжимается в предчувствии беды. Кто-то из нас произносит пароль — авось, часовые прячутся и кто-нибудь откликнется. Но ответа не последовало.

Мы бродили вокруг, уже уверенные, что произошло страшное несчастье.

Вдруг мы заметили в соседнем дворе какое-то движение. Тени, силуэты людей. Сначала нам показалось, что это группы наших бойцов, вышедших, как обычно, ночью наверх. Обрадованные, мы подходим ближе и узнаем наших товарищей — но в каком ужасном виде! Все перепачканы в крови и в грязи, ослабевшие, дрожащие — не люди, а призраки. Страшное зрелище. Кто-то лежит без сознания, кто-то с трудом дышит. Йехуда Венгровер из "Хашомер хацаир" хрипит, задыхаясь, Тося Альтман ранена в голову и в ногу. Нас окружают жалкие, искалеченные люди и с волнением рассказывают о том, что произошло, как обрушилась смерть на бункер еврейских бойцов по улице Мила, 18, и почему лишь немногим удалось спастись.

Тут же мы встретили еще трех наших товарищей, которые позавчера вместе с нами вышли из бункера, — они были направлены на арийскую сторону и лишь сейчас вернулись. Это были Товия Божиковский, Мордехай Гровас — командир одного из отрядов "Хашомер хацаир", которого все звали Мердек, и Исраэль Канал. Они тоже искали способа выбраться на арийскую сторону и, так же как мы, где-то застряли и не смогли вернуться вовремя. Эта группа наткнулась на немецкий патруль, вступила с ним в перестрелку, сумела уйти без потерь и весь день пряталась в развалинах, ежеминутно ожидая нападения. Они вернулись сюда незадолго до нас и уже знали о той трагедии, которая разыгралась в бункере на улице Мила, 18.

Вот что нам поведали уцелевшие:

В полдень, когда все еще лежали, полураздетые, на своих подстилках, часовые сообщили, что поблизости бродят немецкие патрули и уже слышны их шаги. В таких случаях еврейские бойцы прибегали к одному из двух методов обороны. Первый заключался в следующем. Так как немцы обычно прежде, чем предпринять какие-либо действия, призывают евреев выйти из бункера, наши бойцы выходят, припрятав оружие, и тут же открывают огонь. Воспользовавшись замешательством противника, остальные разбегаются. Часть бойцов гибнет, но кому-то удается спастись.

Второй метод заключался в том, чтобы не откликаться на призывы немцев, а когда они попытаются проникнуть в бункер, — встретить их огнем. В течение дня удается удерживать позиции, так как немцы не рискуют входить в бункер, а ночью можно найти другое убежище. Мы, правда, знали, что немцы начали пользоваться отравляющими газами, но не придавали этому значения. Кто-то сказал, что если погрузить лицо в воду, то газы не проникают в организм. В данном случае было решено не отвечать на призывы немцев.

Когда немцы подошли к бункеру и начали кричать "выходите наружу!", вышли, сдавшись на милость врага, только мирные граждане и "чумпес". Из бойцов не вышел никто. Немцы продолжали кричать, уверяя, что тот, кто сдастся, будет направлен на работу, но тот, кто откажется, — будет расстрелян на месте. Тем временем наши товарищи заняли позиции у входа и ждали с оружием в руках появления немцев. Немцы снова и снова повторяли, что тот, кто сдастся добровольно, не будет убит, но никто не вышел. Солдаты не осмелились войти в бункер и направили внутрь струю отравляющих газов. Бойцы стали задыхаться.

Таков был страшный конец ста двадцати храбрейших защитников гетто. Немцы обрекли их на медленную и мучительную смерть. Вначале они пустили небольшое количество газа, чтобы подавить дух сопро-

тивления, сломить волю бойцов. Арье Вильнер воскликнул:

— Давайте покончим с собой, чтобы не попасть им в лапы живьем!

Началось коллективное самоубийство. Со всех сторон раздавались выстрелы — еврейские бойцы лишали себя жизни. Случалось, что пистолет давал осечку, и тогда его несчастный владелец умолял товарищей пристрелить его, но никто не осмеливался убить друга. Берл Бройдо, недавно раненый в руку, не мог держать пистолет и попросил товарищей пристрелить его.

Мордехай Анелевич, веривший, что вода уменьшает силу воздействия газов, предложил испробовать это средство. Вдруг кто-то сообщил, что найден выход, где нет немцев. Но лишь немногие успели выбраться наружу, остальные настолько ослабели от действия газов, что не в состоянии были двигаться и погибали от мучительного удушья.

Одним из бойцов этого бункера был Лютек Ротблат из активистов "Акивы". Вместе с ним находилась его мать, Мария. Она заведовала в гетто сиротским домом. Во время большой акции ей удалось спасти многих из своих воспитанников, и после окончания акции она снова организовала приют для сирот в одном из оставленных домов. Какова была в дальнейшем участь ее питомцев, я не знаю, но сейчас она находилась рядом с сыном. Когда немцы атаковали бункер, она попросила сына застрелить ее. Четыре пули вошли в ее тело, но она еще была жива и билась, истекая кровью. Пятой пулей сын застрелился сам.

Так оборвалась жизнь храбрейших защитников еврейской Варшавы. Среди погибших еврейских воинов был и Мордехай Анелевич, бесстрашный командир, красивый, обаятельный парень, которого все так любили. Даже в самые тяжелые минуты его лицо светилось улыбкой.

Немногие спаслись из этого ада. Среди них были раненые, пытавшиеся покончить с собой, и отравив-

шиеся газами. Большинство с трудом дышало. В очень тяжелом состоянии были Менахем Бигельман из "Дрора" и Иехуда Венгровер из "Хашомер хацаир".

Это было страшное зрелище, заставившее нас содрогнуться. Мы ждали конца, знали, что он близок и неизбежен, и все же вид этих несчастных и их рассказ поверг нас в отчаяние. Скорбь по погибшим сливалась в сердце с болью за раненых и умирающих. Хотелось только одного — чтобы эта ужасная агония скорее кончилась.

Как одержимые метались мы вокруг бункера и, сдирая себе ногти, пытались сдвинуть тяжелые камни, разобрать завалы, преграждавшие вход в бункер. Может быть, удастся проникнуть туда и добраться до наших товарищей. Может, удастся хотя бы забрать оружие... Но немцы взорвали бункер, и проникнуть внутрь оказалось невозможно.

С ощущением горькой потери самых близких людей и собственного сиротства, мы, горсточка уцелевших, покинули это страшное место и пошли искать убежище для раненых и больных. Следовало подумать о завтрашнем дне. Губы шептали слова прощания. Мы оставляли здесь наших погибших товарищей — верных друзей и мужественных бойцов. Тут были погребены последние наши надежды. Мы чувствовали, что уходим отсюда совершенно опустошенными. Все осталось здесь, под этими развалинами.

Мы шли, погруженные в отчаяние, живые мощи, тени людей, призраки. Медленно и молча двигалась наша небольшая группа.

По дороге мы свернули к бункеру отряда Зхарьяху и рассказали о том, что произошло. Заодно я сообщила, что отныне наш командный пункт будет находиться на Францишканской улице, 22. Темпераментный, горячий Зхарьяху вспыхнул и перебил меня:

— Чего мы ждем? Чего еще ждать? Выйдем открыто, среди бела дня, атакуем немцев на главной улице.

Будем стрелять, погибнем в бою, но доведем свое дело до конца!

Это была наша последняя встреча с Захариашем. В гетто его знали все. Когда он ночью шел во главе своего отряда, многие шептали с уважением и любовью: Захариаш, Захариаш! Это он доставил нам первое ружье во время январского восстания.

Прошло несколько месяцев после того, как немцы сообщили о подавлении восстания. Я к тому времени была уже на арийской стороне Варшавы. Внезапно мы получили потрясающее известие от польских подпольщиков.

На развалинах гетто немцы создали концлагерь, в котором содержались евреи из Греции, Чехии и других стран. Они должны были разбирать развалины и собирать кирпичи, железо, медь и другие материалы, которые сохранились после пожаров. Кроме них, в гетто работал отряд вольнонаемных поляков, получавших заработную плату. Поляки выходили на работу в сопровождении нескольких немцев, а вечером возвращались к себе домой. Немцы не докучали этим полякам, и они нашли здесь для себя удобное место, то и дело устраивая "перекуры", проводя время в разговорах и стремясь лишь к одному — чтобы этой работы хватило до конца войны и их не отправили куда-нибудь на фронт. Среди них были люди, связанные с подпольем.

И вот однажды осенью, когда группа рабочих села обедать, из соседних развалин вдруг вышли несколько изможденных обросших мужчин в лохмотьях. Это были последние повстанцы Варшавского гетто. Они просили у поляков помощи — у них не было ни еды, ни оружия, и, главное, они не знали, как выбраться из гетто. От имени повстанцев говорил, по словам поляков, высокий мужчина с горящими глазами. Польские подпольщики, передавшие нам эту весть, сообщили еще несколько примет этого человека, и мы решили, что речь идет о нашем Захариаше.

Мы сразу же организовали продуктовую передачу, присоединив к ней записку. Мы писали, что они могут доверять поляку, который передаст эту посылку, назначить время встречи где-нибудь возле стен гетто — наши люди будут их ждать и попытаются спасти.

Передача была доставлена в разрушенное гетто, но повстанцы больше не появились. Наше послание так и осталось лежать в кармане у поляка. Прошло несколько дней — и угасла последняя надежда увидеть их живыми.

Наконец, вместе с немногими уцелевшими, мы добрались до бункера на Францишканской, 22. Отчаяние овладело всеми. Мы опустились на землю и лежали неподвижно. Воля к сопротивлению была парализована, руки окаменели. Мы даже не перевязали раненых и не притронулись к предложенной нам тарелке супа. Мрак в душе и мрак снаружи.

В девять вечера наши товарищи должны были ждать сигнала у выхода из канализационного тоннеля — так было договорено с теми, что ушли вчера. Но никто не пошел туда.

И все-таки чувство ответственности за живых подняло нас на ноги — вопреки всему. Решено послать еще одну группу через тоннель, но никто не хочет идти: "Все останемся здесь, и все вместе встретим конец!" Отчаяние охватило сердца, оно словно повисло в воздухе. Мы чувствуем, что сегодня немцы придут и сюда.

Отдается приказ группе товарищей — встать и отправиться в путь. Парни привыкли подчиняться команде, и группа готова идти. С ними те двое, что вернулись вчера, чтобы указать дорогу.

Когда мы начали прощаться, окаменевшие сердца не выдержали, и из глаз хлынули слезы, хотя мы стыдились плакать. Тяжело расставаться. Каждый думает: что я завещаю своим друзьям, близким, всем людям, будущим поколениям, товарищам, живущим там, в Стране? Все в один голос говорят: пусть знают о нашей

борьбе, о нашем одиночестве, о нашей стойкости. Расскажите им! Пусть знают!

Ушли. В бункере воцарилась тишина. И сразу будто что-то изменилось. Снова пробуждается воля к жизни. Мы начинаем ухаживать за пострадавшими, перевязываем их раны. Хотим вскипятить немного воды, но не знаем, как это сделать. Случайно обнаруживаем бутылку со спиртом. Выливаем спирт на тарелку и поджигаем. Держим чайник над огнем, но спирта оказывается недостаточно для того, чтобы вскипятить воду. И все же люди немного согрелись и утолили жажду.

Уставшие, разбитые, мы ложимся, каждый в своем уголке, но наши счеты с жизнью еще не закончены, и всякие мысли не дают покоя...

Я ворочаюсь на своем ложе — несмотря на страшную усталость, трудно заснуть после всех потрясений этого дня.

Ведь мое место в бункере на улице Мила, 18, рядом с моими товарищами! Я должна была испить эту чашу до дна вместе с ними, лучшими из наших парней и девушек. Слепая судьба разлучила меня с ними...

Наконец я все-таки задремываю. Какие-то тревожные видения являются во сне, и вдруг я чувствую, что кто-то стоит рядом. Открываю глаза и вижу двух наших парней-проводников, которым было поручено вывести группу через канализационный тоннель. В первые секунды я ничего не могу понять. Что они здесь делают? Мне кажется, что я продолжаю дремать и это просто несуразный, дурной сон. Но тут же является страшная мысль: вероятно, в пути приключилась беда, и лишь этим двоим удалось спастись.

Но как я была потрясена, услышав их рассказ! Перебивая друг друга, они спешат сообщить, что встретили в канализационном тоннеле Симху Ратхайзера (Казика) из организации "Акива" и с ним еще двоих, и они ждут всех нас.

Неделей раньше, 30 апреля, Казик вышел на арийскую сторону вместе с Зигмундом Фридрихом из организации бундовцев, чтобы встретиться там с на-

шими товарищами. Они прокрались на арийскую сторону по подземному ходу, который был прорыт Еврейской военной организацией ревизионистов и вел с их базы на Мурановской улице к дому на той же улице на арийской стороне, неподалеку от стен гетто.

Ежедневно мы ходили к входу в тоннель в надежде получить какую-либо весточку от наших посланцев. Немцы по ту сторону стены, заметив нас, открывали огонь. Случалось, что рядом взрывались гранаты, и лишь благодаря счастливой случайности никто не был убит, правда, двое наших товарищей были ранены осколками. Каждый вечер мы тревожно ожидали весточки, но так ничего и не получив, отчаялись и решили, что наши посланцы погибли. Только впоследствии из их рассказов мы узнали, что им не удавалось выбраться из тоннеля. Вся улица и прилегающая к ней территория были забиты немцами и их пособниками. Даже полякам не разрешалось приближаться к этому месту.

Прошло много времени, прежде чем мы узнали причину столь усиленной охраны этого участка улицы на арийской стороне.

Когда вспыхнуло апрельское восстание, отряд ревизионистов самоотверженно оборонял Мурановскую улицу. 20 апреля они отразили несколько немецких атак, и неприятель понес значительные потери. Но когда стемнело, бойцы поняли, что при следующей атаке им не устоять. Не дожидаясь рассвета, они спустились в тоннель, который рыли все последние месяцы, и проникли в дом номер 6 по той же улице на арийской стороне. Сторож этого дома, поляк, спрятал их в подвале, но кто-то донес, и в конце апреля дом был окружен немцами. В отчаянной схватке погибли все еврейские бойцы, ни один не сдался врагу живым.

То, что Казiku и Зигмунду в конце концов удалось выбраться из канала и пересечь эту улицу, было поистине чудом. Они вышли из тоннеля на рассвете. Кругом было тихо. В десяти метрах от люка шагал немец-

кий часовой, но он их не заметил. Им удалось достичь ворот соседнего дома, и они уговорили польского сторожа помочь им. Они представились ему как поляки, которые проникли в гетто по своим делам. Тем временем, сказали они, вспыхнул "жидовский бунт", и они не смогли вернуться домой. Они прятались среди развалин, и лишь сейчас им удалось выйти из гетто. Они просят его только помочь им уйти с этой улицы незамеченными. Сторож, хоть и трусил, но в конце концов сжалился над "своими". Он спрятал Казика и Зигмунда в доме, а затем потихоньку вывел за пределы опасной зоны.

Нелегко сложилась судьба Ицхака Цукермана и его товарищей на арийской стороне. Они метались в поисках оружия для повстанцев. Ицхак и его друзья были одиноки, располагали весьма скудными средствами, польское подполье почти не оказывало им помощи. После того, как Армия Крайова отказалась дать им проводника или предоставить в их распоряжение план канализационной сети, которым располагала, они принялись искать какого-нибудь муниципального работника, знакомого с расположением каналов, рассчитывая с его помощью установить регулярную связь с гетто. Но сами поиски такого специалиста могли возбудить подозрение, что они евреи или что их наняли, чтобы помогать евреям.

Наконец с большим трудом им удалось установить контакт с одним из работников муниципалитета, который за приличное вознаграждение согласился вместе с Казиком спуститься в канализационный тоннель, пройти в гетто и вернуться назад. Им удалось убедить его, что им известно место, где хранится клад с еврейским золотом. Не раз, находясь уже под землей, поляк порывался вернуться обратно, но Казик и сопровождавший его Рисек (молодой еврей из ППР) заставляли проводника продолжать путь, то подбадривая глотком водки, то угрожая пистолетом. Когда они приблизились к гетто, Рисек остался внизу у выхода сторожить поляка, а Казик с наступлением темноты выбрался из

канала и долго блуждал по гетто в поисках товарищей. Раньше Казик прекрасно ориентировался в Варшавском гетто, знал все ходы и выходы, но теперь, когда гетто сгорело и было разрушено до основания, а бойцы покинули прежние бункеры и перешли в другие, он, понятно, не мог найти нас на том месте, где оставил.

Как безумный метался Казик всю ночь среди развалин гетто, временами даже громко кричал в надежде, что кто-либо откликнется, но напрасно. В конце концов он наткнулся на евреев, которые рассказали ему, что недавно группа бойцов спустилась в канализационный тоннель. Он побежал, рассчитывая нагнать их, но никого не нашел. Отчаявшись, он вернулся перед рассветом в канал. Пробираясь обратно на арийскую сторону, они встретили группу товарищей, вышедших из нашего бункера. Те рассказывали потом, что, двигаясь в кромешной тьме, вдруг увидели впереди свет фонаря. Они были уверены, что это немцы, остановились и затаили дыхание. Казик тоже заметил, что навстречу движутся люди, и закричал по-польски:

— Кто там? Отвечайте, не то буду стрелять!

Товарищи, разумеется, не знали, кто кричал, и думали, что это поляк. Встреча с поляком не сулила ничего хорошего, и все же ребята ответили:

— Мы евреи!

И как все были ошеломлены, когда Казик бросился к ним с радостным криком:

— Это я!

Все эти подробности были сообщены нам потом, сейчас же эти двое стояли возле меня и торопливо рассказывали о главном. Нас ждут в канале, и они пришли за нами. Все мы должны тотчас тронуться в путь.

В ТОННЕЛЯХ

Все вдруг перевернулось. Мы были не в состоянии воспринять значение этих слов. И как ни удивительно, не испытывали особой радости. Трудно определить это странное ощущение — мы знали, что будем скоро спасены, но страшное напряжение минувшего дня не отпускало.

Какая жестокая насмешка судьбы — почему сто двадцать лучших еврейских бойцов должны были погибнуть именно теперь, накануне того дня, когда пришло спасение? Сегодня они могли бы вместе с нами тронуться в путь...

Потрясенные, окаменевшие, сидели мы на земле и не знали, что сказать. Проводники принялись торопить нас. Поляк не станет ждать, а если уйдет, все погибло.

Трудно расстаться с гетто, с нашими мертвыми товарищами, павшими в борьбе. И самый мучительный вопрос — как мы можем уйти отсюда, покинув остальных бойцов на произвол судьбы? Ведь на завтра назначена встреча с ними. Теперь, когда уже рассвело, нет никакой возможности пробраться к ним. Даже если кто-нибудь пойдет туда, это ничего не даст. Выйти при свете дня из бункера — значит выдать врагу и себя, и их, и всех нас.

Душа разрывается — как найти верное решение? Как поступить? Логика подсказывает: сейчас ничего нельзя сделать — надо уходить. Но совесть не дает покоя: как можно уйти без них?

Это были страшные минуты смятения и отчаянья —

мы чувствовали себя так, словно повисли над пропастью.

— Мы не тронемся отсюда, — сказал кто-то из товарищей, — пока хоть один человек остается в гетто — все мы остаемся здесь.

Бойцы неподвижно лежали на земле, многие даже сбросили с себя дорожные сумки, как бы подчеркивая этим, что отказываются от мысли спастись.

Но в конце концов все мы с тяжелым сердцем начали спускаться в канализационный тоннель. Впереди — проводники, за ними — бойцы, мы с Марексом замыкаем шествие.

Прыгаем из бункера в канал. Теперь я знаю, что это такое. В первую секунду мне показалось, что я падаю в темную пропасть. Брызги, всплеск, ноги погружаются в холодные, загаженные сточные воды. В груди подымается отвращение, но мы шагаем вперед.

Новое осложнение — жители бункера хотят присоединиться к нам. Их много, тут и старики, и дети, ясно, что они погибнут сами и погубят всех. Мы договорились с хозяином бункера, что возьмем с собой несколько его парней, но какой-то мужчина вдруг, никого не спросив, прыгнул в канал. Наш боец приказал ему вернуться. Тот отказался наотрез. Он так и проделал вместе с нами весь путь по каналам. Этому человеку повезло, он остался в живых.

Несколько десятков мужчин и женщин двигаются гуськом, согнувшись, по узкому каналу. У каждого в руке горящая свеча. Много часов подряд мы бредем так, друг за другом, не видя лиц товарищей, с трудом нащупывая ногами дно тоннеля, голодные, усталые, обессиленные. Тоннель подобен узкой, заляпанной грязью, бесконечной расселине. Минуты кажутся часами, а часы — вечностью. Голод и жажда лишают нас последних сил.

С нами были оставшиеся в живых бойцы из бункера на Мила, 18, им, чьи легкие были поражены газом, оказалось не под силу идти. Приходилось поддерживать их и тащить за собой. Мы шли согнувшись, а иног-

да вынуждены были передвигаться ползком, на коленях. И откуда взялись у нас силы проделать этот путь?

Идет-ползет обессиленный человек по каналу, но разные мысли не оставляют его и здесь. Подводятся жизненные итоги, вспоминается наша организация, которая придала смысл всей нашей жизни, помогла устоять и не сломиться. По этой страшной дороге наша цепочка движется навстречу спасению... Каждый сейчас предоставлен самому себе. Ноги как заведенные автоматически передвигаются по темной воде, и далекие мечты вдруг просыпаются в сердце — мечты об Эрец-Исраэль, о трудовой жизни в коллективе, о жизни достойной и красивой, когда человек может ходить с высоко поднятой головой.

Вспоминаются товарищи, которые уже достигли заветного берега, те, что были посланы к нам о т т у д а. Они сумели затронуть сокровенные струны нашей души. И все время терзает, как кошмар, мысль о встрече с ними там, в Стране, в киббуце. Как я посмотрю им в глаза? Как объясню, почему я прибыла сюда, а не легла костями в долине смерти? Почему я осталась в живых? Ведь я не просила для себя спасения. Если я осталась жива, то только благодаря слепой случайности.

Увлекаемая общим движением, я шагаю вперед, и мне кажется, что товарищи, которые остались в гетто, идут следом. Что будет с ними? Эта мысль ни на минуту не оставляет меня, отравляет все.

Последние силы покидают нас, мы не в состоянии двигаться. Кто-то шепчет соседу:

— Проходи, оставь меня... Я лягу здесь... Нет больше сил...

И все-таки никто не остался. Когда наступило утро, мы все оказались на арийской стороне, под улицей Проста.

Казик и его спутники вышли из канала и исчезли. Я даже не успела ничего сказать им, передать слова приветствия товарищам на арийской стороне. Мы сидели,

согнувшись, в воде и ждали. Ждали, не зная, чего мы ждем и до каких пор придется так сидеть. В течение дня ничего не произошло. У нас не было ни пищи, ни воды. Не помню, мучил ли нас голод. В эти часы я не думала ни о завтрашнем дне, ни о спасении. Мысли о тех, что остались там, терзали неотступно...

В конце концов нам надоело это бесплодное ожидание, и мы с Марекком, замыкавшие цепь, решили пойти вперед, узнать, что там происходит. Не без труда протолкались мы к выходу из тоннеля. Но и здесь никто ничего не знал.

Кто-то высказал вслух мысль, которая владела всеми:

— Давайте вернемся в гетто и приведем остальных.

Едва эти слова были произнесены, как многие вскочили со своих мест и выразили готовность идти. Выбор пал на двоих — Шломо Шустера, семнадцатилетнего парня, светлоглазого, бесстрашного, готового выполнить любое задание, и Юрека Блонеса, командира одного из бундовских отрядов. Все понимали, что более подходящих людей для выполнения такого сложного задания не найти. Шломо, благодаря своей смекалке и отваге, не раз выручал товарищей из беды. Все помнили, как он вывел свой отряд из горящего здания щеточных мастерских, со всех сторон окруженного немцами. Нужно было прорваться сквозь ряды врага, и Шлемек с громким боевым кличем кинулся вперед и закидал немцев гранатами. Прежде чем они опомнились, бойцы пробили себе дорогу к нам, в центральное гетто. Юрек был чуть старше Шломо и поэтому рассудительнее, он умел не терять присутствия духа в самых критических обстоятельствах. Вечером Шлемек и Юрек отправились в путь, мы же остались ждать их возвращения.

В полночь нас впервые посетили товарищи с арийской стороны. Приподнялась крышка люка, и нам спустили котел с супом и несколько мешков хлеба. Но мы были не в состоянии есть. Нас страшно мучила жажда. Иехуда Венгровер, который отравился газами

и был очень слаб, не выдержал, опустил голову в сточные воды и начал пить. Возможно, это и явилось причиной его смерти. Когда на завтра мы вышли в лес, он упал на землю и спустя несколько минут скончался.

Среди товарищей, пришедших к нам на помощь с арийской стороны, был также поляк по прозвищу Кшачек (по-польски "кустик"). Армия Людова поручила ему поддерживать связь с Еврейской боевой организацией. Этот Кшачек — его настоящее имя было Владислав Гайек — нашел для нас поляка-водопроводчика, знакомого с планом местной канализационной сети. Он помогал нам также в некоторых весьма рискованных операциях. У него была налажена связь с польскими уголовниками и прочими подозрительными типами. Он был большим комбинатором, ловким, дерзким, предприимчивым. Мы ему верили, но спустя несколько месяцев у нас закрались сомнения: а не работает ли он и на нас, и на немцев? Оказывая нам ценные услуги, он в то же время сотрудничал с польской полицией, которую во время немецкой оккупации в народе называли "синей полицией". Ее сотрудники были послушными исполнителями воли немецких властей.

Мы пока не связывали с именем Кшачека ни провала двух наших товарищей, действовавших на арийской стороне в тот день, когда мы вышли из тоннеля, ни гибели других бойцов от рук польских и немецких полицейских в разных местах и в разное время, но безответственные действия в партизанских лесах в окрестностях реки Буг, куда было доставлено большинство уцелевших, и конфискация значительных денежных сумм от имени Гвардии Людовой у группы могильщиков-"пинкертовцев" — тех немногих, кому удалось спастись из разрушенного гетто и достичь партизанской зоны в лесах — заставили нас насторожиться. Мы начали сопоставлять все несчастья, постигшие нас за последние месяцы, и пришли к выводу, что во всем этом так или иначе замешан Кшачек.

Во время очередной встречи с Витольдом (он же

Францишек Юзвяк, начальник штаба Гвардии Людовой в оккупированной Польше), Ицхак Цукерман изложил ему наши подозрения и объяснил, на чем они базируются. Витольд был потрясен. Он попросил дать ему время проверить факты. При следующей встрече он коротко констатировал: подозрения обоснованы, Кшачек — немецкий агент, он приговорен к смертной казни. В начале 1944 года Кшачек исчез.

Все, о чем здесь рассказано, относится к более позднему периоду. Но в тот день, о котором я повествую, 9 мая 1943 года, у выхода из тоннеля стоял наш товарищ Казик и наш спаситель поляк Кшачек.

Кшачек и Казик сообщили, что завтра утром за нами придут и выведут нас из канала. Мы рассказали им, что двое из наших товарищей отправились в гетто, чтобы вывести оттуда остальных, и неизвестно, когда они вернуться. А пока они не вернуться, мы не тронемся отсюда. Мы опасались, что после того, как мы покинем тоннель, никто больше не сможет воспользоваться этим выходом, ибо немцы, обнаружив его, будут караулить тут круглые сутки.

Мы сидели под самым люком. Сверху, на улице, шла обычная жизнь большого города. Сквозь решетку над лесенкой, ведущей наружу, проникали косые солнечные лучи — мы все давно не видели дневного света. Мы прислушивались к уличному шуму, шороху шин по мостовой, грохоту трамваев, шарканью ног пешеходов. Арийская Варшава не подозревала, что здесь, под землей, лежат десятки евреев. Иногда нам казалось, что прохожие останавливаются у люка, — и мы замирали. Неужели они услышали подозрительный шум и прислушиваются?

Вот до меня донеслись веселые голоса детей. Не знаю, было ли это случайностью, но одного мальчика его друзья называли Моником*... Мы чувствовали близость внешнего мира и знали, что стоим на пороге спасения. Но в сердце не было радости. Затянувшееся пре-

*Моник — искаженное Моше, презрительная кличка.

бывание в зловонных канализационных тоннелях парализовало все чувства.

Утром вернулись Шломо Шустер и Юрек Блонес, и на их лицах было написано отчаяние. Они рассказали: канализационный тоннель, ведущий в гетто, наглухо замурован, пройти туда невозможно. Видимо, немцы почувствовали, что евреи уходят по каналам, и заделали их. Шлемек и Юрек долго блуждали под землей, в надежде найти хоть какой-нибудь проход, но всюду натыкались на глухие стены.

Мы сгрудились у выхода, на участке менее залитом водой, кое-кто устроился у другого выхода — там удобнее сидеть.

Время течет медленно, ожидание становится невыносимым. С улицы доносится немецкая речь. Немцы битых полчаса стоят возле люка над нашими головами. Уж не открыли ли они наше убежище? Душа молит небо не о спасении, а о кончине. Мы изнемогли и душевно, и физически.

И вдруг — в 10 утра — в наше подземелье врывается громкий уличный шум, и канал заливают яркий солнечный свет — мы не видели его много дней. Люк открыт снаружи, и весенний день вторгается в канал. В первые мгновения мы вообразили, что это немцы обнаружили нас, и инстинктивно попятнулись назад, в глубь канала. Но тут же выяснилось, что это наши спасители пришли выволочь нас отсюда. "Скорей! Скорей!" — торопят они и принимаются вытаскивать товарищей, с трудом поднимающихся по лесенке. Возле люка стоит грузовик. В считанные минуты около сорока человек оказались в кузове, и машина тронулась. "Второй грузовик, — объяснили нам, — заберет остальных".

Теперь, когда мы увидели друг друга при свете дня — перемазанных, грязных, истощенных, в жутких лохмотьях, с подгибающимися от слабости коленями, — нас охватил ужас. Мы не думали, что до такой степени потеряли человеческий облик. Только

громадные горящие глаза свидетельствовали о том, что мы — живые люди. Все улеглись на дно кузова, чтобы прохожие не заметили нас. У каждого при себе личное оружие.

Так этот грузовик с группой вооруженных еврейских бойцов начал свой путь по улицам оккупированной нацистами Варшавы.

Это было 10 мая 1943 года.

Наш друг, поляк Кшачек, сидел рядом с шофером и указывал дорогу, а в кузове, на виду у всех, стоял Казик. Лежа на дне кузова, мы видели его спокойное лицо.

Мы не знали, куда и по каким улицам едем, и, разумеется, не разговаривали друг с другом. Вокруг шла обычная жизнь большого шумного города. Грохот трамваев сливался с гомоном уличной толпы. Потрясенная всем пережитым, лежала я в грузовике. Тревожные мысли об участии оставшихся в гетто не отступали ни на минуту. И как кошмар повторялся один и тот же вопрос: как это случилось?

Мы ехали целый час, и каждая минута казалась вечностью. Несколько раз шепотом отдавался приказ: "Приготовить оружие, немцы". Но до вооруженного столкновения дело не дошло.

Особенно трудно было переехать мост через Вислу, соединявший центр города с Пражским предместьем. Мост охраняли немецкие часовые, и все машины обыскивались. Шофер сворачивал с одной улицы на другую, но всякий раз видел, что возле моста идет проверка, и возвращался. Так он кружил по городу, пока ему удалось наконец улучшить момент, когда движение транспорта было особенно оживленным, и благополучно миновать патрули. Машина остановилась в роще у села Ломянки, в семи километрах от Варшавы.

Прежде чем продолжать рассказ, следует пояснить, как товарищам на арийской стороне удалось организо-

вать наш выход из тоннеля. Спасательную акцию осуществили несколько наших бойцов и один поляк. Двое стояли на разных концах улицы с оружием в руках и не подпускали никого близко. А двое других — одним из них был поляк — помогали людям забраться в грузовик. Польский полицейский, случайно оказавшийся рядом, был предупрежден одним из бойцов:

— Молчи, не то убью!

Полицейский повиновался.

В тот день утром Кшачек заказал по телефону в транспортном агентстве два грузовика на улицу Проста — перевезти "большую партию обуви на деревянной подошве..." Когда грузовики прибыли на место, наши люди подошли к шоферам и сказали:

— Вы повезете не обувь на деревянной подошве, а бойцов, которых надо поднять из канализационного тоннеля и вывезти из Варшавы.

Пистолеты оказались решающим аргументом. Шоферы выполнили то, что от них требовалось, и первый грузовик вывез людей за пределы города.

Нас не покидала тревога о судьбе тех, что остались в тоннеле. Они оказались слишком далеко от люка, и прошло много времени, пока они подошли. Наши товарищи не рискнули больше задерживаться. В любую минуту кто-нибудь мог сообщить обо всем немцам.

Мы еще успели сказать им: "Ждите терпеливо, мы вернемся и поможем вам выйти". Но, видимо, они отчаялись ждать и решили самостоятельно выйти наверх, не зная о том, что все это место уже оцеплено немцами.

Выбравшись из канала, бойцы спрятались в развалинах разрушенного дома. Какая-то полька донесла об этом немцам. Вспыхнул бой между горсткой голодных, истощенных бойцов и немецкими солдатами. Гражданское население прилегающего района было потрясено отвагой евреев и преисполнилось уважения к парням и девушкам, которые осмелились ворваться

в арийскую часть Варшавы и с оружием в руках драться с немцами. Много легенд рассказывалось впоследствии об этом коротком жестоком бое, где погибли все, до одного, наши товарищи.

Спустя несколько часов нашим людям на арийской стороне стало известно, что не все участвовали в уличном бою. Одна группа бойцов осталась внутри канала. Видимо, они вернулись в разрушенное гетто.

Мы не знали, куда нас везут. Но когда грузовик остановился в роще, нам навстречу бросились наши товарищи — бойцы из гетто мастерских Теббенса-Шульца. Они вышли на арийскую сторону тем же путем, что и мы, и прибыли сюда десятью днями раньше. Они были уверены, что мы все погибли и они — последние из оставшихся в живых...

Долгое время мы были оторваны от них. Наши гетто разделяли пустые улицы и толстые стены, тщательно охранявшиеся немецкими патрулями. Мы пытались связаться с бойцами мастерских Теббенса-Шульца еще в начале восстания, но нам это не удалось.

В грязных лохмотьях, изможденные, с перепачканными лицами мы выглядели страшно. В первый момент они нас не узнали. Всем нам сразу дали по стакану горячего молока, и мы с жадностью глотали его — ведь мы столько дней ничего не ели, а главное, не пили. Все казалось таким странным. Голова кружилась от обилия впечатлений, сердце выпрыгивало из груди.

Вокруг — зеленеющая роща. Погожий весенний день. Мы давно, очень давно не вдыхали запаха леса, не знали весны и солнца. И вдруг все, что долгие годы скапливалось в окаменевшем сердце, вырвалось наружу — я разрыдалась. В гетто не раз бывало так тяжело, что хотелось поплакать — хоть немного разрядить внутреннее напряжение, облегчить груз, давящий на сердце. Но там нельзя было плакать. Стыдно было плакать. И лишь теперь наступила разрядка.

Потом сердце снова сжала печаль.

Товарищи взволнованно беседовали и делились

впечатлениями, как вдруг упал на землю и распластался Иехуда Венгровер. Пораженный газами, он был очень слаб — мы на руках спустили его с грузовика, а теперь наступил конец.

Несколько часов мы сидели молча. Наконец кто-то поднялся и начал рыть могилу.

Ночью все сгрудились вокруг костра, который разложили в яме. У нас было ощущение, что мы последние представители уничтоженного народа... Мы не знали, что происходит в остальной Польше, но чувствовали, что народ наш гибнет, и мы — последние уцелевшие. Последние тлеющие головни после пожара. Будущее покрыто туманом неизвестности. А мы, спасшиеся, — лишние, одинокие, забытые Богом и людьми. Что еще можно сделать, чего мы не сделали?

Бойцы лежали на земле. Трудно было уснуть. Мы невольно возвращались мыслями к нашим дорогим, благороднейшим друзьям, павшим в неравном бою. Душа была растерзана и превратилась в прах, но воспоминания о них, о нашей боевой дружбе жгли, как раскаленные угли. Сердце терзалось и вопрошало, но ответа не было...

В лесу мы встретили товарищей, которые раньше нас вышли из гетто, среди них были Шалом Граек из "Поалей Цион ЦС" и Элизер Гелер из "Гордонии" — они прибыли из гетто Теббенса-Шульца. Мы остались вместе, группа из 80 бойцов. С нами была тогда и Тося Альтман. В ту пору, когда в Эрец-Исраэль оплакивали меня и Тосю, Тося еще была жива.

Несколько десятков парней и девушек, отправленных нами через канализационный тоннель, нашли временное убежище на полях Чернякава, но впоследствии их собрали наши люди и устроили на целлулоидной фабрике в Праге — пригороде Варшавы.

Это было неплохое убежище. Получив от нас солидную сумму, поляки — владельцы фабрики — уволили немногих рабочих, занятых на производстве, и приостановили работы. Пустая фабрика была отдана в наше распоряжение, и надежный привратник, поляк,

охранял здание и примыкавший к нему двор. Он заботился о продуктах питания и о безопасности людей.

Однажды Тося и Элизер Гелер направились туда, чтобы навестить товарищей. Те расположились на чердаке здания, где был сложен целлулоид. И тут кто-то из парней закурил папиросу и бросил на пол горящую спичку. Мгновенно все здание было охвачено пламенем. Ребята пытались спастись через крышу, но пожарники, польские полицейские и прохожие окружили горящую фабрику. Лишь двоим удалось скрыться — Меиру Шварцу из Бунда, бойцу из гетто щеточников, и Элизеру Гелеру.

Меира спрятала в платяном шкафу полька. Полицейским не пришлось в голову искать его там. Но после того, как они ушли, женщина открыла шкаф, и Меир выпал оттуда мертвый. Он скончался от разрыва сердца. Гелер, у которого были ожоги лица и рук, сумел добраться до комнаты, которую снимал.

Тося и ее подруга, которую звали Шифра, попали в руки полицейских, и те передали их немцам. Девушек доставили в больницу, но после нескольких дней страшных мучений они скончались от ожогов.

Пожар случился 24 мая, через две недели после того, как нам удалось выбраться из горящего гетто.

Нелегкой была наша жизнь на арийской стороне Варшавы.

В роще под Варшавой нас собралось несколько десятков человек. Кроме товарищей, которые действовали на арийской стороне, о нас заботился польский крестьянин, которого мы звали Хлоп. Настоящее его имя было Бронислав Кайшак. Он принадлежал к Армии Крайовой, но ухаживал за нами по собственной инициативе. От своего брата, деревенского старосты, он узнал, что крестьяне жалуются, будто неподалеку от деревни прячутся евреи, и немцы готовят облаву. Надо было в кратчайший срок ликвидировать базу в роще.

Командир Армии Крайовой, которому стало из-

вестно о проведенной акции спасения и о том, что мы прячемся где-то в окрестностях Варшавы, потребовал, чтобы мы отправились в далекую Волынь, расположенную в сотнях километров от Варшавы. Дать нам оружие поляки отказались под тем предлогом, что у них самих его мало. Не приходилось сомневаться, что выполнение этого требования равнозначно для еврейских бойцов смертному приговору. На Волыни в ту пору шла кровавая война между партизанами и польскими крестьянами с одной стороны и украинцами, которых поддерживали немцы, с другой. Если бы мы выполнили указание командира Армии Крайовой, то наверняка погибли бы в пути, но даже если бы и добрались до лесов Волыни, то там нас уничтожили бы или поляки, или украинцы, или немцы.

Попытки спрятать еврейских бойцов в Варшаве или окрестных деревнях обычно заканчивались провалом. Были случаи, когда крестьяне, "укрывавшие" евреев, грабили их, а затем передавали немцам. Чтобы расформировать нашу базу в роще Ломянки, требовалось время. Надо было проверить надежность поляков, места укрытия, условия. Земля Ломянки горела у нас под ногами. Каждый день мог принести гибель.

Правда, была еще Армия Людова, которая призывала к беспощадной войне с немцами, но ее силы были ничтожны. Польские народные массы эту армию не поддерживали. Не видя никакого другого выхода, мы согласились с предложением представителей Армии Людовой перевезти большинство наших людей поближе к Бугу. Они дали нам также ружья, которые нашим товарищам так и не удалось доставить в гетто во время восстания. В деревнях у них были свои верные люди — польские коммунисты. В окрестностях Буга бродили красноармейцы, которым удалось бежать из немецкого плена. Командование Армии Людовой намеревалось создать крепкую опорную базу по обоим берегам Буга.

Но судьба наших людей на этой новой базе сложилась трагично. Их теснили партизаны и солдаты Армии

Крайовой, которые убили большинство наших товарищей, другие же погибли в стычках с немцами и польской полицией. Одна из групп вернулась в Ломянки, к нашему верному другу Брониславу Кайшаку, но польская крестьянка (возможно, из "фольксдойче") донесла на них немцам, и вся группа была уничтожена.

Только нескольким товарищам удалось присоединиться к русскому партизанскому отряду, в рядах которого они сражались до освобождения.

Все это время, в течение многих недель и месяцев, мы искали убежища для уцелевших в Варшаве и ее пригородах. Нам удалось вернуть несколько десятков бойцов из лесов и устроить их в более надежных местах.

В ДВОЙНОМ ПОДПОЛЬЕ

После подавления восстания в Варшавском гетто в Польше осталось еще несколько гетто — в Бендзине, Ченстохове, Белостоке. Кроме того, было много трудовых и концентрационных лагерей, в которых содержались сотни тысяч евреев.

Кое-что о нашей деятельности на арийской стороне и о связи с уцелевшими гетто и лагерями известно из отчетов, которые мы пересылали через Лондон, и из рассказов товарищей, прибывших в Эрец-Исраэль раньше нас.

Работа на арийской стороне проводилась в условиях двойного подполья. Польские подпольщики также действовали в тяжелых условиях, но они пользовались симпатией и поддержкой большей части населения, а также свободой передвижения, которых мы были лишены. У них были свои типографии, склады оружия, связь с внешним миром. Евреи же, работавшие на арийской стороне, постоянно, ежеминутно подвергались смертельной опасности. Они были изолированы от внешнего мира и должны были скрывать от соседей-поляков, что они евреи.

Нельзя отрицать того факта, что немцы убивали и поляков. Десятки тысяч жителей Варшавы и других городов и деревень, выйдя из дому, никогда более туда не вернулись. Они гибли в тюрьмах, концлагерях, массами направлялись на принудительные работы в Германию. Многих хватали на улицах — и они исчезали бесследно. Не редкостью были акты мести со стороны оккупантов. В этот период поляки начали вести вооруженную борьбу с немцами в более

широких масштабах. В один из тех дней (я проживала тогда на улице Лешно, 27, — после большой акции ее присоединили к арийской части Варшавы) мы увидели на стенах гетто пятьдесят повешенных поляков. Много месяцев этих людей держали в тюрьме Павиак в качестве заложников, а теперь казнили, и трое суток они висели для устрашения Варшавы... Возле повешенных собирались их родственники и тысячи горожан.

Евреям на арийской стороне грозила двойная опасность — и как евреям, и как повстанцам. Они вынуждены были скрываться от немцев и притворяться перед поляками. И в таких условиях приходилось разъезжать по стране, работать, доставать оружие, налаживать связи с концлагерями и теми немногими гетто, которые еще уцелели.

Еврейское подполье — Еврейская боевая организация, Еврейский национальный комитет, Бунд (сотрудничавший с Еврейским национальным комитетом в рамках Еврейского координационного комитета), а также отдельные уцелевшие партийные активисты — находилось в постоянной связи с еврейскими организациями свободного мира. Польское подполье, связанное с польским правительством в Лондоне, по своим каналам переправляло нам деньги и корреспонденцию. Деньги использовались для приобретения оружия и для помощи евреям, находившимся в убежищах. По нашим подсчетам, в Варшаве и ее окрестностях пряталось около двадцати тысяч евреев. Часть из них выдавала себя за поляков, другие укрывались в польских домах. Около двенадцати тысяч, нуждаясь в деньгах, лечении, жилье и фальшивых документах, сумели обратиться к нам за помощью. При участии еврейских представителей был создан Совет помощи евреям. В него входили активисты некоторых польских партий — демократов, социалистов, Народной крестьянской партии. Совет пользовался также поддержкой подпольных польских властей.

Находились поляки, которые хотели помочь нам

и действительно помогали, но таких было относительно немного. Я знаю случаи, когда поляки рисковали жизнью, спасая евреев. Были среди этих благородных людей и такие, которые погибли от рук нацистов. Встречались они в рабочих кругах, близких к коммунистическому и социалистическому подполью, среди демократов, трудовой и католической интеллигенции.

Некоторые прятали евреев за крупное денежное вознаграждение, но попадались порядочные люди, сознательно шедшие на риск и жертвовавшие благополучием своих близких. Иногда требовалось раздобыть метрики, и мы покупали свидетельства о рождении умерших, чья смерть не была официально зарегистрирована. Но случалось, что поляки продавали нам свои собственные метрики и получали копии взамен "утерянных", а затем шантажировали своих "двойников", вымогали у них деньги сверх договоренной суммы, а то и просто выдавали властям.

Впоследствии при командовании Еврейской боевой организации на арийской стороне Варшавы был создан отдел по фабрикации фальшивых удостоверений. Мы приобрели с помощью наших польских друзей чистые бланки удостоверений личности (по-немецки — "кенкартен") и заполняли их в соответствии с данными свидетельства о рождении. Специалисты подготовили для нас поддельные печати разных городов, печати немецких властей и т. п. Эти удостоверения якобы выдавались в восточных районах Польши, за пределами Генерал-губернаторства. Фальшивые рабочие удостоверения подтверждали, что их владельцы заняты на жизненно важных предприятиях Варшавы. Такие удостоверения выручали при внезапных облавах или в тех случаях, когда возникали подозрения, — до ареста и заключения под стражу. Евреи с "неарийской" внешностью делали снимки у польских фотографов, связанных с подпольем.

Аналогичный отдел по фабрикации различных документов и удостоверений, но большего масштаба, был создан при Совете помощи евреям.

Евреи постоянно становились жертвами вымогателей, так называемых "шмальцовников", которые выдавали их польской полиции, а иногда непосредственно немцам. Были случаи, когда евреи, которых поляки прятали за деньги, выдавались хозяевами, когда у жильцов не оставалось средств расплачиваться. Обнаруженных таким образом евреев пытали, а затем убивали во дворе тюрьмы Павиак или на улицах гетто. Лишь изредка удавалось за крупную взятку выкупить задержанных прежде, чем поляки передавали их немцам.

Несмотря на кошмарные условия, в которых находились наши соотечественники, скрывавшиеся на арийской стороне, многим из этих двадцати тысяч евреев удалось уцелеть. Страстное желание жить помогло им превозмочь все физические и душевные муки, и они своими глазами увидели польское восстание в Варшаве, вспыхнувшее 1 августа 1944 года.

Во время этого восстания многие евреи погибли на баррикадах, от вражеских бомб и от рук польских антисемитов — рядовых обывателей и повстанцев, главным образом, в центральных районах города, которые около двух месяцев находились под властью Армии Крайовой.

Я уже рассказала о постигших нас неудачах при попытках устроить еврейских бойцов в Варшаве и ее окрестностях. Но еще хуже было наше положение в лесах. Огромные потери, которые мы там понесли, уничтожение одного из наших отрядов Армией Крайовой, слабость Армии Людовой и враждебное отношение местного населения — все это побудило нас перевести возможно большее число бойцов из лесов в Варшаву. Наши связные работали без устали, и им удалось организовать несколько убежищ в самом городе и его окрестностях.

Все время, до начала польского восстания, мы поддерживали постоянную связь с бойцами и заботились об их нуждах. Когда началось восстание, связь эта прервалась, и лишь те наши товарищи, которые

находились в Старом городе Варшавы и в его окрестностях, сумели сформировать отряд, представлявший в рядах повстанцев Еврейскую боевую организацию.

В конце июля в Варшаве стал слышен отдаленный гул пушек Красной Армии. Русские приближались к польской столице, и немцы в панике отходили к оборонительным рубежам на Висле. Целые караваны немецких беженцев удирали на простых крестьянских телегах, в которые были впряжены усталые лошади. Рядовые граждане, чиновники, солдаты — все были охвачены страхом. Немецкие солдаты, по-видимому, "фольксдойче", знавшие польский язык, дезертировали из своих частей. Молодые поляки нападали на отдельных немецких солдат и захватывали их оружие.

Польское подполье заявило о себе в полный голос. Открыто распространялись нелегальные газеты, народ жаждал освобождения, час которого приближался. И тогда, 1 августа 1944 года, вспыхнуло восстание.

ПОЛЬСКОЕ ВОССТАНИЕ

Руководил восстанием генерал Бур-Коморовский, командир Армии Крайовой, а указание о выступлении последовало из Лондона, от польского правительства в эмиграции.

Уже в первые дни восстания нам стало ясно, что оно преследует двоякую цель — с одной стороны, это действительно было вооруженное восстание против немцев, а с другой, — политическая демонстрация против Советов. Возможно, что инициаторов и организаторов восстания даже больше волновали русские, так как именно они представляли главную опасность независимости Польши.

Польское правительство в Лондоне было уверено, что интересы Польши требуют организовать восстание в Варшаве в тот момент, когда немцы отступают, а русские приближаются к городу. Восточный сосед должен быть поставлен перед свершившимся фактом: существуют польское правительство и польская армия, которая самостоятельно овладела столицей. Мы не знаем, что было тому причиной и случайность ли это, но Красная Армия внезапно остановилась в предместьях Варшавы, немцы смогли прийти в себя и начать контрнаступление.

Мы нисколько не заблуждались относительно характера этого восстания. Он был ясен и для руководителей ППР и Армии Людовой. И все же они присоединились к восставшим. В своей прессе они писали, что хотя это восстание носит ярко выраженный политический характер, они не вправе стоять в стороне.

Ведь коммунисты все время призывали к восстанию против немцев. И наша группа понимала политическую сущность восстания. Но это была война с немцами, и мы, члены Еврейской боевой организации, присоединились к восстанию в качестве организованной группы. Многие евреи, не связанные с нашей организацией, тоже встали в ряды повстанцев.

Мы обратились с воззванием ко всем защитникам Варшавы и к оставшимся в живых евреям, призывая продолжать вооруженную борьбу с немецкими оккупантами. Мы напоминали, что прошел год с тех пор, как мы подняли знамя восстания в гетто и концлагерях, начали с оружием в руках бороться за свою жизнь и честь. Мы подчеркнули тот факт, что сотни молодых евреев и солдат Еврейской боевой организации стоят плечом к плечу со своими польскими товарищами на баррикадах. Мы старались вдохновить еврейскую молодежь, способную держать оружие, на борьбу.

Мы сформулировали свое воззвание так, чтобы его нельзя было рассматривать как призыв присоединиться к какому-то определенному течению в рядах повстанцев. Учитывая создавшуюся политическую ситуацию, а также настроения еврейской молодежи, мы писали:

”Присоединяйтесь к повстанцам, вливайтесь в их ряды! Боритесь за свободную, независимую, сильную и справедливую Польшу!”

Наше воззвание было опубликовано в газетах повстанцев, в некоторых из них — на видном месте, крупным шрифтом. И действительно, многие евреи, если только им удавалось получить оружие, участвовали в польском восстании.

Большая группа наших товарищей, членов Еврейской боевой организации, проживала в помещении штаба на улице Лешно, 18 и на прилегающих улицах. 2 августа, на второй день восстания, мы установили связь с районным командованием Армии Крайовой. Туда были направлены наши посланцы, которые сооб-

щили о нашей готовности участвовать в боях с немцами. Их встретили с холодным равнодушием. "Взвесим, проверим и свяжемся с вами".

Тем временем нам стало известно, что неподалеку — в Старом городе — концентрируются силы Армии Людовой, и в их штабе есть люди, с которыми у нас завязались тесные связи еще в подполье, до того, как вспыхнуло восстание. В этом штабе нас встретили дружески.

В тот же день мы оставили свое убежище и переместились в Старый город. Нас было немного, но сам факт нашего организованного присоединения к восставшим поднял дух бойцов. Нам была предоставлена возможность действовать в качестве отдельной группы, сохранившей имя Еврейской боевой организации и сражавшейся плечом к плечу с частями Армии Людовой.

Мы в ту пору не представляли собой серьезной боевой силы. Нас было всего 22 человека. Правда, мы принесли с собой немного оружия — пистолеты и некоторое количество гранат. Но людей и оружия у польских повстанцев было тогда достаточно. Важен был сам факт участия Еврейской боевой организации в польском восстании.

Поляки из Старого города встретили нас, как вы, вероятно, встречали бы уцелевших еврейских бойцов. Говоря о поляках, я имею в виду, главным образом, руководителей, командиров повстанцев. Это была хорошая группа, можно сказать, халуцианская по своему духу. Например, они заявили, что если из всей Еврейской боевой организации уцелело несколько десятков человек, то будет, по их мнению, несправедливо, если эти люди погибнут во время польского восстания. Поляки, со своей стороны, обязаны сделать все, чтобы уцелевшие остались в живых. Командование хотело направить нас на наиболее безопасные участки, но мы воспротивились такому решению. Мы присоединились к восстанию, чтобы воевать, а не делать вид,

будто мы воюем. Однако такой теплый прием воодушевил нас. Я считаю себя обязанной отметить, что и гражданское население относилось к нам с симпатией. Мы не чувствовали антисемитизма. Но, к великому сожалению, в других частях города дело обстояло не так.

Я уже сказала, что поляки согласились, чтобы мы сражались как отдельный отряд Еврейской боевой организации, и в таком качестве мы были включены в состав более крупной части. Нам поручили оборонять одну из ключевых позиций — баррикаду на углу улиц Рыбаки — Мостова, обращенную к Висле, напротив занятой немцами крепости.

Были трудные дни. Руководители восстания полагали, что достаточно удержать позиции в течение нескольких дней, и Советы войдут в Варшаву. Но русские не вошли, раскаты их пушек умолкли, и восстание длилось целых два месяца. Не хватало оружия, продовольствия, и никто не приходил на помощь. Восстание не было должным образом подготовлено. Повстанцы не могли устоять перед артиллерией и авиацией противника.

Армия Крайова не предупредила заранее руководство Армии Людовой о том, что восстание может вспыхнуть в любой час, и не все на территории большой Варшавы знали, что им следует делать, ибо были места, куда приказы не доходили. Когда руководители восстания решили обратиться за помощью, они обратились к Рузвельту и Черчиллю, а не к Сталину. Известно, какую те могли оказать помощь...

Но следует отметить, что польская молодежь сражалась отчаянно и самоотверженно, и в течение долгого времени отбивала немецкие атаки.

Одна из самых славных глав восстания — сражение за Старэ място (Старый город). Баррикады, воздвигнутые восставшими на узких улочках, серьезно затрудняли действия атакующих. Немцы вынуждены были драться за каждый дом в отдельности. И хотя у них были самолеты и танки, но каждый квартал,

каждую улицу им приходилось отвоевывать в рукопашных баррикадных боях.

Целый месяц длилась эта борьба, прежде чем повстанцев удалось выбить с их позиций. Был дан приказ отступить. При отступлении польская армия воспользовалась той же дорогой, что и мы, — бойцы уходили по канализационным тоннелям. Но они имели одно существенное преимущество перед нами — в распоряжении Армии Крайовой были планы городской канализации и опытные проводники, служившие в муниципалитете. Мы отступали по каналам вторично — на сей раз в квартал Жолибуж.

Восстание продолжалось после этого еще целый месяц, но в конце концов было подавлено. Советы, достигшие тем временем Вислы и овладевшие Прагой (предместье Варшавы), начали сбрасывать на парашютах оружие и продовольствие для поляков, но это уже не могло изменить хода восстания. Немецкие самолеты, танки и пушки били непрерывно.

Овладевая городом, немцы методически разрушали Варшаву, взрывая дом за домом, улицу за улицей. Но Варшава — большой город, и требуется время, чтобы сравнять ее с землей.

Немцы использовали восстание также с пропагандистскими целями. Они убеждали поляков, что те сами виноваты в своем поражении. "Ни англичане, ни американцы, ни Советы не придут к вам на помощь. Русские стоят рядом, но не торопятся к вам на выручку. Единственный выход для вас — присоединиться к нам и воевать на нашей стороне..."

Среди еврейских бойцов были убитые и раненые. Польская армия капитулировала, и бойцы Армии Крайовой, сдав оружие, пошли в плен. Бойцы Армии Людовой не могли последовать их примеру — они знали, что ждет их у немцев как коммунистов. Они смешались с гражданским населением, растворились в толпе. Но мы, еврейские бойцы, не имели даже этой возможности. Среди нас были люди с ярко выражен-

ными семитскими чертами лица. Мы не знали, что делать.

На следующий же день после капитуляции польской армии немцы начали выселять из столицы все польское население. Город опустел. Не было ни воды, ни пищи. Пробродив несколько часов вдоль Вислы, Марек Эдельман нашел замаскированный вход в подвал, и в этом убежище мы провели шесть недель.

Наконец нашим товарищам, скрывавшимся в окрестностях Варшавы, стало известно, что мы живы. Они понимали, что каждый день враг может нас обнаружить. И наши друзья организовали делегацию польского Красного Креста, которая прибыла в Варшаву под тем предлогом, что надо вывезти из разрушенного города раненых и тифозных больных. Представители Красного Креста пришли за нами с носилками. Те из наших товарищей, которые имели типично еврейские лица, были соответствующим образом перевязаны и в таком виде уложены на носилки. Все остальные надели повязки Красного Креста и помогали переносить "больных". Видя среди нас молодых девушек, часовые недоумевали:

— Вы же говорили, что прибыли забрать стариков и старух...

Представители Красного Креста отвечали:

— Эти девушки пришли помочь нам в переноске больных.

В конце концов нам удалось благополучно покинуть Варшаву. Видно, судьбе было угодно, чтобы мы остались в живых.

Наше спасение пришло буквально в последнюю минуту. Шесть недель мы прятались в подвале на берегу Вислы. А на восточной стороне реки, в Праге, стояли части Красной Армии и осыпали весь этот участок снарядами — рядом с нами, в соседних домах и даже в том доме, где находилось наше убежище, располагались немецкие части. Немцы рыли окопы и траншеи для связи.

15 ноября кирки стали ударять по стене нашего подвала... Но произошло чудо. Немцы ушли на обеденный перерыв, а через несколько минут появились наши спасители!

Ими руководила Элла Маргулис. Выяснилось, что когда Элла узнала о нашем положении, она связалась с доктором Инкой Швайгер — обе они были связными Бунда (хотя и не членами этой партии), а когда сформировалась Еврейская боевая организация на арийской стороне Варшавы, они предложили свои услуги нам. Инка сумела договориться с польским врачом доктором Свиталем — подпольщиком, человеком прогрессивных взглядов и благородного сердца. Он в это время руководил больницей в окрестностях Варшавы, и он же организовал наше спасение.

Передвигаясь по разрушенным улицам Варшавы, мы обратили внимание на двоих из спасательной группы: женщину и мужчину. Женщина, молодая блондинка, свободно говорила по-немецки и вела переговоры с немецкими патрулями. Ей даже удалось уговорить немцев дать нам лошадь с телегой — перевезти "тифозных больных". Возницей оказался односторонний немецкий солдат. В разговоре выяснилось, что он потерял глаз, воюя с "еврейскими бандитами" во время восстания в Варшавском гетто.

Мужчина поглядывал на нас недружелюбно и держался в отдалении. Мы стали подозревать, что он — антисемит, видимо, — решили мы, — догадался, что за "больные" на носилках.

В 1945 году, вскоре после освобождения Варшавы, мы встретили этих людей и они рассказали свою историю. Он — еврей, врач, фамилия его Зеликович. После подавления Варшавского восстания он нашел убежище в больнице доктора Свиталю, где работал санитаром, а его жена работала там же медсестрой. В ту пору они вынуждены были жить раздельно, чтобы не вызвать подозрений. Действительно, во время спасательной операции они пытались держаться в сто-

роне от нас и от наших товарищей с арийской внешностью. Они подозревали, что те — из Армии Крайовой, то есть — антисемиты...

Так в трудный час мы отделились друг от друга. Еврейская судьба...

После нашего ухода из Варшавы прошло еще несколько месяцев. Все это время мы находились в городке Гродзиск, возле Варшавы. 17 января 1945 года в Гродзиск вошли советские танки. На рыночной площади русских солдат окружила большая толпа. Все целовались и ликовали.

А мы, евреи, стояли печальные и удрученные. Мы были одиноки в этой толпе.

СЕКРЕТ СИЛЫ НАШЕГО ДВИЖЕНИЯ

Мне хотелось рассказать все, как было. Я изложила здесь события, не давая никаких оценок и не делая обобщений. Я понимаю, что мне не удалось описать все так, чтобы вы поняли, что мы пережили. Рассказать о нашем народном бедствии выше сил человеческих. Может, нам следовало бы сидеть и плакать, кричать, вопить всем вместе, может, этот вопль стал бы нашим рассказом. Я же попыталась только передать ход событий, чтобы каждый из вас в отдельности мог дать им оценку и подвести итог. Не знаю, это ли самая подходящая форма для выражения того, что мы все чувствуем и что чувствую я сама — одна из тех, кто проделал этот путь и по прихоти судьбы остался в живых, — но другой я не нахожу.

Я не хочу подводить итоги, но хочу еще кое-что добавить.

Есть вопросы, которые не дают покоя товарищам в Эрец-Исраэль, и нам тоже. Первый и самый мучительный — как это случилось, что целый народ покорно пошел на бойню? Я попыталась в своем рассказе объяснить это, как могла. Не знаю, какие выводы следует сделать из моих слов. Я хочу только сказать — хотя это ничему не поможет и не облегчит нашего страдания — хочу сказать, что сомневаюсь, чтобы какой-нибудь другой народ повел себя иначе в таких условиях и в таком страшном одиночестве и сумел противостоять столь совершенной и налаженной системе уничтожения. Мы знаем, как шли на бойню поляки, пленные русские и как целые народы покорялись нацистам.

Второй вопрос — откуда достало сил у халуцианского движения, движения молодежного, которое в эти тяжкие дни, хотя, возможно, и с некоторым опозданием, взяло на себя руководство еврейской жизнью.

Мне кажется, что не приходится долго искать ответ на этот вопрос. Неверно и несправедливо думать, будто стойкость перед лицом обрушившегося на нас несчастья была заслугой одиночек — Ицхака или Цивьи, Мордехая или Фрумки. Все мы жили и живем сознанием, что наша судьба была бы иной, если бы мы не принадлежали к халуцианскому движению, если бы с детства не научились уважать те ценности, которыми вы нас наделили.

В сущности, секрет силы нашего движения в том, что оно всегда стремилось воспитать — и воспитывало — борцов, которые в разные периоды, в самых трудных условиях стояли за независимость своего народа, за еврейское достоинство и достоинство человека вообще. Только благодаря полученному воспитанию мы смогли пройти этот страшный путь.

Не знаю, сумела ли я должным образом показать, как велико было наше стремление выстоять. Я уже говорила, что иногда мы были чрезмерно требовательны в вопросах морали, каждый из нас по отношению к себе и к другим, и все мы вместе — к нашему движению.

В первый период голода в гетто нам делали различные предложения, приняв которые мы могли бы улучшить условия нашей жизни. И это вовсе не означало жить за счет других. Приведу пример.

В первый период хлебопекарни в гетто приносили большие доходы. И многие хотели передать пекарню в наши руки, поскольку знали, что мы не станем обманывать людей в вопросах качества муки, веса и т. д. Но так как среди нас не было пекарей и мы вынуждены были бы нанять рабочих и извлекать прибыль, эксплуатируя их труд, — правда, не для собственных нужд, а для нужд движения, — мы от-

казались от столь заманчивого предложения. Руководствуясь такими принципами, мы пытались жить все долгие месяцы и годы этой войны.

Откуда взялась у нас сила и стойкость? Мы смогли устоять в условиях гетто лишь потому, что были коллективом, движением, знали, что мы не одиноки. Каждый еврей стоял перед своей судьбой растерянный, всеми забытый и брошенный. Но мы с первой же минуты и до конца чувствовали себя коллективом, движением. Ощущение того, что есть движение, есть содружество людей, заботящихся друг о друге, есть общий путь, — это ощущение позволило каждому из нас выполнять свои обязанности.

Самое ужасное заключалось в том, что евреи не знали, что им делать. С первых дней, когда началась деморализация гетто, и до его ликвидации и всеобщей гибели, люди не знали, что делать. А мы знали к чему стремимся. В свете тех ценностей, на которых мы воспитывались, мы искали и находили возможности для деятельности. Это была та сила, что позволяла нам жить. Это та сила, которая поддерживает оставшихся в живых и поныне.

Я рассказала главным образом о халуцианском подполье и о Варшавском восстании, хотя, встречаясь с людьми, слышала о подобных событиях и в других городах, но сложно человеку рассказывать о том, чему он не был свидетелем. Я очень кратко рассказала о людях, которые погибли в период, предшествующий ликвидации. Очень мало я говорила также о тех местах, где, в силу ряда объективных причин, дело не дошло до восстания. Не рассказала я и о Белостоке, где удалось организовать восстание, которое по своему значению, пожалуй, не уступает восстанию в Варшавском гетто. Товарищи из Белостока были совершенно изолированы, и, тем не менее, они сумели сделать многое.

Ни в коем случае не следует забывать наших товарищей из Ченстоховы и Бендзина. Там начали восстание, но потерпели поражение. Мы не вправе оценивать та-

кие события лишь в зависимости от их успеха. Возьмем, к примеру, Ченстохову. После подавления восстания в Варшаве к нам прибыла Ривка Гланц, и я ей сказала:

— Я думаю, что теперь вам всем следует перебраться в леса к партизанам. Там вы сможете убить гораздо больше немцев и спасти больше евреев.

Она мне ответила:

— Мы хотим оставаться до последней минуты с нашим народом.

И они остались. Остались и погибли. Им не удалось организовать восстание большого масштаба, но их героизм не уступает нашему. Ведь они видели, что восстание в Варшаве было подавлено, видели, каков был наш конец, и все же готовили восстание, и не их вина, что они не смогли осуществить задуманное. То же самое произошло в Бендзине и во многих других местах. Память о павших товарищах и о их делах должна бережно храниться живыми. Нельзя забывать имена таких героев, как Ривка Гланц, Марек Фольман, Лея Перлштейн, Гершл Шпрингер, Ханча и Фрумка Плотницкие, Сара Гранатштейн, Моше Рубинчик, Иехуда Гликштейн, Шмуэль Браслав, Иосеф Каплан, Мирьям Хайнсдорф, Цви Брандес, Яков Прашкер, Элизер Гелер и многих, многих других.

Мне говорят, что я называю имена товарищей, но не уточняю, к какому движению они принадлежали. Признаюсь, я не особенно задумывалась об этом. Я сама не всегда могу вспомнить, с каким движением были связаны те или иные люди. Были периоды, когда все мы, сначала — только мы и "Хашомер хацаир", а затем и все другие халуцианские движения, действовали как одно целое, с одним центром, и у всех людей была одна общая забота.

Вот один лишь наглядный пример халуцианского братства.

Я рассказала о первой акции в Варшаве и о возникших затем трудностях, когда мы отправили людей к партизанам и пытались как-то бороться, невзи-

рая на то, что у нас почти не было оружия. Мы тогда направили почти всех членов киббуца на улице Дзельной в Черняков и в партизанские леса в окрестностях Межерича и Хрубешува. В киббуце остались лишь единицы. Из активистов "Хашомер хацаир" там не было никого. Иосеф Каплан был арестован, Шмуэль Браслав — убит, Мордехая Анелевича не было в Варшаве. Тося Альтман и Арье Вильнер находились на арийской стороне. Но из нашей организации в гетто еще оставались несколько человек из центральной руководящей группы. Мы знали, что при таком положении вещей не много сможем сделать, и все же решили не покидать гетто, поскольку там находились товарищи из "Хашомер хацаир" без своего руководства. Мы перешли в их квартиру, не считаясь с тем, кто принадлежит к "Хашомер хацаир" и кто к движению "Дрор". И так было впоследствии с "Гордонией", с "Ханоар хациони" и с другими политическими партиями, которые действовали в гетто.

Поэтому я не стремилась каждый раз указывать, к какому движению принадлежали люди.

Много товарищей погибло еще до того, как вспыхнуло первое восстание. Я имею в виду тех, кто действовал в советской зоне: Эдека Головнера, Шейнделе Шварц, Рахель Фогельман, Лею Фиш, Давида Айзенберга, Дова Бергера и других.

У нас была молодежь, духовно окрепшая и закалившаяся в гетто, и память о павших никогда не изгладится в наших сердцах. Как рассказать, например, о Шауле Добухне из Варшавы, парне физически слабым, но проявившем такое беспредельное мужество, что не хватает слов описать его. А что сказать о тех, которым не довелось даже дожить до восстания, — разве их преданность своему народу была меньше, чем у тех, что сражались в рядах повстанцев?

Добавлю еще несколько слов для полноты общей картины. Я несколько раз упоминала поляков и их отношение к нам. Всем ясно, что если бы наши соседи — поляки, литовцы, украинцы — относились к нам

иначе, значительно больше евреев осталось бы в живых. Вместе с тем мой долг отметить, что нам оказывалась помощь, хотя и не сравнимая с нашими нуждами, со стороны коммунистических (ППР) и польских демократических кругов.

Поддерживали нас также отдельные люди — праведники мира разных национальностей. Я уже упоминала, что польское правительство в Лондоне помогло нам наладить связь с еврейскими организациями за границей. Была нам оказана и другая помощь, хотя и с большим опозданием и в очень ограниченном объеме.

Теперь — о контактах с Эрец-Исраэль. Главное их значение — не в конкретной помощи повстанцам. Сам факт наличия подобной связи, налаженной, правда, с опозданием, очень воодушевлял нас. Вы не можете даже представить себе, что значило для нас ваше письмо, ваше слово. Ведь были минуты, когда нам казалось, что весь мир, в том числе и соотечественники, забыли нас. Многие евреи в час смерти проклинали своих братьев — евреев из нейтральных стран, евреев, живущих по ту сторону океана: почему они молчат? Мы хотели думать, что евреи Палестины делают все, чтобы помочь нам. Так ли это было в действительности?..

Я слышала, что когда в 1944 году в Эрец-Исраэль прибыли Иосеф Корнянский и другие товарищи, многие отказывались верить тому, что им рассказывали. Но мы, знавшие всю правду, искали возможности связаться с вами. Мы хотели рассказать о происходящем всему миру, мы хотели, чтобы мир не безмолвствовал, и прежде всего, чтобы не молчали вы, евреи. Неоднократно делались попытки связаться с вами, но безуспешно.

В конце 1943 года мы решили: пусть нас ждет смерть и ликвидация, но мы оставим и передадим вам свидетельства нашей жизни, борьбы и смерти. Мы предложили Ханче Плотницкой из "Дрора" и Мире Фухрер из "Хашомер хацаир" покинуть нас и попытаться перейти границу. Они отказывались, но мы

приказом обязали их сделать это. Как вам известно, задуманное осуществить не удалось. Мы хотели, чтобы все, что произошло, стало известно вам — не только ради истории, но и ради будущего. Пусть знает народ, пусть знают уцелевшие, должны знать и вы — и во имя прошлого, и во имя будущего.

В своем повествовании я не упомянула о борьбе евреев разных местечек. Эта борьба, как правило, заканчивалась гибелью героев, но на их долю выпадали и удачи. Многим из тех, кто встречал немцев с оружием в руках, удалось потом уйти в леса.

Я совсем не остановилась на действиях партизан-евреев, не рассказала о виленском гетто и о разных местечках, так как трудно говорить о событиях, в которых сама не участвовала. Но мужество и стойкость были всюду.

Народ устоял.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

АДАМОВИЧ ИРЕНА — полька, католичка. До 2-й мировой войны — член руководства польских скаутов. Во время войны поддерживала тесные связи с организациями "Дрор" и "Хашомер хацаир". По просьбе их руководителей выезжала в Вильно, Ковно и Шавли. Организовала поездку Хенека Грабовского (см.) в оккупированный немцами Вильно. Устроила встречу в гетто немецкого врача-офицера, отрекомендовавшегося Рудольфом, с руководителями "Хехалуца". "Рудольф" прибыл в Варшаву в отпуск с Ленинградского фронта и сообщил о массовом уничтожении евреев в Прибалтике и в северо-западных районах России, захваченных немцами. С помощью Адамович была налажена связь с Армией Крайовой. Во время акции в гетто сумела укрыть в Варшаве некоторых самых молодых членов "Дрора" (их следы затерялись, можно предполагать, что они были обращены в христианство). Имя Адамович включено мемориальным институтом "Яд ва-Шем" в Иерусалиме в списки праведников народов мира. Скончалась в Польше в 1977 году.

АЙЗЕНБЕРГ ДАВИД — уроженец Варшавы. До 2-й мировой войны работал в Вильно в качестве секретаря киббуца Шахария. Один из активистов "Дрора". После присоединения Литвы к Советскому Союзу оставался на подпольной работе в Ковеле. После освобождения города частями Красной Армии в синагоге была обнаружена выцарапанная на стене надпись на иврите: "Шалом товарищам от группы халуцим, осужденных на смерть. Мы остались до конца верны нашим убеждениям. Отомстите за нашу кровь". Подписи: Шейндле Шварц (см.), Лея Фиш (см.), Рахель Фогельман (см.), Давид Айзенберг.

АЛЕКСАНДР — см. **ФОНДАМИНСКИЙ ЭДУАРД**.

АЛЬТМАН ТОСЯ — родилась во Влоцлавке. Была в числе создателей организации "Хашомер хацаир" и руководила ее деятельностью на оккупированных немцами территориях. Поддерживала связь между отдельными гетто в разных районах Польши. После создания Еврейской боевой организации была направлена на работу на арийскую сторону Варшавы. Участвовала в апрельском восстании 1943 года. Передавала по телефону информацию о борьбе в гетто на арийскую сторону Варшавы. Вместе с группой бойцов вышла из гетто по канализационному тоннелю. 24 мая 1943 года получила тяжелые ожоги во время пожара, который вспыхнул на целлулоидной фабрике, служившей убежищем уцелевшим членам Еврейской боевой организации. Была схвачена немцами и доставлена в больницу, где скончалась в страшных муках. Ей было 25 лет.

АНЕЛЕВИЧ МОРДЕХАЙ — уроженец Варшавы. Член организации "Хашомер хацаир". В начале 2-й мировой войны оставил столицу. После недолгого пребывания на территории, отошедшей по разделу Польши 1939 года к Советскому Союзу, прибыл в Вильно. В январе 1940 года вернулся в Варшаву. Был в числе тех, кто возродил деятельность "Хашомер хацаир" на оккупированных немцами территориях и вошел в руководство организации. Редактировал подпольные издания. Содействовал созданию подпольного архива гетто. В начале 1942 года отправился в Верхнюю Силезию, присоединенную к Рейху, и вернулся в Варшаву после большой акции. Был введен в состав командования Еврейской боевой организации, много сделал для расширения и укрепления ее общественного влияния. В сентябре-октябре 1942 года был назначен командиром Еврейской боевой организации. Во время январского восстания 1943 года командовал отрядом. Вел дневник, который пропал, как полагают, во время апрельского восстания. Погиб вместе с другими това-

рищами 8 мая 1943 года в бункере на улице Мила, 18 в возрасте 24 лет.

Его именем названы кибуц Яд Мордехай, мемориальный музей "Морешет" ("Наследие"), улицы во многих городах Израиля и улица в Варшаве.

АРТШТЕЙН ЗХАРЬЯХУ (Захариаш) — родился в Прушкуве. Вместе с другими жителями Прушкува был изгнан в Варшавское гетто. Активист "Дрора". Во время большой акции 1942 года организовал вместе с Мордехаем Тенненбаумом (см.) вооруженное сопротивление в кибуце в Чернякове. После январского восстания 1943 года стал командиром боевого отряда "Дрора" в центральном гетто. Во время апрельского восстания, командуя отрядом, заставил немцев отступить за пределы гетто. Потеряв связь с бойцами, покинувшими гетто 8 мая 1943 года, безуспешно пытался выбраться с остатками своего отряда на арийскую сторону. Обстоятельства его гибели неизвестны. Было ему около 20 лет.

БАРАН ДВОРА — родилась в Ковеле. Принадлежала к организации "Дрор", была членом кибуца на ул. Дзельной, 34. Вступив в Еврейскую боевую организацию, воевала в отряде Ханоха Гутмана (см.), действовавшем в районе щеточных мастерских и в центральном гетто. Погибла 3 мая 1943 года в возрасте 23 лет.

БЕАТУС ФРАНЯ — родилась в Конине. Член "Дрора". В конце 1942 года прибыла вместе с другими членами островецкой Еврейской боевой организации в Варшаву. Была связной на арийской стороне, во время апрельского восстания поддерживала телефонную связь с гетто. Участвовала в операции по выводу бойцов из гетто после подавления восстания. 12 мая 1943 года покончила жизнь самоубийством. Ей было 17 лет.

БЕНДЕРСКАЯ — преподавательница подпольной гимназии организации "Дрор". Обстоятельства гибели неизвестны.

БЕРГЕР ДОВ — один из создателей "Дрора" на территориях, присоединенных к Советскому Союзу. Действовал на Волыни и в восточной Галиции. Близкий друг Рахели Фогельман (см.). Был мобилизован в Красную Армию. Погиб в боях. Дата смерти неизвестна.

БЕРЛИНСКИЙ ГЕРШ — уроженец Лодзи. Активист левого течения "Поалей Цион" в Варшавском гетто. Один из организаторов подпольного юношеского движения "Борохов-югент". Сторонник вооруженного сопротивления и активной обороны. С расширением Еврейской боевой организации вошел в командование как представитель партии "Поалей Цион". Во время апрельского восстания воевал на территории щеточных мастерских, а затем — в центральном гетто. После выхода на арийскую сторону присоединился к отрядам Еврейской боевой организации в лесах Вишкова, а затем вернулся в Варшаву.

Погиб во время польского восстания. Было ему около 35 лет.

Воспоминания Берлинского о восстании в Варшавском гетто опубликованы на языке идиш в книге "Драй" ("Трое").

БЕРНШТЕЙН ИЦХАК — родился в Плоцке. Педагог, эссеист, журналист. Опубликовал в "Дроре" (подпольном печатном органе организации) очерк о И. Л. Перце. Принимал участие в создании архива Варшавского гетто. Деятель Организации еврейской взаимопомощи. Погиб во время большой акции в возрасте 43 лет.

Часть его сочинений, написанных во время войны, сохранилась в подпольном архиве.

БИГЕЛЬМАН МЕНАХЕМ — уроженец Варшавы. Член киббуца на улице Дзельной, 34 и Еврейской бое-

вой организации в Варшавском гетто. В апреле 1943 года воевал в отряде Берла Бройдо (см.) в центральном гетто. Один из немногих уцелевших после разгрома бункера на ул. Мила, 18. Погиб 10 мая в стычке с немцами, пытаясь пробиться через канализационный тоннель на арийскую сторону. Было ему 24 года.

БИДЕРМАН САРА — уроженка Варшавы. Принадлежала к "левой" молодежной группе, присоединившейся к организации "Дрор". Активно участвовала в воспитании молодежи и в распространении подпольной литературы. После подавления апрельского восстания пряталась на полях фермы в Чернякове, где и была подобрана связными Еврейской боевой организации. В результате доноса была схвачена немцами, тяжело ранена и, истекающая кровью, брошена на улице. Немцы полагали, что она убита, но Сара сумела добраться до дома своей подруги, польки-коммунистки Хелы Белицкой. С помощью отца была помещена в больницу и поправилась. Отец, пытавшийся достать для дочери фальшивые документы, был арестован и депортирован в Освенцим.

После войны репатриировалась в Израиль и вступила в киббуц Лохамей хагеттаот. Скончалась в 1972 году в возрасте 49 лет.

БЛОЙШТЕЙН ИЦХАК — родился в Жирардове. Активист "Дрора" в Варшавском гетто. Командир отряда Еврейской боевой организации. Во время апрельского восстания сражался в центральном гетто. Когда бойцы его отряда вышли на арийскую сторону, остался с отрядами Зхарьяху Артштейна (см.) и Иосефа Фарбера (см.) в гетто. Обстоятельства гибели неизвестны. Было ему около 20 лет.

БЛОНЕС ЮРЕК — уроженец Варшавы. Активист "Цукунфта" ("Будущее") — молодежной организации Бунда. Командир отряда Еврейской боевой организации. Во время апрельского восстания воевал в районе

щеточных мастерских, затем — в центральном гетто. 8 мая вместе с другими бойцами спустился в канализационный тоннель, но затем вернулся, чтобы связаться с группами, оставшимися в гетто. Два дня спустя погиб, пытаясь пробиться на арийскую сторону. Было ему 19 лет.

БЛОХ ЭЛИЭЗЕР ЛИПА — уроженец Умани (Украина). Руководитель польского филиала Еврейского национального фонда. После оккупации немцами Польши поддерживал халуцианское подполье и содействовал становлению Еврейской боевой организации. Один из руководителей Организации еврейской взаимопомощи в гетто. В начале 1943 года был схвачен немцами и отправлен в концлагерь. Обстоятельства гибели неизвестны. Было ему около 55 лет.

БЛОХ ЭСТЕР — уроженка Варшавы. Дочь Элизера Липы Блоха (см.). Принадлежала к группе "левой" молодежи, примкнувшей к подпольному "Дрору". Активно участвовала в просветительской деятельности и в распространении подпольной литературы. Во время большой акции с группой молодежи отправилась в окрестности Хрубешува на партизанскую базу в Вербковице. Вместе с другими евреями была снята с поезда и расстреляна. Ей было около 21 года.

БОЖИКОВСКИЙ ТОВИЯ — уроженец Лодзи, проживал в Радомске. После оккупации города немцами организовал подпольные ячейки "Дрора" и "Поалей Цион". В середине 1940 года был вызван в Варшаву для работы с молодежью. Читал доклады на семинарах, редактировал подпольную прессу. Во время большой акции находился на сельскохозяйственной ферме в Чернякове. Был членом местной Еврейской боевой организации. В конце 1942 года вместе с другими членами киббуца был отправлен в Варшавское гетто. Участник январского восстания. Во время апрельского восстания был направлен для установления связи с товарищами на арийской стороне. После подавления восстания

покинул гетто через канализационный тоннель. Участвовал в польском восстании в составе отряда Еврейской боевой организации. После освобождения Варшавы восстанавливал в Польше организации "Хехалуц" и "Дрор" и редактировал их издания. В 1949 году прибыл в Израиль. Участвовал в создании музея "Бет лохамей хагеттаот".

Автор книги "Цвишн фалндике вент" ("Среди падающих стен"), написанной на идише и изданной в Варшаве, но затем конфискованной польскими властями. Книга была издана также в Израиле. Переведена на иврит (издания 1950, 1964, 1970), на английский (1972) и на русский ("Библиотека Алия", 1975). Скончался в 1959 году в возрасте 48 лет.

БОРАКС ЭДЕК (ЭЛИЯХУ) — родился в Калише. Начало 2-й мировой войны встретил в рядах польской армии. Один из организаторов подпольного движения "Хашомер хацаир" в Вильно после присоединения Литвы к Советскому Союзу. По заданию своей организации в конце 1941 года прибыл в Варшаву. Участвовал в создании Еврейской боевой организации в Белостоке. В первых боевых стычках с немцами 5 февраля 1943 года был схвачен и отправлен в Трешлинку. Обстоятельства гибели неизвестны. Было ему 25 лет.

БРАГИНСКИЙ — преподаватель подпольной гимназии, созданной организацией "Дрор" в гетто. Обстоятельства гибели неизвестны.

БРАНДЕС ЦВИ — родился в местечке Жарки. Видный деятель "Хашомер хацаир" на территориях, оккупированных немцами.

Весной 1941 года вместе с Иосефом Капланом (см.) создал в местечке Жарки халуцианскую сельскохозяйственную ферму. С января 1943 года — член командования Еврейской боевой организации в Бендзине. Один из организаторов обороны в Заглембии. Погиб в бою в начале августа 1943 года в возрасте 26 лет.

БРАСЛАВ ШМУЭЛЬ — уроженец Москвы, жил в Варшаве. В начале 2-й мировой войны перебрался в Вильно. В январе 1940 года вернулся в Варшаву. Один из создателей подпольной организации "Хашомер хацаир" на территориях, оккупированных немцами. Некоторое время руководил деятельностью организации в районе Радома. Редактировал подпольную литературу. Выдающийся организатор и воспитатель. Участвовал в создании Еврейской боевой организации. Один из инициаторов поджога опустевших домов в гетто во время большой акции. Погиб 3 сентября 1942 года в возрасте 22 лет. Похоронен товарищами на территории спортивного клуба "Скра" возле еврейского кладбища на улице Генша.

БРАУЭР ГЕРМАН — немец, владелец "шопов" (мастерских) в Варшавском гетто. Телефон, находившийся в его мастерских, тайно использовался Еврейской боевой организацией в первые дни восстания для связи с Франей Беатус (см.), находившейся в то время в арийской части Варшавы.

БРОЙДО БЕРЛ — уроженец Слонима. Начало 2-й мировой войны застало его в киббуце Борохов в Лодзи. В декабре 1939 года прибыл в Варшаву. Один из создателей подпольной организации "Дрор". Активно участвовал в воспитании молодежи. Секретарь киббуца-хахшара на ферме Стердин возле Соколова. В конце 1941 года организовал подобный же киббуц в Островце. В 1942 году возглавил Еврейскую боевую организацию своего города, а после того, как еврейское сопротивление было подавлено, прибыл вместе с товарищами в Варшаву. Во время январского восстания был схвачен немцами и отправлен в Трешлинку. Соскочил на ходу с поезда и вернулся в Варшаву. Командир отрядов "Дрора" в центральном гетто. Во время апрельского восстания героически оборонял участок улиц Мила—Заменгоф. 8 мая 1943 года нахо-

дился в центральном бункере на ул. Мила, 18. Отравленный газами, застрелился. Было ему около 25 лет.

БРУСКИН ААРОН (Павел) — уроженец Варшавы. Член ППР. Командир отряда Еврейской боевой организации в Варшавском гетто. Во время апрельского восстания воевал в центральном гетто. 7 мая спустился с группой бойцов в канализационный тоннель, чтобы связаться с командиром Еврейской боевой организации на арийской стороне. Попал в засаду, был схвачен и убит немцами.

БУР-КОМОРОВСКИЙ ТАДЕУШ — см. КОМОРОВСКИЙ ТАДЕУШ.

ВАЙСБЕРГ МОШЕ — уроженец Варшавы. Преподавал еврейскую литературу на языке идиш в подпольной гимназии, организованной "Дрором". До войны был учителем истории в еврейских государственных школах. Сотрудничал в варшавском Институте еврейских знаний. Обстоятельства гибели неизвестны.

ВАЛЬД БИНЬЯМИН — уроженец Варшавы. Активист "Дрора" во время немецкой оккупации. Командир отряда на территории мастерских Теббенса—Шульца. В январе 1943 года участвовал в обороне домов на улицах Заменгоф, 56-58 и Мила, 34. Во время апрельского восстания атаковал отряд СС на улице Лешно, вне стен гетто. Погиб в первых числах мая 1943 года при попытке пробиться со своим отрядом на арийскую сторону. Было ему 23 года.

ВАЦЛАВ — см. ВОЛЫНСКИЙ ГЕНРИК.

ВЕНГРОВЕР ИЕХУДА — уроженец Варшавы. Активист "Хашомер хацаир". Хранитель подпольного архива организации. Участвовал в создании подпольного архива Варшавского гетто "Онег шаббат". Вместе с Товией Божиковским (см.) был членом снабженче-

ского комитета центрального гетто. 8 мая 1943 года находился в бункере на улице Мила, 18. Был отравлен газами, но сумел вместе с немногими товарищами выйти из бункера. По канализационному тоннелю выбрался на арийскую сторону. На следующий день скончался в роще Ломянки под Варшавой, где и похоронен. Было ему 23 года.

ВЕРТХЕЙМ-КОРНЯНСКАЯ ИТКА — родилась в Люблине. Жена Иосефа Корнянского (см.). Когда началась война, работала в киббуце-хахшара в городе Домброва-Гурнича. После возвращения в родной город — связная "Дрора", осуществлявшая контакты между воеводским центром в Люблине и периферией. В начале 1941 года была направлена в Словакию и через Венгрию добралась до Эрец-Исраэль, где поселилась в киббуце Дафна. Скончалась в 1975 году в возрасте 57 лет.

ВИЛЬНЕР АРЬЕ (настоящее имя Исраэль Хаим, подпольная кличка — Юрек) — уроженец Варшавы. Один из организаторов халуцианского подполья в Вильно. В начале 1942 года прибыл по заданию "Хашомер хацаир" в Варшаву, где вошел в руководство организации. Один из руководителей киббуца на улице Налевки, 23. В конце 1942 года был направлен в Ченстохову и Краков с целью организовать там еврейскую самооборону.

Представитель Еврейской боевой организации на арийской стороне. В результате доноса был арестован гестапо. Подвергался пыткам в застенках гестапо на аллее Шука и в тюрьме Павиак. Бежал из трудового лагеря в Рамбертове. 8 мая 1943 года покончил с собой в бункере на улице Мила, 18. Было ему 26 лет.

ВИЛЬЧИНСКАЯ СТЕФА — уроженка Варшавы. Из ассимилированной еврейской семьи. Воспитательница, ближайшая помощница Януша Корчака (см.). Незадолго до войны поселилась в Эрец-Исраэль в Эйн-Ха-

роде. В 1939 году вернулась в Польшу, чтобы помочь Корчаку репатрироваться в Эрец-Исраэль. Сочувствовала и помогала подпольной организации "Дрор". Во время большой акции пошла вместе с детьми-сиротами на Умшлагплац и была отправлена в Трешлинку. Было ей 56 лет.

ВИНИЦКАЯ-КЛИБАНСКАЯ БРОНКА — уроженка Гродно. Член подпольной организации "Дрор". Связная Еврейской боевой организации на арийской стороне Белостока. Активистка местного подпольного антифашистского комитета. Спрятала архив Мерсика — Тенненбаума. В настоящее время живет в Израиле.

ВИНИЦКИЙ МОНЕК — уроженец Люблина. Один из организаторов и руководителей "Дрора" в подполье. Член районного руководства организации. Обстоятельства гибели неизвестны.

ВИТОЛЬД — см. ЮЗВЯК ФРАНЦИШЕК.

ВИЦЕР — преподаватель подпольной гимназии "Дрора". Член Еврейской боевой организации. Погиб по дороге на партизанскую базу в Вербковице.

ВОЛЫНСКИЙ ГЕНРИК (ВАЦЛАВ) — поляк, уполномоченный по еврейским вопросам Армии Крайовой. Поддерживал действия Еврейской боевой организации. Боролся против антисемитских настроений в командовании Армии, доказывал несправедливость обвинений в адрес евреев, бежавших из гетто и лагерей, в грабеже и притеснении польского населения. Имя Волынского внесено в списки праведников народов мира мемориальным институтом "Яд ва-Шем". В настоящее время проживает в Польше.

ГАЙДУК (подпольная кличка) — поляк, член Армии Крайовой, воспитанник организации скаутов. Один из близких друзей Ирены Адамович (см.). Работал,

по-видимому, в разведке Армии Крайовой. Погиб во время польского восстания 1944 года.

ГАЙЕК ВЛАДИСЛАВ (КШАЧЕК) — поляк. Был направлен Гвардией Людовой на помощь бойцам Варшавского гетто, объятаго огнем пожарищ. Организовал выход групп бойцов из канализационного тоннеля и участвовал в их переброске в роцку Ломянки под Варшавой, а оттуда в Вишков. Впоследствии выяснилось, что Гайек сотрудничал с польской полицией. По его вине погибли многие бойцы-евреи в Варшаве и Ченстохове. После разоблачения был осужден командованием Гвардии Людовой на смерть. Исчез в январе 1944 года при невыясненных обстоятельствах.

ГАФТЕК БАРУХ — уроженец Пултуска, преподаватель. Руководил подпольной деятельностью организаций "Хехалуц" и "Дрор" в Бендзине. Опекал детей, осиротевших в результате акций. Командир Еврейской боевой организации в Бендзине. Погиб 3 августа 1943 года в возрасте 30 лет при обороне бункера организации.

ГЕЛЕР ЗЕЛИГ — промышленник. Прибыл в Варшаву из Лодзи. Агент гестапо. Убит немцами вместе с другими беженцами во время большой акции в июле 1942 года.

ГЕЛЕР ЭЛИЭЗЕР — родился в местечке Опочно. В сентябре 1939 года сражался в рядах польской армии. Вернувшись из плена, принял участие в организации движения "Гордония" на территории Генерал-губернаторства. Основал вместе с товарищами киббуц организации "Гордония". Редактировал подпольные издания. Во время большой акции в Варшавском гетто ушел в Заглембю; вернулся в Варшаву в конце 1942 года. Во время январского восстания воевал в отряде "Дрора". Был командиром отряда на территории щеточных мастерских. Активист Еврейского

координационного комитета. Во время апрельского восстания возглавлял оборону территории мастерских Теббенса-Шульца. 29 апреля вышел через канализационный тоннель на арийскую сторону. Единственный, кому удалось спастись из охваченного пламенем здания целлулоидной фабрики, служившей убежищем для бойцов Еврейской боевой организации. Получил тяжелые ожоги лица и рук. Летом 1943 года с фальшивыми документами подданного одной из южноамериканских республик попал в лагерь иностранных подданных в Берген-Бельзене. 21 октября был депортирован в Освенцим, где и погиб в возрасте 25 лет.

ГЕЛЬБАРД-ФИШМАН ХАНА — уроженка Прушкува. В начале 2-й мировой войны находилась в киббуце в Бендзине. После долгих скитаний по стране прибыла в Варшаву. Принимала активное участие в создании подпольной организации "Дрор". Занималась воспитанием молодежи. Была связной, осуществлявшей контакты между подпольным центром в Варшаве и другими городами. В мае 1941 года была направлена в Словакию для изыскания возможностей нелегальной алии. В Израиле — член киббуца Дафна.

Ее свидетельства, написанные в соавторстве с Иерахмилом Хельфготом (см.), опубликованы на иврите в книге "Мибейн хомот Варша" ("В стенах Варшавы").

ГЕРМАН ЮДКА — уроженец Пинска. Член киббуца Гват в подмандатной Палестине. В 1939 году, еще до войны, был направлен Хистадрутом и объединением "Хакиббуц хамеухад" в Польшу для работы в организации "Хехалуц". Один из основателей подпольного "Дрора" на территории, присоединенной к Советскому Союзу. В феврале 1940 года вернулся в Эрец-Исраэль.

Его воспоминания опубликованы на иврите в сборнике "Бимей Шоа" ("В дни Катастрофы").

ГЕНДЛЕР ОСКАР-ИЕШАЯХУ — уроженец Людвигсхафена (Германия). Активист организации "Хабоним",

а после прихода Гитлера к власти — деятель ЦК "Хехалуца" в Берлине. Как сын польских подданных был изгнан в Польшу и там присоединился к центру "Хехалуца" в Варшаве. Руководил отделом по организации молодых евреев, изгнанных из Германии. Активист "Хехалуца" и "Дрора" на территориях, присоединенных к Советскому Союзу. В июне 1940 года был арестован и осужден. Отбывал наказание в лагере на Урале. В апреле 1945 года вернулся в Польшу и по заданию "Дрора" отправился в Румынию. Принимал активное участие в организации сионистской работы в лагерях беженцев и перемещенных лиц в Германии. В Израиле с 1948 года. Один из основателей киббуца Лохамей хагеттаот. Скончался в 1978 году в возрасте 69 лет.

ГЕРМАН ПЕСЯ — член "Дрора" и киббуца на улице Дзельная. В августе 1942 года вместе с группой членов "Дрора" и "Хашомер хацаир" направлялась в леса Межирича. Была схвачена и отправлена как полька на принудительные работы в Германию. В настоящее время живет в Израиле.

ГЕРШЕЛЕ — см. ДАНИЛЕВИЧ ГЕРШЕЛЕ.

ГЕРШУНИ ГДАЛЬЯХУ — уроженец Белостока, происходит из семьи известного революционера Григория Гершуни. Секретарь киббуца на Дзельной, 34. Во время большой акции в конце августа 1942 года возглавлял отряд, с которым предполагал создать партизанскую базу в окрестностях Хрубешува. Вместе с товарищами был снят с поезда и расстрелян. Было ему 28 лет.

ГЕПНЕР АВРААМ — уроженец Варшавы. Владелец предприятий и магазинов металлостроительных материалов. Возглавлял отдел снабжения варшавского юденрата. Симпатизировал еврейскому подполью, в особенности халуцианскому движению. В начале 1942 года обратился к представителю "Хехалуца" (при

посредничестве Пинхаса Васермана из организации "Тора веавода", который в период оккупации руководил отделом юденрата по регистрации жителей гетто и тоже симпатизировал халуцианскому подполью) с предложением создать подпольную радиостанцию и рассказать всему миру о немецких зверствах. Обещал поддержать это начинание, которое так и не удалось осуществить, из своих личных средств. Щедро помогал деньгами Еврейской боевой организации. Был связан дружескими отношениями с Цивьей Любеткиной. Во время апрельского восстания предоставил в распоряжение бойцов свой бункер с запасом продовольствия. Был убит 3 мая 1943 года в бункере на Францишканской улице. Было ему около 70 лет.

ГЖЕНДА-КЛИГЕР ШОШАНА — уроженка Варшавы. Член молодежной группы "Дрора" в подполье. Участвовала в семинаре организации. Принимала активное участие в воспитательной работе и в распространении подпольной литературы. В день акции в гетто 22 июля 1942 года была схвачена гестапо с последним номером "Иедиес", печатным органом "Дрора", призывавшим к сопротивлению, и брошена в тюрьму Павиак. Выдала себя за польку и была отправлена в концлагерь Майданек; в дальнейшем неоднократно переводилась из лагеря в лагерь. В настоящее время проживает в Израиле. Член киббуца Рамат Хаковеш.

ГИТЕРМАН ИЦХАК — уроженец Горностополя (Украина). Один из руководителей отделения "Джойнта" в Польше. В начале 2-й мировой войны перебрался из Варшавы в Вильно. Пытался бежать в Швецию, но был арестован немцами и отправлен в лагерь военнопленных. Вернулся затем в Варшаву. Участвовал в ряде культурных мероприятий и содействовал созданию тайного архива Варшавского гетто, а также сельскохозяйственной фермы в Грохове. Сторонник идеи вооруженного сопротивления немцам. Состоял в общественном комитете Еврейской боевой организации, занимал

ся мобилизацией средств на приобретение оружия. Погиб 18 января 1943 года во время первого восстания в возрасте 54 лет.

ГЛАНЦ РИВКА — родилась в Конине. К началу 2-й мировой войны находилась в подготовительном халуцианском отряде в городе Гдыня. Оттуда прибыла в Лодзь, оккупированную немцами. Некоторое время была секретарем председателя юденрата Мордехая Хаима Румковского (см.), но убедившись в предательской деятельности юденрата, переехала в Варшаву. Одна из организаторов подпольного "Дрора". В конце 1940 года руководила всей подпольной деятельностью в Люблинском воеводстве. В конце 1941 года создала киббуц в Ченстохове. Член командования местной Еврейской боевой организации. Во время первой акции в гетто (в Судный день 1942 года) участвовала в вооруженной самообороне. После подавления сопротивления отправилась по поручению Еврейской боевой организации на арийскую сторону Варшавы для связи с подпольщиками. Отклонила предложение перевести бойцов на партизанскую базу и отказаться от подготовки восстания в Ченстоховском гетто. Погибла 26 июня 1943 года в возрасте 28 лет при попытке прорваться в арийскую часть Варшавы.

ГЛАТШТЕЙН ИСРАЭЛЬ — композитор. Близкий друг Ицхака Кацнельсона (см.). Написал музыку к либретто по пьесе И. Кацнельсона "Фатима" (опера была поставлена в Нью-Йорке труппой Мориса Шварца), а также ко многим стихам Кацнельсона. Изгнан из Германии в Польшу в 1939 году; жил в Варшавском гетто. Погиб во время большой акции.

ГЛИКШТЕЙН ИЕХУДА — уроженец Варшавы. Активист организации "Хашомер хацаир" в гетто. В конце 1941 года был направлен в Ченстохову для создания там киббуца. В сентябре 1942 года был членом командования местной Еврейской боевой организации. В

1943 году пытался вместе с группой бойцов создать партизанскую базу возле Концеполя, куда собирался перевести уцелевших жителей гетто и бойцов Еврейской боевой организации из трудового лагеря Хасаг. Убит польской военной фашистской организацией, уничтожавшей евреев, демократов и коммунистов. Было ему 22 года.

ГОЛОВНЕР ЭДЕК (ИЦХАК) – уроженец Вены, жил во Львове. Талантливый педагог и воспитатель. Участвовал в создании подпольных организаций “Хехалуц” и “Дрор” на территориях, присоединенных к Советскому Союзу. Руководил нелегальной переброской людей через румынскую границу. Один из редакторов подпольной прессы. Принадлежал к числу ведущих деятелей халуцианского движения в довоенный период и в подполье. В результате доноса был арестован советскими властями и заключен в луцкую тюрьму. По некоторым сведениям, после захвата города немцами использовался ими в качестве переводчика. Обстоятельства гибели неизвестны. Было ему 27 лет.

ГОЛЬДФАРБ ЦВИ – уроженец города Бяла Подляска. Активист “Дрора”. Весной 1941 года был направлен в Словакию с целью проложить пути нелегальной алии в Эрец-Исраэль. Ведущий деятель “Дрора” и подпольного халуцианского движения в Венгрии, активно участвовал в акциях спасения евреев. Организатор еврейской самообороны. Был арестован немцами и подвергся жестоким пыткам. Освобожден из будапештской тюрьмы группой товарищей, воспользовавшихся фальшивыми документами. После изгнания немцев из Венгрии развернул в широких масштабах работу по нелегальной алии. В Израиле организовал киббуц Фарод. Умер в 1977 году в возрасте 56 лет.

Письменные свидетельства Гольдфарба о Катастрофе хранятся в архиве “Бет Лохамей хагеттаот”; частично опубликованы на иврите в книге “Ад кав хакец” (“До последней черты”).

ГРАБОВСКИЙ ХЕНЕК — поляк, скаут, во время оккупации — член Армии Крайовой. После нападения Германии на Советский Союз был направлен Иреной Адамович (см.) для проверки положения евреев Вильно и для связи с активистами организаций "Дрор" и "Хашомер хацаир". Вернувшись осенью 1941 года в Варшаву, сообщил об уничтожении евреев Трок, Ландварово и Вильно. После подавления восстания в Варшавском гетто его ларек на рынке служил местом конспиративных встреч еврейских активистов. В настоящее время проживает в Польше.

ГРАЕК ШАЛОМ (СТЕФАН) — уроженец Варшавы. Один из организаторов и член ЦК подпольной организации "Поалей Цион ЦС" в Варшаве, а также один из создателей Еврейской боевой организации и Еврейского координационного комитета. После большой акции сражался на территории мастерских Теббенса-Шульца. По тоннелю, вырытому по его инициативе, группе бойцов удалось выйти из гетто. Подготовил конспиративные квартиры на арийской стороне Варшавы. Участвовал в польском восстании в августе 1944 года. Был схвачен немцами, но чудом спасся. После освобождения Польши принимал активное участие в организации нелегальной алии. В настоящее время живет в Израиле.

Свидетельства Граека о Варшавском гетто опубликованы на иврите в книге "Шлоша йемей крав" ("Три дня сражений").

ГРАНАТШТЕЙН САРА — уроженка Варшавы. Член молодежной группы, примкнувшей к "Дрору". Училась в подпольной гимназии этой организации. Активно участвовала в работе с молодежью и в распространении нелегальной литературы. Была бойцом Еврейской боевой организации. Вместе с Давидом Шульманом и Берлом Бройдо (см.) привела в исполнение смертный приговор, вынесенный Исраэлю Фиршту (см.). 18 января 1943 года, когда вспыхнуло первое восстание, была

схвачена немцами и отправлена в Трeблинку. Обстоятельства гибели неизвестны.

ГРОВАС МОРДЕХАЙ (МЕРДЕК-ТЕРДЕК) – уроженец Варшавы. Активист "Хашомер хацаир" в Варшавском гетто. Командир отряда Еврейской боевой организации. Вместе с Элияху Рожанским привел в исполнение смертный приговор, вынесенный Якову Лейкину (см.). Участвовал в вооруженном сопротивлении в январе 1943 года. Во время апрельского восстания командовал отрядом в центральном гетто. Вместе с группой бойцов вышел через канализационный тоннель на арийскую сторону. Командир отряда Еврейской боевой организации в лесах Вишкова. Летом 1943 года, откликнувшись на провокационный призыв представителей Армии Крайовой о совместных боевых действиях, попал в западню и был убит поляками вместе со всеми бойцами своего отряда. Было ему 22 года.

ГРОСС НЕХЕМЬЯ – уроженец Лейпцига (Германия). Участвовал в халуцианском движении в Польше. Один из организаторов подпольного "Хехалуца" и "Дрора" на территориях, отошедших по разделу 1939 года к Советскому Союзу. Организовал нелегальный переход еврейских беженцев из немецкой оккупационной зоны в Вильно. В январе 1940 года пересек литовскую границу, был арестован и осужден на 5 лет заключения. Отбывал наказание в лагерях на севере Советского Союза. После войны вернулся в Польшу, принимал участие в организации нелегальной алии. Был арестован советскими пограничниками при переходе немецкой границы и заключен в тюрьму в Лейпциге. Впоследствии жил в Израиле. Умер в 1970 году в возрасте 53 лет. Его воспоминания хранятся в архиве "Бет лохамей хагеттаот".

ГРОССМАН ХАЙКА – уроженка Белостока. Активистка подпольной организации "Хашомер хацаир" в Вильно. Прибыла в Варшаву, чтобы рассказать о мас-

совых расстрелах евреев в Понарах. Активистка Еврейской боевой организации в Белостоке. После ликвидации местного гетто участвовала в работе подпольного антифашистского комитета. Переправляла людей на партизанские базы и снабжала их оружием. Живет в Израиле, член киббуца Эврон.

Ее свидетельства о Катастрофе опубликованы на иврите в книге "Аншей махтерет" ("Люди подполья").

ГУЗИК ДАНИЭЛЬ ДАВИД — родился в Варшаве. Один из руководителей "Джойнта" в оккупированной Польше. Пользовался в гетто большим авторитетом. Получил разрешение выехать в нейтральную Португалию с целью организации материальной помощи евреям Генерал-губернаторства. После возвращения в Варшаву был арестован немцами, но вскоре освобожден. Поддержал идею создания сельскохозяйственного комитета, занимавшегося изысканием средств для приобретения оружия. Член руководства Еврейского национального комитета на арийской стороне. После освобождения как руководитель "Джойнта" поддерживал нелегальную алию. Погиб в возрасте 56 лет в 1946 году в авиационной катастрофе при перелете из Парижа в Варшаву.

ГУТМАН ХАНОХ (ГЕНЕК) — уроженец Лодзи. Активист "Дрора" в Варшавском гетто. В августе 1942 года совершил неудачное покушение на Мечислава Шмерлинга (см.). Принимал участие в январском восстании 1943 года. До марта 1943 года командовал отрядом на территории щеточных мастерских. Во время апрельского восстания прорвался со своим отрядом в центральное гетто. Был тяжело ранен в сражении 2 мая. Остался в гетто вместе со своей подругой Файчей Рабовой. Обстоятельства гибели неизвестны. Было ему около 22 лет.

ГУТКОВСКИЙ ЭЛИЯХУ — уроженец Кальварьи, жил в Лодзи. Сын раввина Якова Гутковского. После окку-

пации немцами Польши прибыл в Варшаву. Активист "Поалей Цион ЦС". Преподавал историю в подпольной гимназии "Дрора". Редактировал вместе с Ицхаком Цукерманом (см.) литературно-исторический сборник на языке идиш "Пайн ун гвуре ин дер идишер гешихте ин лихт дер кегнварт" ("Страдания и героизм в еврейской истории в свете современности") — первую книгу, изданную в подпольной типографии гетто. Был лектором на семинарах "Дрора". Вместе с Имануэлем Рингельблюмом (см.) создал подпольный архив Варшавского гетто "Онег шаббат". Редактировал бюллетень архива. Был тесно связан с организацией "Дрор" и ее активистами. Погиб вместе с женой Любой и маленьким сыном Гавриэлем Зеевом, пытаюсь выбраться через канализационные каналы на арийскую сторону Варшавы. Многие его рукописи сохранились в подпольном архиве.

ДАНИЛЕВИЧ ГЕРШЕЛЕ — еврейский народный поэт известный под именем Гершеле. Умер от голода в Варшавском гетто в 1941 году в возрасте 59 лет. Его архив и стихи, написанные во время войны, были доставлены вдовой на ул. Дзельную, 34 и переданы фольклористу Натану Губерману. Все литературное наследие Данилевича погибло, за исключением двух стихотворений, опубликованных в подпольной газете "Дрор" №№ 7-8 (13).

ДОБУХНА ШАУЛ — уроженец Варшавы. Один из самых выдающихся инструкторов "Дрора". Работал в Варшаве, затем перенес свою деятельность в район Хрубешува. Содействовал созданию партизанской базы в Вербковице. Организовал киббуц-хахшара "Дрора". Погиб в начале сентября 1942 года в возрасте 19 лет.

ДОМБРОВСКИЙ ДАВИД — учитель, родственник Ицхака Кацнельсона. До войны руководил ивритской школой в Лодзи, основанной Кацнельсоном. Заведовал детским приютом в Варшавском гетто. Во время большой

акции в августе 1942 года был отправлен вместе со своими воспитанниками на Умшлагплац и оттуда вывезен в Трешлинку.

ДРЕНГЕР ШИМШОН (МАРЕК) — один из руководителей подпольного движения "Акива", центр которого находился в Кракове. Наладил деятельность организации в Генерал-губернаторстве. Принимал участие в создании Еврейской боевой организации в Краковском гетто и был командиром отряда. Руководил фабрикацией фальшивых документов. В январе 1943 года был арестован агентами гестапо. В тюрьме Монтелупи встретился с товарищами, членами Еврейской боевой организации, которые были схвачены немцами во время вооруженных стычек в декабре 1942 года. 29 апреля 1943 года был выведен вместе с Лабаном (Авраамом Лейбовичем — см.) и другими бойцами на казнь, но по дороге бежал. В окрестностях Бохни встретился со своей подругой Густой. Редактировал "Хехалуц халохем" — орган Еврейской боевой организации в Кракове, призывавший евреев не подчиняться немецким приказам и оказывать сопротивление. Осенью 1943 года попал вместе с Густой в руки гестапо. Было ему 27 лет.

ЗАК ИОСЕФ — уроженец Пшемысля. Жил в Ченстохове, преподавал всемирную и польскую литературу. Общественный деятель в Варшавском гетто. Член "Поалей Цион ЦС". Один из организаторов, а впоследствии директор подпольной гимназии "Дрора". Член руководства антифашистского блока и член редколлегии его печатного органа на языке идиш "Дер руф". Поддерживал тесные связи с Еврейским национальным комитетом на арийской стороне Варшавы. Скончался в Израиле в 1965 году в возрасте 67 лет.

ЗЕЛЬЦБЕРГ ДАВИД — уроженец Варшавы. Активист подпольного "Дрора" в Варшаве, в дальнейшем дейст-

вовал в районе Люблина. Обстоятельства гибели неизвестны. Было ему около 25 лет.

ЗЕЛМАНОВСКАЯ — жена Хаима Зелмановского (см.). Преподавательница подпольной гимназии "Дрора". Погибла во время большой акции в Варшавском гетто.

ЗЕЛМАНОВСКИЙ ХАИМ — уроженец Новогрудка. Биолог. Один из руководителей подпольной гимназии "Дрора" в Варшавском гетто. Был лектором на семинарах этой организации. Во время апрельского восстания 1943 года был депортирован в концлагерь в окрестностях Люблина, а затем в Германию. В настоящее время живет в Израиле.

ЗАТВАРНИЦКИЙ — поляк, владелец имения в Чернякове (предместье Варшавы). В середине 1940 года предоставил работу в своем имении большой группе халуцим из "Дрора", относился к ним с уважением и не вмешивался в их жизнь. В конце 1942 года все рабочие-евреи по приказу немецких властей были переведены в гетто. На полях имения Затварницкого нашли убежище некоторые из бойцов, вырвавшихся из горящего гетто.

ЗЕЛИКОВИЧ — врач. Скрывался на арийской стороне Варшавы. После подавления польского восстания работал чернорабочим при больнице Бернерово в предместье Варшавы. Вместе с женой участвовал в спасении бойцов Еврейской боевой организации, прятавшихся в городских развалинах. После войны некоторое время жил в Израиле, затем уехал в Австралию.

ЗИМАК ЛИЛЬКА — родилась в Варшаве. Активистка "Дрора" в гетто. Во время апрельского восстания сражалась в отряде Берла Бройдо (см.). Была связной командира центрального гетто Исраэля Канала (см.). 7 мая 1943 года была направлена вместе с Павлом (Аароном Брускиным — см.) и несколькими товарища-

ми выяснить возможность отступления из гетто по канализационным тоннелям. При выходе из люка вся группа погибла в схватке с немецким патрулем и польскими полицейскими. Было ей 23 года.

ЗИМАК НАФТАЛИ — уроженец Варшавы. Брат Лильки Зимак (см.). Воспитанник подпольного семинара "Дрора". Некоторое время находился на сельскохозяйственной ферме в Чернякове. Принимал участие в организации киббуца в Ченстохове. Вместе с группой товарищей был направлен в Краков с целью укрепления местной Еврейской боевой организации. 23 декабря 1942 года привел в исполнение смертный приговор предателю — жителю гетто. В начале января 1943 года вернулся в Варшаву. Участвовал в январском, затем в апрельском восстании; погиб в бою в возрасте 21 года.

ИСРАЭЛЕВИЧ (ИЗРАЭЛЕВИЧ) ХЕШЕК — уроженец Кракова. Один из создателей отряда "Дрора" в городе. Инициатор переброски евреев через границу в Словакию. Член Еврейской боевой организации. Был арестован и заключен в тюрьму Монтелупи. Убит в марте 1943 года. Было ему около 28 лет.

ИЦХАК — см. ЦУКЕРМАН ИЦХАК.

КАЗИК — см. РАТХАЙЗЕР СИМХА.

КАЙЩАК БРОНИСЛАВ — поляк, крестьянин, житель села Ломянки под Варшавой. Боец Армии Крайовой. Случайно наткнувшись на евреев, скрывавшихся в роще возле его деревни, оказал им помощь, доставлял продукты питания и передавал информацию, которую получал от брата — старосты деревни. Прятал в своем доме Лейзера Левина (см.) с семьей. Стал жертвой доноса, однако с помощью своих друзей, еврейских бойцов, успел скрыться в Варшаве. Немцы сожгли его дом.

КАМИНСКИЙ АЛЕКСАНДР (ГУБЕРТ) — поляк, один из руководителей организации польских скаутов. Друг Ирены Адамович (см.). Во время войны — главный редактор центрального печатного органа Армии Крайовой "Бюллетень информации". Симпатизировал Еврейской боевой организации и боролся, по мере возможности, с антисемитскими тенденциями в Армии Крайовой. После войны подвергался преследованиям со стороны новых властей. В дальнейшем — профессор университета в Лодзи.

КАНАЛ ИСРАЭЛЬ — уроженец Быдгощи. Во время войны находился в Варшавском гетто. Активист организации "Акива". По заданию своей организации вступил в еврейскую полицию — орденунгсдинст. Один из первых бойцов Еврейской боевой организации. 20 августа совершил покушение на Юзефа Анджея Шеринского (см.) — начальника орденунгсдинста. Во время январского восстания сражался на территории мастерских Теббенса-Шульца. В апреле был назначен командиром центрального гетто. Вместе с группой бойцов вышел на арийскую сторону через канализационный тоннель, затем перебрался в леса в районе Вишкова. В августе вернулся в Варшаву и с фальшивыми документами подданного одной из южноамериканских республик попал в лагерь для иностранных подданных Берген-Бельзен. В октябре 1943 года был депортирован в Освенцим, где и погиб в возрасте 23 лет.

КАПЛАН ИОСЕФ — уроженец Калиша. После оккупации Польши Германией работал в советской зоне и в Вильно, затем вернулся в Варшаву. В начале 1940 года вместе с Тосей Альтман (см.) восстановил подпольное движение "Хашомер хацаир" на территории Генерал-губернаторства. Был лектором на семинарах, редактировал сборник статей о движении "Хашомер хацаир" в подполье, в целях конспирации названный "Пшеглонд рольнич" ("Сельскохозяйственное обозре-

ние”). Один из организаторов нелегальной алии через Словакию. Создатель сельскохозяйственной фермы в селении Жарки возле Ченстоховы и городских киббуцов ”Хашомер хацаир”. Один из организаторов и первых командиров Еврейской боевой организации. Инициатор поджога опустевших домов. Переправлял бойцов на партизанские базы в окрестностях Межирича и Хрубешува. 3 сентября 1943 года был арестован гестапо и заключен в тюрьму Павиак. Казнен 11 сентября. Похоронен товарищами на территории спортивного клуба ”Скра” возле еврейского кладбища. Было ему 29 лет.

Дневник, который он вел с первых дней оккупации, Каплан передал на хранение Ирине Адамович (см.). В начале 1943 года она отдала дневник Арье Вильнеру (см.), но тот был арестован, и дневник попал в гестапо.

КАЦ ЛЕЙБ — уроженец Ломжи. Адвокат. Член руководства ”Поалей Цион ЦС” в Варшавском гетто. Редактировал подпольную прессу, заведовал школой ”Шул-культ”. Во время апрельского восстания вместе с семьей находился в бункере по ул. Лешно, 36, на территории мастерских Теббенса-Шульца. Не желая попасть живыми в руки немцев, все члены семьи покончили жизнь самоубийством.

КАЦ ЯКОВ — уроженец местечка Могельница. Активист киббуца на ул. Дзельной в подпольного ”Дрора”. Боец Еврейской боевой организации. В конце августа 1942 года был направлен на партизанскую базу в окрестностях Хрубешува. Убит агентами гестапо. Было ему 26 лет.

КАЦНЕЛЬСОН ИЦХАК — уроженец местечка Кареличи (Белоруссия), жил в Лодзи. Писатель, поэт, педагог; один из основоположников ивритского театра, драматург и режиссер. Писал на иврите и на идише. Друг и наставник целого поколения писателей еврей-

ского возрождения. После оккупации Лодзи немцами бежал в Варшаву. Публиковал свои произведения в нелегальных изданиях "Дрора". Был преподавателем подпольной гимназии и лектором на семинарах. Поддерживал халуцианское движение в довоенный период и в подполье. Жена Кацнельсона Хана (см.) и два младших сына погибли во время большой акции. Кацнельсон сражался в рядах еврейских бойцов во время январского восстания 1943 года. В период апрельского восстания нашел временное убежище на арийской стороне. В середине 1943 года ему удалось достать фальшивые документы подданного одной из южноамериканских республик и вместе со старшим сыном Цви (см.) попасть в лагерь интернированных в Витель (оккупированная Франция). 18 марта 1944 года был отправлен в Освенцим; погиб в начале мая в возрасте 58 лет.

Многочисленные произведения Кацнельсона, созданные в период немецкой оккупации, сохранились в тайнике на ул. Дзельной, 34. Одно из его произведений сохранилось в подпольном архиве. Стихи и пьесы, написанные в Вителе, были зарыты в землю и обнаружены после освобождения Франции. Элегическая поэма "Об убитом еврейском народе" Кацнельсона опубликована на идише, иврите, итальянском, французском, английском, немецком языках и, с купюрами, на польском. Именем Кацнельсона назван мемориальный музей в киббуце Лохамей хагеттаот, а также улицы во многих городах Израиля.

КАЦНЕЛЬСОН ХАНА (девичья фамилия Розенберг) — жена Ицхака Кацнельсона (см.). Вместе с двумя сыновьями погибла в Трешлинке после большой акции в Варшаве.

КАЦНЕЛЬСОН ЦВИ — старший сын Ханы и Ицхака (см.), родился в Лодзи. Учился в подпольной гимназии "Дрора". Был бойцом Еврейской боевой организации. В декабре 1942 года вместе с товарищами пред-

принял покушение на еврея — агента гестапо. Был схвачен, но освобожден товарищами. Во время январского восстания сражался в одном из отрядов "Дрора". В период апрельского восстания скрывался вместе с отцом на арийской стороне Варшавы. Некоторое время находился в одном бункере с Имануэлем Рингельблюмом (см.). С помощью фальшивых документов добрался до лагеря Витель в оккупированной Франции. В начале мая 1944 года в возрасте 18 лет погиб в Освенциме.

КЛЕПФИШ МИХАЭЛЬ — уроженец Варшавы, инженер. Активист Бунда. Член Еврейской боевой организации. Действовал в качестве представителя Еврейской боевой организации на арийской стороне. Между январем и апрелем 1943 года организовал доставку оружия в гетто. Достал рецепт воспламеняющейся смеси для "бутылок Молотова". Был соратником Арье Вильнера (см.). Погиб в бою во время апрельского восстания на территории щеточных мастерских. Было ему 30 лет.

КОЗИБРОДСКАЯ ЛЁНКА — уроженка Прушкува, дочь Авраама Козибродского и сестра Давида (см.). Одна из самых активных связных "Хехалуца" и "Дрора". Арийская внешность и знание языков помогли ей поддерживать контакты с немцами, поляками, русскими, украинцами. Посещала города Генерал-губернаторства, Остланда и территории, присоединенные к Рейху. Перевозила газеты, удостоверения, деньги и инструкции центра подпольных организаций в многочисленные филиалы, а также важные документы из Кракова в подпольный архив Варшавского гетто. Готовилась по заданию организации отправиться в Швейцарию в сопровождении одного из членов "Дрора". Однако от этого плана пришлось отказаться, поскольку немецкий офицер — Меценауэр, обещавший свою помощь, в последний момент струсил. В июне 1942 года Козибродская была арестована в Малкине при попытке перейти из Белостокского округа в Гене-

рал-губернаторство. Выдала себя за польку. Была заключена в тюрьму Павиак, откуда сумела связаться с товарищами на ул. Дзельной, 34. В ноябре была депортирована в Освенцим. Умерла от тифа 18 марта 1943 года в возрасте 26 лет.

КОЗИБРОДСКИЙ АВРААМ — учитель в Прушкуве, отец Давида и Лёнки (см.). Воспитал несколько поколений халуцим. В начале войны оказался в числе депортированных из Прушкува в Варшаву. Погиб вместе с женой во время большой акции в начале сентября 1942 года.

КОЗИБРОДСКИЙ (БРОДСКИЙ) ДАВИД — уроженец Прушкува, сын Авраама и брат Лёнки (см.). В начале 2-й мировой войны перебрался из Варшавы в Вильно, где активно участвовал в деятельности "Хехалуца" и "Дрора"; сумел бежать в США. Был мобилизован в американскую армию и направлен на Японский фронт. В настоящее время проживает в Израиле.

КУКЕЛКА-ГЕРШКОВИЧ РЕНЯ — член киббуца "Дрор" в Бендзине. Связная Еврейской боевой организации. Во время одной из поездок была арестована и заключена в тюрьму в Мысловице. С помощью своей сестры Сары и связной Еврейской боевой организации в Варшаве Ирены Гельблум сумела освободиться. В настоящее время проживает в Израиле.

КОМОРОВСКИЙ ТАДЕУШ (БУР) — польский генерал. В 1941—1943 гг. — заместитель командующего подпольной армией, связанной с польским правительством в эмиграции в Лондоне. В дальнейшем, после ареста немцами командующего Армией Крайовой генерала Грот-Ровецкого, был назначен его преемником. Выступал против поддержки Еврейской боевой организации и еврейских партизан. В сентябре-октябре 1944 года возглавил польское восстание в Варшаве. После по-

давления восстания содержался в немецком лагере военнопленных. Умер в эмиграции в возрасте 71 года.

КОН МОРИЦ – промышленник, агент гестапо; прибыл из Лодзи в Варшаву вместе с другими беженцами, убит немцами во время большой акции в Варшавском гетто в июле 1942 года.

КОНИНСКИЙ ААРОН – педагог и воспитатель. Родственник доктора Имануэля Рингельблюма (см.). Активист "Поалей Цион ЦС", поддерживал деятельность "Дрора" в Варшавском гетто. Возглавлял сиротский приют, созданный в "Доме переселенца" на улице Мыльна, 18. Во время большой акции вместе со своими воспитанниками вышел на Умшлагплац, откуда был отправлен в Трешлинку.

КОРНЯНСКИЙ ИОСЕФ – уроженец Белостока. Муж Итки Вертхейм (см.). В начале войны перебрался из Лодзи в Варшаву. Один из организаторов халуцианского подполья. Принимал активное участие в создании киббуцов-хахшара на оккупированных территориях. Многие сделал для укрепления киббуцов на Дзельной, в Грохуве и Чернякове. Весной 1941 года перебрался в Словакию. Один из организаторов халуцианского подполья в Венгрии. Репатриировался в Израиль в 1944 году. Член киббуца Дафна. Его воспоминания, написанные тотчас по приезде в страну, опубликованы на иврите в книге "Бишлихут халуцим".

КОРЧАК ЯНУШ (ГОЛЬДШМИДТ ГЕНРИК) – уроженец Варшавы. Известный педагог, писатель, врач. До войны создал в Варшаве "Дом сирот", воспитательное учреждение нового типа, а также интернат "Наш дом". Читал лекции на Высших педагогических курсах, вел работу в суде по делам малолетних преступников. В гетто продолжал руководить "Домом сирот". Сочувствовал халуцианскому движению. Читал лекции на семинарах "Дрора". Во время большой акции в августе

1942 года пошел вместе с детьми на Умшлагплац, откуда был вывезен в Треблинку. Погиб в возрасте 64 лет. Легенда гласит, что Корчак отказался от предложения палачей покинуть своих воспитанников и тем спасти себе жизнь.

Януш Корчак — автор книг "Дети улицы" (1901), "Моськи, Иоськи и Срули" (1910), "Как любить детей" (1914), "Король Матиуш I" (1923), пьесы "Сенат безумцев" (1931). В гетто (1939—1942) Я. Корчак вел дневник, который после войны был опубликован во многих странах, в том числе и в Израиле.

В 1978 году, во время празднования столетия со дня рождения Я. Корчака, состоялся международный конгресс, посвященный его творческому наследию. Во многих странах были созданы комитеты по увековечению его памяти. Музей кибуца Лохамей хагеттаот выпустил в его честь памятную медаль. Именем Корчака названы воспитательные учреждения и улицы во многих городах Израиля и в других странах.

КАРОЛИНСКИЙ-ЭШКОЛИ ИСРАЭЛЬ — уроженец Суховоля. В начале войны находился в кибуце Борохов в Лодзи, затем перебрался в Варшаву. Член кибуца на Дзельной, 34. В январе 1940 года перешел на советскую территорию. Сражался в рядах сформированной в Советском Союзе Польской народной армии. После войны работал в лагерях для перемещенных лиц на территории Германии. В Израиле — член кибуца Афек.

КУЦЕР ЦВИ — уроженец Вильно. До войны — член кибуца в Грохуве, работал на заводе, изготовлявшем оружие для Хаганы в Эрец-Исраэль. Во время войны ведал снабжением кибуца на Дзельной, 34. В январе 1943 года был депортирован в Треблинку. Обстоятельства гибели неизвестны. Было ему около 29 лет.

КШАЧЕК — см. ГАЙЕК.

ЛАКС АРМИН — уроженец Румынии, жил в Варшаве. Воспитанник подпольной гимназии "Дрора". Руководил ученическими кружками. Член киббуца на ул. Дзельной, 34. Один из самых молодых бойцов Еврейской боевой организации. В конце августа 1942 года был направлен в леса Межирича, где и погиб. Было ему около 19 лет.

ЛАНДОЙ АЛЕКСАНДР — уроженец Галиции, инженер. Долгое время жил в Вене, затем переселился в Варшаву. В Варшавском гетто был одним из создателей подпольного архива "Онег шаббат". Симпатизировал халуцианскому движению. Был членом общественного совета при Еврейском координационном комитете. Вместе со старшим братом Иосефом (см.) являлся владельцем деревообделочного завода, на котором до войны работала большая группа халуцим с сельскохозяйственной фермы в Грохуве. Завод был конфискован немцами. Во время большой акции на этом предприятии нашли убежище многие партийные активисты, руководители молодежных движений, общественные деятели, писатели. В апреле 1943 года перешел на арийскую сторону и оттуда, с документами гражданина одной из южноамериканских республик, отправился в Витель — лагерь для иностранных подданных на территории оккупированной Франции. Погиб в Освенциме.

Его дочь Маргалит, член организации "Хашомер хацаир", вместе с Элияху Рожанским привела в исполнение смертный приговор Якову Лейкину (см.). Погибла 18 января 1943 года в возрасте 17 лет в уличном бою, когда ее вместе с бойцами отряда Мордехая Анелевича пытались доставить на Умшлагплац.

ЛАНДОЙ ИОСЕФ — уроженец Галиции, старший брат Александра (см.). По-видимому, разделил его участь.

ЛАНДОЙ МИХАЭЛЬ ИРМИЯХУ — уроженец Лодзи, адвокат. Вместе с другими беженцами попал в Вар-

шаву. Член подпольной организации "Поалей Цион ЦС". Поддерживал подпольный "Дрор", выступал с лекциями на семинарах. После большой акции нашел убежище на арийской стороне Варшавы. С середины 1943 года вместе с женой Ривкой находился в лагере для иностранных подданных в Берген-Бельзене. После войны жил в Израиле. Умер в 1971 году в возрасте 59 лет.

ЛЕВАРТОВСКИЙ ИОСЕФ — см. **ФИНКЕЛЬШТЕЙН ИОСЕФ**.

ЛЕВИ ПЕРЛА ПОЛЯ — уроженка Лодзи, невестка Лейзера Левина (см.). Преподавательница химии в подпольной гимназии "Дрора". После ликвидации гетто нашла убежище на арийской стороне. Проживала в Израиле. Умерла в возрасте 60 лет.

ЛЕВИН ЛЕЙЗЕР (ЭЛИЭЗЕР) — прибыл в Варшаву из Лодзи вместе с другими беженцами. Активный деятель "Поалей Цион ЦС" и Организации еврейской взаимопомощи в гетто; инспектировал общественные столовые. Сторонник вооруженного сопротивления. Во время апрельского восстания перебрался по канализационному тоннелю с территорий мастерских Теббенса-Шульца на улицу Огородова на арийской стороне Варшавы, а оттуда — в рошу Ломянки. Работал в Еврейском национальном комитете на арийской стороне. В Израиле был членом киббуца Ягур. Умер в 1967 году в возрасте 76 лет.

ЛЕВИНА ДИНА — уроженка Лодзи. Дочь Лейзера Левина (см.). Воспитанница гимназии "Дрора" в Варшавском гетто. Активистка ученических кружков, член Еврейской боевой организации. В конце августа 1942 года направлялась вместе с товарищами на партизанскую базу "Дрора" в окрестностях Хрубешува и погибла по дороге. Ей было около 20 лет.

ЛЕЙБОВИЧ АВРААМ ЛЕЙБ (ЛАБАН) — уроженец Кракова. Один из организаторов "Дрора" на территориях, отошедших к Советскому Союзу. Вернувшись в Краков, занятый немцами, принимал активное участие в создании сионистского подполья в Западной Галиции. В начале 1941 года организовал нелегальный переход халуцим из Генерал-губернаторства и Верхней Силезии в Словакию. 20 июля 1942 года прибыл в Варшаву на совещание, был схвачен польской полицией и заключен в тюрьму Геншувка, где содержались евреи. Усилиями товарищей был освобожден в первый день большой акции. Вернулся в Краков, где принимал активное участие в создании Еврейской боевой организации; в сентябре 1942 года стал ее командиром. Организовывал нападения на немецкие кафе и другие операции, известные как самые дерзкие вооруженные выступления на территории оккупированной Польши. В ночь на 24 декабря 1942 года многие члены Еврейской боевой организации стали жертвой предательства и были схвачены гестапо. На следующий день был арестован и Лейбович. 29 апреля 1943 года, когда его вместе с Шимшоном Дренгером (см.) и другими бойцами везли на казнь, разрезал лезвием бритвы брезент грузовика и пытался бежать. Был схвачен и убит в лагере Плашув. Ему было 26 лет.

Ицхак Кацнельсон (см.) посвятил Лейбовичу одно из своих стихотворений (текст не сохранился).

ЛЕЙКИН ЯКОВ — юрист. Помощник начальника еврейской полиции (орденунгсдинста) Юзефа-Анджея Шеринского (см.), в дальнейшем начальник полиции. Принимал активное участие в проведении большой акции. По приговору Еврейской боевой организации был казнен 29 октября 1942 года. Приговор привели в исполнение Элияху Рожанский, Мордехай Гровас (см.) и Маргалит Ландой (см. Александр Ландой).

ЛЕРЕР ИЕХИЭЛЬ — уроженец местечка Мрози, Варшавского воеводства. Еврейский поэт, писавший на

языке идиш. Активист "Поалей Цион ЦС" и Организации по распространению еврейской культуры в подполье. Опубликовал в подпольном издании "Дрора" стихотворение "Дер ойггебенгтер фрилинг" ("Выстрадавшая весна"), подписав его инициалами М. Х. (Мешорер Халуцим — Халуцианский поэт), и отрывок из второй части поэмы "Майн хейм" ("Мой дом"). Перевел на идиш поэму Шаула Черниховского "Борух из Магенцы" и опубликовал ее в антологии "Пайн ун гвуре" ("Страдания и героизм" — подпольное издание "Дрора"). Погиб в январе 1943 года в возрасте 43 лет.

ЛЕРЕР ЦИПОРА — уроженка местечка Почаев на Волыни. После оккупации Лодзи немцами некоторое время продолжала работать в киббуце имени Борохова, а затем перебралась в Варшаву. Воспитательница в "Доме сирот", которым руководили Януш Корчак (см.) и Стефа Вильчинская (см.). Член Еврейской боевой организации. Во время апрельского восстания сражалась в группе Ханоха Гутмана (см.). Погибла в бою 3 мая 1943 года в возрасте 23 лет.

ЛИБЕСКИНД ДОЛЕК (ААРОН) — родился в 1912 году. Вместе с Шимшоном Дренгером (см.) возглавлял организацию "Акива" в оккупированной Польше. Некоторое время был членом президиума Организации еврейской взаимопомощи, руководил отделом сельскохозяйственной подготовки. Один из самых выдающихся деятелей еврейского подполья. Принимал участие в создании Еврейской боевой организации в Кракове, был одним из ее командиров. Планировал дерзкие нападения на немцев в кафе и на улицах арийской части города. В декабре 1942 года был застигнут агентами гестапо в квартире Лабана-Лейбовича (см.), где ждал возвращения бойцов, участвовавших в очередной операции. Погиб, отстреливаясь.

ЛИНДЕР МЕНАХЕМ — родился в Снятине в 1911 году. До войны сотрудничал в Институте еврейских

знаний. Юрист, экономист. Редактор журнала "Идише экономик". В оккупированной Варшаве занимался организацией социальной помощи. Один из создателей подпольного архива. Был лектором на семинарах "Дрора" и публиковал свои труды в подпольных изданиях ("Идише экономик", "Дрор"). Инициатор создания Организации по распространению еврейской культуры. Убит гестаповцами в ночь на 18 апреля 1942 года.

Часть его сочинений, написанных во время войны, сохранилась в архиве "Онег шаббат".

ЛИТЕВСКАЯ РЕГИНА — родилась в Лодзи. Вместе с другими беженцами прибыла в Варшаву. Активистка "Дрора" в Варшаве и в Кельце. Погибла во время большой акции в августе 1942 года в возрасте 25 лет.

ЛИХТШТЕЙН МОШЕ — уроженец Люблина. Активист профсоюзов, в которых представлял партию "Поалей Цион ЦС". Член ЦК этой партии в Варшавском гетто. Погиб во время большой акции в сентябре 1942 года в возрасте 47 лет.

МАДЗИЯ (фамилия неизвестна) — присоединилась к "Дрору" вместе с группой "левой" молодежи. Занималась в подпольной гимназии "Дрора". Много времени уделяла воспитательной работе с детьми во дворах гетто. Участвовала в драматическом ансамбле, которым руководил Ицхак Кацнельсон (см.). Исчезла во время большой акции.

МАРГУЛИС ЭДЕЛЬМАН ЭЛЛА — уроженка Лодзи. Связная Бунда и Еврейской боевой организации на арийской стороне Варшавы. 15 октября 1944 года, через полтора месяца после подавления польского восстания, по поручению польского Красного Креста организовала спасательную группу и вывела из Варшавы бойцов Еврейской боевой организации, которые

прятались в подвале разрушенного здания на берегу Вислы. После войны жила в Польше, затем переехала во Францию.

МЕИР – см. **ФИНКЕЛЬШТЕЙН МЕИР**.

МЕРИН МОНЕК (МОШЕ) – во время немецкой оккупации возглавлял юденрат в городе Сосновце, затем стал главой центра юденратов Верхневосточной Силезии. Был слепым исполнителем немецких приказов. Боролся с халуцианским подпольем и пытался создать молодежную организацию под своим руководством. Участвовал лично в акциях по депортации евреев. В июне 1943 года вместе с другими членами юденрата был вывезен в Освенцим и там погиб.

МЕРСИК ЦВИ – уроженец местечка Мельница под Ковелем. Один из организаторов подпольного "Дрора" на территориях, занятых Советским Союзом. Активно действовал в Вильно. В 1942 году перешел с группой товарищей в оккупированный немцами Белосток. Был членом киббуца Тель-Хай в этом городе. Один из создателей подпольного архива "Дрора", известного под названием архива Мерсика – Тенненбаума (см). Умер от тифа в январе 1943 года в возрасте 27 лет.

МОРГЕНШТЕРН ИОХАНАН – уроженец Замосця. После оккупации Польши немцами был отправлен в трудовой лагерь в окрестностях Люблина. Освободившись из лагеря, попал в Варшаву и стал одним из организаторов "Поалей Цион ЦС" в подполье. Член ее Центра и представитель в Организации еврейской взаимопомощи. Член Еврейского национального комитета и член командования Еврейской боевой организации, ответственный за финансы. Вместе с группой товарищей вышел по канализационному тоннелю с территории мастерских Теббенса-Шульца на улицу Огородова на арийской стороне Варшавы. 6 мая 1943 года был схвачен гестапо и убит. Ему было 33 года.

МОРГЕНШТЕРН МЕИР — вместе с другими беженцами прибыл в Варшаву из Лодзи. Активист "Поалей Цион ЦС", поддерживал тесные связи с товарищами из "Дрора". Обстоятельства гибели неизвестны.

МУСЕЛЬМАН (РИСЕК) — уроженец Варшавы, член ППР, связной между арийской стороной и гетто. Участвовал в спасении бойцов из горящего гетто. 10 мая 1943 года, выйдя с Юреком Золотовым, тоже связным ППР, из кафе на Банковой площади, был задержан польскими полицейскими. Рисек и Золотов оказали сопротивление и бросили в полицейских гранату. На выручку полякам подоспели немцы, и оба подпольщика погибли в перестрелке. Полагают, что они стали жертвой предательства Владислава Гайека (см.). Рисеку было 18 лет.

НОЖИЦА ИЦХАК — уроженец Варшавы. Активист подпольного "Дрора". Член киббуца на Дзельной, 34. Находился в группе бойцов, направлявшихся в леса в окрестностях Хрубешува. По дороге был схвачен гестаповцами и убит. Было ему 20 лет.

ОЖЕХ МАУРИЦИ — один из главных руководителей Бунда в Варшавском гетто. Редактор подпольных изданий партии. В отличие от своего партийного товарища Авраама Блюма выступал против самостоятельных боевых действий еврейского подполья. Во время большой акции оставил гетто. Пытался перейти в Словакию, выдавая себя за подданного одной из южноамериканских республик; был схвачен немцами, заключен в тюрьму Павиак и расстрелян. Было ему около 50 лет.

ПАВЕЛ — см. **БРУСКИН ААРОН**.

ПЕРЛШТЕЙН ЛЕЯ — уроженка местечка Соколка. Учительница. Организатор подпольных ячеек "Хехалуца" и "Дрора" на территориях Гснерал-губернаторства.

Секретарь киббуца в Чернякове до его ликвидации в конце 1942 года. Действовала в качестве представителя Еврейской боевой организации на арийской стороне Варшавы. Во время январского восстания была схвачена немцами и депортирована в Трешлинку. Обстоятельства гибели неизвестны. Ей было около 30 лет.

ПИНКЕРТ — владелец похоронного бюро в Варшаве. Его служащие использовали свое право выходить за стены гетто (кладбище находилось на арийской стороне), чтобы доставлять в гетто продукты для спекуляции. Во время апрельского восстания активно помогали бойцам гетто, осуществляя связь между ними и представителями Еврейской боевой организации на арийской стороне. После подавления восстания небольшой группе погребальщиков удалось добраться до леса на берегу Буга. Впоследствии все они были ограблены и убиты, одни бойцами Армии Крайовой, другие немцами.

ПЛОТНИЦКАЯ ФРУМКА — уроженка местечка Плотница под Пинском. Выдающийся деятель и воспитатель халуцианского движения. В начале войны перевела группу молодых евреев, уроженцев Германии, из Грохува в убежище на Волыни. Вернувшись в Варшаву, организовала киббуц-хахшара на Дзельной, 34 — первый киббуц на оккупированных немцами территориях. Развернула энергичную деятельность по оказанию помощи нуждающимся. С первых месяцев оккупации Польши активно участвовала в создании ячеек халуцианского движения. По заданию "Дрора" посетила многие города и области Польши, в том числе Белосток, Вильно, города Полесья, Волыни и территории, присоединенные к Рейху, где помогала наладить халуцианскую работу в подполье. Во время большой акции в Варшавском гетто находилась на арийской стороне в качестве представителя Еврейской боевой организации. В сентябре 1942 года была направлена в Бендзин — Сосновец (на территории Рейха) с заданием

организовать там вооруженное сопротивление. По предложению товарищей должна была попытаться пробраться в Эрец-Исраэль и доставить миру живое свидетельство борьбы и гибели еврейского народа, но отказалась оставить Польшу из опасения, что это может быть расценено как желание спасти собственную жизнь. Погибла при обороне бункеров в Бендзине 3 августа 1943 года в возрасте 29 лет.

Ее переписка с сестрой опубликована в книге "Ханча и Фрумка" (на иврите).

ПЛОТНИЦКАЯ ХАНЧА (сестра Фрумки) — уроженка местечка Плотница под Пинском. Одна из руководителей организаций "Хехалуц" и "Дрор". В ноябре 1939 года была направлена во Львов, в то время центр молодежного сионистского движения на территориях, занятых Советским Союзом. После возвращения в Варшаву активно содействовала организации и расширению подпольного движения. Работала в Грохове, затем, с начала 1942 года, — в Бендзине. По решению командования собиралась оставить оккупированную немцами Польшу, чтобы доставить свободному миру свидетельства об уничтожении еврейского народа. В марте 1943 года прибыла в Варшаву за последними указаниями и инструкциями. Во время апрельского восстания бойцы Эдек Гимельфарб, Ханох (Генек) Кляйнвайс из "Гордони" и Меир Шварц из Бунда пытались вывести ее на арийскую сторону. Была схвачена немцами и убита. Ей было 25 лет.

ПЛОТНИЦКИЙ ГЕРШЛ — родился в Пинске. Младший брат Ханчи и Фрумки. Наладил деятельность "Дрора" на территориях, занятых Советским Союзом. В дальнейшем — руководитель "Дрора" в Полесском округе. Обстоятельства гибели неизвестны. Было ему около 22 лет.

ПРАШКЕР ЯКОВ — уроженец Лодзи. Организатор и активный деятель подпольного молодежного движения

”Ханоар хациони”. Создал киббуцные мастерские на улице Лешно. Представитель ”Ханоар хациони” в Еврейском координационном комитете. Командир отрядов Еврейской боевой организации. Во время апрельского восстания сражался на территории щеточных мастерских. Погиб в возрасте 30 лет.

РАЙЗБАНД ААРОН — прибыл в Варшавское гетто вместе с другими беженцами. Член киббуца Черняков. Обстоятельства гибели неизвестны.

РАЙНГЕВИРЦ МОНЕК — уроженец Радомско, жил в Лодзи. Во время войны перебрался в Варшаву. Активист киббуца на ул. Дзельной, 34, член подпольного ”Дрора”. Во время большой акции в гетто вместе с группой бойцов был направлен в леса Хрубешува. Убит немцами. Было ему 26 лет.

РАТХАЙЗЕР-РОТЕМ СИМХА (КАЗИК) — уроженец Варшавы. Член организации ”Акива”. Главный связной Еврейской боевой организации на арийской стороне. Во время апрельского восстания сражался в отряде Ханоха Гутмана (см.) сначала на территории щеточных мастерских, затем — в центральном гетто. С 29 апреля — представитель гетто в командовании Еврейской боевой организации на арийской стороне. Пытался организовать помощь борцам гетто. 8 мая вернулся в центральное гетто во главе спасательной группы и вывел бойцов по канализационному тоннелю на улицу Проста. Участвовал в польском восстании 1944 года. В январе 1945 года вместе с Иреной Гельблюм был направлен руководством Армии Людовой в Люблин с целью установить контакты с Временным польским правительством. В настоящее время живет в Израиле.

РИНГЕЛЬБЛЮМ ИМАНУЭЛЬ — уроженец местечка Бучач (Галиция). Историк. Принадлежал к левому крылу партии ”Поалей Цион”. Один из руководителей еврейского подполья в Варшавском гетто, деятель

Организации еврейской взаимопомощи. Принимал участие в создании домовых комитетов. Был лектором на подпольных семинарах организаций "Хашомер хацаир" и "Дрор". Активно участвовал в работе организации по распространению еврейской культуры. Инициатор создания подпольного архива гетто "Онег шаббат", известного также под названием архива Рингельблюма. Сторонник идеи вооруженного сопротивления. Составлял сводки событий с целью привлечь внимание мировой общественности к происходящему в гетто. Доверенное лицо Еврейского национального комитета и Еврейской боевой организации. Во время апрельского восстания был депортирован в лагерь Травники под Люблином. Направленные Еврейским национальным комитетом Эмилька Косовер и поляк Теодор Паевский сумели вернуть его в Варшаву и укрыть у садовника-поляка Мечислава Вольского. Продолжал собирать материалы о гибели польского еврейства. 7 марта 1944 года в результате доноса был схвачен вместе с остальными обитателями бункера, в котором скрывался, и заключен в тюрьму Павиак, а затем расстрелян вместе с женой и маленьким сыном в одном из дворов на улице Дзельной. Было ему 44 года.

Его записи, сделанные в гетто, опубликованы на языке идиш под названием "Ксовим фин гетто" ("Записки из гетто"). Часть созданного им подпольного архива после освобождения была обнаружена в бидонах из-под молока и в настоящее время хранится в Еврейском историческом институте в Варшаве.

РИСЕК — см. МУСЕЛЬМАН.

РИСЯ — фамилия неизвестна. Уроженка Конины. После захвата Польши немцами изгнана из Конины в Островец. Активистка "Дрора" в подполье. Вместе с другими беженцами прибыла в Варшаву в конце 1942 года. Связная Еврейской боевой организации и "Дрора". В конце декабря 1942 года была направлена в Краков, в помощь немногим уцелевшим после нападения на

немецкое кафе еврейским бойцам. Затем некоторое время работала на арийской стороне Варшавы, но была отозвана в гетто, ибо в тот период немцы проводили массовые облавы на поляков-подпольщиков. 18 января 1943 года была схвачена и, по-видимому, депортирована в Трешлинку. Обстоятельства гибели неизвестны.

РОЗЕНФЕЛЬД МИХАЭЛЬ — выпускник Варшавского университета. Проживал во Львове. После нападения Германии на Советский Союз прибыл в Варшаву. Активист ППР, член командования Еврейской боевой организации. Во время апрельского восстания сражался в центральном гетто. Находился в группе бойцов, вышедших по канализационному тоннелю на арийскую сторону и затем доставленных в рощу Ломянки. Сражался в партизанском отряде в лесах Вишкова. Пал в бою с немцами. Было ему 30 лет.

РОТБЛАТ ЛЮТЕК (ЛЕЙБ) — уроженец Варшавы. Один из организаторов и руководителей подпольного движения "Акива". Во время большой акции прятал вместе со своей матерью Марией (см.) в подвале на улице Мыльна 80 сирот, заботился об их пропитании и безопасности. Между январем — апрелем 1943 года по поручению Еврейской боевой организации занимался приобретением оружия в гетто. Накануне апрельского восстания был назначен командиром формирующегося отряда "Акива". 8 мая 1943 года находился вместе с матерью в бункере на ул. Мила, 18, который был обнаружен немцами и подвергся газовой атаке. Не видя другого выхода, застрелил мать и покончил с собой. Было ему около 25 лет.

РОТБЛАТ МАРИЯ (МИРЬЯМ) — мать Лютека (см.). Социальный работник варшавского муниципалитета и заведующая детдомом. Одна из немногих воспитательниц, которым во время большой акции удалось спасти часть своих питомцев. Большинство этих детей погиб-

ло впоследствии, по-видимому, во время январского восстания. 8 мая 1943 года находилась вместе с сыном в бункере на ул. Мила, 18.

РУБИН МОШЕ — уроженец Берлина. В 1938 году был депортирован из Германии в Польшу. Находился в молодежной группе в Грохове. Активист "Дрора" в Варшаве. Во время большой акции сумел наладить фабрикацию фальшивых рабочих удостоверений. Боец Еврейской боевой организации. В дни апрельского восстания сражался в отряде Зхарьяху Артштейна (см.). Обстоятельства гибели неизвестны.

РУБИНЧИК МОШЕ — уроженец Новосребжия (Полесье). Активист "Дрора" в Варшавском гетто. Один из организаторов сельскохозяйственной фермы в Грохове. Боец Еврейской боевой организации. Руководил партизанской базой в Вербковице в окрестностях Хрубешува. Погиб вместе со всеми бойцами своего отряда 3 сентября 1942 года в возрасте 25 лет.

РУМКОВСКИЙ МОРДЕХАЙ ХАИМ — председатель юденрата Лодзинского гетто (официальное звание: "Старейший еврей гетто Лицманштадта"). Сотрудничал с немцами вплоть до ликвидации гетто. 30 августа 1944 года был депортирован в Освенцим вместе со всеми членами своей семьи и там убит.

САМЕТ РУДОЛЬФ — житель Гданьска, в начале войны депортирован в Варшаву. Активист "Дрора" в подполье. Сотрудничал с Еврейской боевой организацией. Передавал ценные сведения о происходящем в шопе (мастерской) Теббенса, где его отец руководил производством. Помогал разоблачать предателей, выявлять евреев, разбогатевших от экономического сотрудничества с немцами. Обстоятельства гибели неизвестны.

СВИТАЛЬ СТАНИСЛАВ — польский врач, руководил больницей в Бернерово под Варшавой. Организовал

спасение бойцов Еврейской боевой организации, которые после подавления польского восстания шесть недель прятались в развалинах. Рискуя своей жизнью и жизнью своих помощников, госпитализировал еврейских бойцов в одной из палат больницы. Чтобы избежать посещения этой палаты агентами гестапо, вывесил на ее дверях плакат: "Осторожно! Тифозные больные". Заботился о безопасности и материальных нуждах бойцов, пока они не были укрыты в разных местах под Варшавой. Имя Свиталья включено мемориальным институтом "Яд ва-Шем" в Иерусалиме в списки праведников народов мира.

СКУЧКОВСКИЙ ШЛОМО ДАВИД — активист организации "Хехалуц хамизрахи" в Варшавском гетто. Представитель этой организации в Еврейском координационном комитете. Исчез во время большой акции.

СПЫХАЛЬСКИЙ МАРИАН — поляк. По образованию архитектор. Один из организаторов деятельности ППР в подполье в январе 1942 года. Первый начальник штаба Гвардии Людовой. После войны — мэр Варшавы и заместитель министра национальной обороны. В 1946 году, после погрома в Кельце, распорядился открыть границы Польши для эмиграции евреев. Тогда же разрешил использовать один из портов Польши для нелегальной алии в Эрец-Исраэль (этот план не удалось осуществить). В 1949 году был арестован и заключен в тюрьму вместе с Владиславом Гомулкой и другими. После освобождения — министр обороны, маршал и председатель Государственного совета. Впоследствии отстранен от власти.

СТАШЕВСКИЙ — преподаватель нелегальной гимназии "Дрора" в Варшаве. Обстоятельства гибели неизвестны.

СУДОВИЦ ИСРАЭЛЬ — агроном. Возглавлял общество по распространению земледелия среди евреев ("Топороль"). В Варшавском гетто помогал организовать профессиональную подготовку молодежи, старался использовать каждый клочок земли для выращивания овощей. Во время большой акции был депортирован в Трешлинку, где попал в рабочий отряд. Создал боевую группу из числа заключенных. Один из командиров восстания 2 августа 1943 года. Погиб в сражении.

ТЕББЕНС ВАЛЬТЕР ЦЕЗАРЬ — немец, фабрикант. Владел мастерскими в Варшавском гетто на улицах Лешно и Проста. Использовал рабский труд еврейских рабочих. 12 марта 1943 года, после январского восстания, был назначен гражданским уполномоченным по "мирной" депортации евреев Варшавы в лагеря Понятов и Травники, где в ноябре 1943 года они были уничтожены. После войны скрылся, чтобы избежать суда. По непроверенным сведениям погиб в автокатастрофе.

ТЕНЕНБОЙМ (ТЕНЕНБЛАТ) — секретарь Альфреда Авраама Штольцмана (см.).

ТЕННЕНБАУМ МОРДЕХАЙ (ТАМАРОВ) — уроженец Варшавы. В начале войны прибыл в Вильно. Активист подпольного "Дрора". Весной 1942 года вернулся в Варшаву. Один из организаторов антифашистского блока и редактор его печатного органа "Дер руф" ("Зов"). Член редколлегии органа "Дрора" на языке идиш "Иедиес" ("Вести"). Во время большой акции в Варшавском гетто находился в качестве представителя Еврейской боевой организации на арийской стороне. В конце 1942 года по заданию организации выехал в Белосток, где объединил различные подпольные группы для совместной борьбы. Командир Еврейской боевой организации Белостока. Вместе с Цви Мерском (см.) создал подпольный архив местного гетто.

Возглавил восстание 17 августа 1943 года, после подавления восстания застрелился. Было ему 27 лет.

Его литературное наследие — дневник, заметки, письма — было обнаружено в 1945 году в Белостоке в одном из тайников и опубликовано в книге "Далим мин хадлейка" ("Листки из пожарища") на иврите. Издание 1977 года. 2-е дополненное издание, включающее письма Тенненбаума к Бронке Виницкой, находившейся в то время на арийской стороне, — 1980 год.

ТОЛВИНСКИЙ СТАНИСЛАВ — поляк, архитектор, инженер-градостроитель. Сочувствовал коммунистам, во время оккупации был близок к ППР. Поддерживал идею еврейского сопротивления. После освобождения Польши — государственный деятель, мэр Варшавы.

ФАЙВИШЕС ИСРАЭЛЬ — композитор, дирижер. В начале войны перебрался из Лодзи в Варшаву. В гетто руководил хором "Дрора". Член комитета по оказанию помощи работникам искусства. Частый гость кибуца на Дзельной, 34. Во время апрельского восстания был депортирован в Понятов — лагерь уничтожения в окрестностях Люблина, где в ночь на 5 ноября 1943 года погиб вместе с 15000 варшавских евреев. Было ему 55 лет.

ФАЙГЕНБОЙМ ЛЕОН — инженер. Вместе с Иосефом Круком руководил левым крылом независимых социалистов, которое в тридцатые годы объединилось с партией "Поалей Цион ЦС". Во время войны — активист Организации еврейской взаимопомощи. Был близок к подпольному "Дрору". Погиб во время большой акции в Варшавском гетто.

ФИНКЕЛЬШТЕЙН-ЛЕВАРТОВСКИЙ ИОСЕФ — родился в Бяла Подляске. Активист "Поалей Цион", после раскола партии (1921 год) присоединился к коммунистам. Член ЦК Компартии вплоть до ее роспуска в 1938 году. В начале войны покинул Варшаву и пере-

брался в советский Белосток. Весной 1942 года вернулся в Варшаву. Восстановил ППР в гетто. Один из инициаторов создания антифашистского блока и сотрудник его печатного органа на языке идиш "Дер руф" ("Зов"). Призывал к вооруженному сопротивлению. Во время облавы в августе 1942 года был схвачен немцами в мастерских братьев Ландой (см.) и отправлен в Треблинку. По свидетельству Элияху Гутковского (см.), который тоже находился в числе депортируемых, но сумел спрыгнуть с поезда и вернуться в Варшаву, Финкельштейн-Левартовский до конца держался мужественно и призывал остальных не падать духом. Было ему 43 года.

ФИНКЕЛЬШТЕЙН МЕИР — уроженец Варшавы. Активист "Дрора". Боец Еврейской боевой организации в Варшавском гетто. 18 января 1943 года воевал в отряде "Дрора" на улице Заменгоф. При попытке прорваться сквозь немецкий заслон был тяжело ранен. Спустя два дня погиб в убежище на ул. Мила, 34. Было ему 22 года.

ФИРШТ ИСРАЭЛЬ — сотрудничал с юденратом и гестапо, был известен жестоким обращением с еврейскими рабочими. Приговорен к смерти Еврейской боевой организацией. 29 ноября 1942 года приговор был приведен в исполнение Давидом Шульманом, Берлом Бройдо (см.) и Сарой Гранатштейн (см.).

ФИШ ЛЕЯ — уроженка местечка Горохов на Волыни. Член киббуца Грохув. После непродолжительного пребывания в областях, занятых Советами, перешла на территорию Литвы и действовала в рядах "Дрора", объединившегося с Организацией сионистской халуцианской молодежи ("Нецах"). После присоединения Литвы к Советскому Союзу продолжала подпольную работу в восточных районах (Львов — Люблин — Ковель). В оккупированном немцами Львове была в центральной подпольной группе, пыталась создать

партизанскую базу в окрестностях Ковеля. На стене синагоги Ковеля обнаружена надпись с ее именем вместе с именами Давида Айзенберга (см.) и других казненных бойцов. Ей было 24 года.

ФИШЕЛЬЗОН АВРААМ МОРДЕХАЙ – родился в Варшаве. Член подпольного комитета "Поалей Цион ЦС" в Варшавском гетто. Один из организаторов общественных народных кухонь. Член военной комиссии антифашистского блока. В конце 1942 года депортирован в Трелинку. Было ему около 32 лет.

ФИШМАН ИЦХАК – уроженец Аннополя (под Люблином). Сражался в рядах польской армии. С середины сентября 1939 года и до начала 1940 года находился в немецком плену и в лагере для военнопленных евреев в Люблине. В марте 1941 года по решению Центра организации "Дрор" отправился в Словакию, затем через год перебрался в Венгрию. Был схвачен венграми и направлен в трудовые отряды. В марте 1944 года репатриировался в Эрец-Исраэль. Член киббуца Дафна.

ФОГЕЛЬМАН РАХЕЛЬ – уроженка местечка Ляховичи. Одна из создателей подпольного "Дрора" на территориях, отошедших к Советскому Союзу. Руководила движением в районе Белостока, затем – на Волыни и в Восточной Галиции. В период немецкой оккупации работала в Ковеле. Организатор вооруженного сопротивления. После провала попытки создать партизанскую базу на Волыни была вместе с товарищами арестована немцами.

На стене синагоги Ковеля обнаружена надпись с ее именем (см. Давид Айзенберг). Ей было 26 лет.

ФОЛЬМАН ВОЛЬФ ВЕВЕК (ВАЦЕК) – родился в Мехове, жил в Варшаве. Архитектор. Член "Поалей Цион ЦС". Член Гвардии Людовой. Действовал на арийской стороне Варшавы. В 1942 году вместе с женой и маленьким сыном оставил гетто и обосновал-

ся в Жолибоже, в квартире, которая служила местом встреч связных "Дрора", Еврейской боевой организации и членов Гвардии Людовой. Осуществлял контакты между "Дрором" и Гвардией Людовой и помогал приобретать оружие для гетто. В феврале 1943 года отправился с польскими партизанами в окрестности Радома. Погиб в бою с немцами в возрасте 29 лет.

ФОЛЬМАН МАРЕК — уроженец Мехова, жил в Варшаве. Выпускник Политехникума. Активист "Дрора", один из создателей подпольной гимназии этой организации. Редактировал издания "Дрора" на польском языке. В 1942 году был направлен в Заглембю (на территории Рейха). Вместе с Барухом Гафтеком (см.) опекал осиротевших детей в доме "Дрора". В декабре 1942 года вернулся в Варшаву. Во время январского восстания был схвачен немцами и депортирован в Трешлинку. По дороге прыгнул с поезда и вернулся в Варшаву. Некоторое время находился в представительстве Еврейской боевой организации на арийской стороне, затем сражался в рядах партизан в окрестностях Кельце. Когда вспыхнуло апрельское восстание, вернулся в Варшаву. Организовал спасение бойцов из горящего гетто и перевод их на партизанские базы в лесах. В июне 1943 года был направлен штабом Еврейской боевой организации в Ченстохове, где участвовал в обороне местного гетто. В дальнейшем перебрался в Бендзин и пытался создать партизанскую базу в Заглембии (эта попытка не удалась из-за предательства связного-поляка). При возвращении в Варшаву был опознан в Ченстохове на станции как еврей и расстрелян. Было ему 27 лет.

ФОЛЬМАН ХАВКА — уроженка Варшавы. Ученица подпольной гимназии "Дрора", связная "Дрора" и Еврейской боевой организации. В декабре 1942 года, находясь в Кракове, попала в руки гестапо. Выдала себя за польку. Была заключена в тюрьму Хельцлув, затем депортирована в Освенцим. После войны репатрииро-

валась в Израиль. Одна из основательниц киббуца Ло-хамей Хагеттаот.

ФОЛЬМАН ШОШАНА (подпольная кличка **ЯДВИГА**) — мать Вольфа, Марека и Хавки (см.). После гибели сыновей и ареста дочери обратилась в Еврейскую боевую организацию с просьбой принять ее в ряды борцов и разрешить сражаться вместо детей. Была связной на арийской стороне, участвовала в операциях по спасению евреев.

ФОНДАМИНСКИЙ ЭДУАРД (АЛЕКСАНДР) — инженер, активист ППР в Варшавском гетто. После депортации Иосефа Финкельштейна-Левартовского (см.) в Трешлинку — секретарь ППР и ее представитель в Еврейском координационном комитете. Погиб 8 мая 1943 года в бункере на ул. Мила, 18 в возрасте 33 лет.

ФРИДРИХ ЗИГМУНТ (ЗАЛМАН) — уроженец Варшавы, активист Бунда. Связной Еврейской боевой организации на арийской стороне Варшавы. Доставлял оружие в гетто. Во время апрельского восстания сражался на территории щеточных мастерских, а затем — в центральном гетто. 30 апреля вместе с Симхой Ратхайзером (см.) сумел выйти через тоннель, прорытый под улицей Мурановской, на арийскую сторону и связаться с представителем Еврейской боевой организации. Помог группе бойцов покинуть горящее гетто. В мае 1943 года в результате доноса был схвачен польской полицией в деревне под Варшавой, где пытался укрыть группу бойцов в доме одного из крестьян. Погиб в возрасте 32 лет.

ФРИМЕР (ГРИНШПАН) ХАИМ — уроженец Гневошува (Люблинское воеводство), жил в Варшаве. Активист организации "Акива" в Варшавском гетто. Боец Еврейской боевой организации. Во время апрельского восстания сражался в центральном гетто. Вышел на арийскую сторону по канализационному тоннелю.

Один из организаторов партизанской базы возле Вишкова. В районе реки Буг присоединился к группе советских партизан, которым удалось бежать из немецкого плена. В октябре 1945 года репатриировался в Эрец-Исраэль. Умер в 1972 году в возрасте 52 лет.

Его свидетельства о Катастрофе опубликованы в книге на иврите: "Мин хадлейка" ("Из пожара").

ФУРМАНОВИЧ ПЕСЯ — уроженка Замброва (Белостокский округ). Во время немецкой оккупации находилась в Варшавском гетто в киббуце на Дзельной, 34. Боец Еврейской боевой организации. Погибла вместе с другими товарищами, направлявшимися на партизанскую базу в леса Хрубешув, в возрасте 23 лет.

ФУХРЕР МИРА — родилась в Варшаве. Активистка организации "Хашомер хацаир", боец Еврейской боевой организации. Погибла 8 мая 1943 года в возрасте 23 лет вместе со своим другом Мордехаем Анелевичем (см.) в бункере на ул. Мила, 18.

ХАЗАН-ЯРИ БЕЛЛА — уроженка местечка Рожище. Активистка подпольного "Дрора" на территориях, присоединенных к Советскому Союзу, а затем в Генерал-губернаторстве и Белостокском округе. Связная "Дрора" в Гродно и Белостоке. Весной 1942 года при переходе границы в Генерал-губернаторство попала в руки гестапо. Была депортирована в Освенцим. В настоящее время проживает в Израиле.

ХАЙНСДОРФ МИРЬЯМ — родилась в Варшаве. Во время немецкой оккупации — одна из руководителей организации "Хашомер хацаир". Представитель этой организации в Еврейском национальном комитете и в Еврейском координационном комитете. Во время апрельского восстания сражалась в отряде Шломо Виногрона ("Хашомер хацаир") на территории мастерских Теббенса-Шульца. 29 апреля 1943 года оставалась в гетто со своим отрядом после выхода остальных

бойцов по канализационному тоннелю на арийскую сторону Варшавы. Обстоятельства гибели неизвестны. Было ей 30 лет.

ХЕЛЬФГОТ ИЕРАХМИЭЛЬ — уроженец Велюня. Сражался в рядах польской армии, был взят в плен, но сумел бежать. Весной 1940 года прибыл в Варшаву. Активист подпольного "Дрора", член киббуца на Дзельной, 34. Весной 1941 года вместе с группой товарищей перешел в Словакию, а затем перебрался в Венгрию. В Израиле член киббуца Дафна.

Его свидетельства о Катастрофе, написанные совместно с Ханой Гельбард-Фишман (см.), опубликованы на иврите в книге "Мибеин хомот Варша" ("В стенах Варшавы").

ЦЕЙТЛИН ГИЛЕЛЬ — уроженец местечка Корма под Могилевом (Белоруссия). Писатель, публицист, выдающийся общественный деятель польского еврейства. Отец поэта Аарона Цейтлина и прозаика Эльханана Цейтлина (см.).

В Варшавском гетто сблизился с Ицхаком Кацнельсоном (см.). Во время большой акции пошел на Умшлагплац, облачившись в талес. Погиб в возрасте 70 лет.

ЦЕЙТЛИН ЭЛЬХАНАН (младший сын Гилеля Цейтлина — см.) — родился в Рогачеве (Белоруссия). Писатель, редактор. В гетто занимался вопросами культуры, активно сотрудничал в Организации еврейской взаимопомощи. Умер от тифа в конце 1942 года в возрасте 40 лет. Его сын Давид, молодой одаренный поэт, был убит немцами.

ЦЕНТНЕРШВЕР МЕЧИСЛАВ — ассимилированный еврей. Профессор физики в университетах Риги и Варшавы. Член общественного комитета сельскохозяйственной фермы в Грохове. В гетто осознал свою принадлежность к еврейскому народу, сблизился со

многими членами Еврейской боевой организации, которые поддерживали его в дальнейшем, когда он скрывался на арийской стороне Варшавы. В результате доноса в 1944 году был арестован гестапо и убит. Было ему 70 лет.

ЦИГЕЛЬМАН ШЛОМО — до войны секретарь киббуца Тель-Хай в Белостоке. Весной 1940 года прибыл в Варшаву. Активист "Дрора". Организовал нелегальный переход польских евреев в Словакию. По заданию "Дрора" 15 ноября 1940 года перебрался в Словакию и создал в Бердиеве пункт по приему беженцев из Польши. Установил связи с активистами халуцианского движения в Братиславе и с посланцами Эрец-Исраэль в нейтральных странах. Проложенный им путь спасения Краков — Новый Сонч — Бердиев — Братислава служил всем халуцианским организациям. Весной 1942 года был выслан властями Словакии в Польшу и, по слухам, доставлен в город Хельм. Погиб в лагере смерти Белжец в возрасте 26 лет.

ЦУКЕР НЕША — уроженка Цеханува. Активистка "Дрора" в Белостоке. В начале 1940 года перебралась на территорию, оккупированную немцами. Во время апрельского восстания в Варшаве сражалась в отряде Берла Бройдо (см.). Погибла 8 мая 1943 года в возрасте 21 года в центральном бункере на улице Мила, 18.

ЦУКЕРМАН ИЦХАК (АНТЕК) — родился в Вильно. Один из руководителей "Хехалуца" и "Дрора" в подполье на территориях, занятых Советским Союзом. Редактировал подпольную газету "Дроп". С весны 1940 года работал на территориях, оккупированных немцами. Один из создателей Еврейской боевой организации, член командования, заместитель командира, член президиума Еврейского национального комитета. После гибели Мордехая Анелевича — командир организации. Во время январского восстания командовал от-

рядами, сражавшимися на улицах Заменгоф, Мила, Ставки. Перед апрельским восстанием был направлен на арийскую сторону для возобновления связи с польскими военными организациями. Во время польского восстания — командир отряда Еврейской боевой организации. В 1947 году репатриировался в Эрец-Исраэль. Один из основателей кибуца Лохамей хагеттаот и мемориального музея имени Ицхака Кацнельсона (см.). Составил (вместе с поэтом Моше Басоком) антологию на иврите "Мэрэд хагеттаот" ("Восстания в гетто"). В книге помещен его отчет о создании Еврейской боевой организации. Умер в 1981 году в возрасте 66 лет.

ЧЕРНЯКОВ АДАМ — уроженец Варшавы. Инженер. Глава юденрата Варшавского гетто. Надеялся, что его положение позволит ему облегчить участь варшавских евреев, однако вскоре осознал свое бессилие. В начале большой акции, узнав от немецких властей о плане полного уничтожения гетто и не желая в нем участвовать, покончил жизнь самоубийством. По слухам, сотрудники юденрата скрыли завещание, написанное им перед смертью. Похоронен на кладбище на улице Генша.

Личность А.Чернякова стала примером коллаборационизма "с добрыми намерениями". Еврейское подполье считало, что даже самоубийство не снимает с него вины в сотрудничестве с немцами.

Дневник А.Чернякова, написанный по-польски (6 сентября 1939 года — 23 июля 1942 года), был опубликован на иврите, а затем частично по-английски.

ЧУДНЕР МЕИР — преподаватель, поэт, редактор ивритских периодических изданий. В Варшавском гетто был связан с организацией "Дроп". Погиб вместе с семьей во время большой акции. Было ему 54 года.

ШАРФШТЕЙН МОШЕ — уроженец Варшавы. Активист "Дрора". После ликвидации кибуца-хахшара в Чернякове перебрался в Варшавское гетто. Член Еврейской

боевой организации. Во время апрельского восстания сражался в отряде Берла Бройдо (см.). Выбрался через канализационный тоннель на арийскую сторону. Погиб 24 мая 1943 года во время пожара на целлулоидной фабрике в возрасте 23 лет.

ШВАЙГЕР ИНКА — уроженка Варшавы. Дочь Бат-Шевы, руководившей женской ивритской гимназией "Иехудия" в Варшаве, и педагога и писателя Ицхака Швайгера, проживавшего к тому времени в Эрец-Исраэль. Была врачом еврейской больницы в гетто. Связная Бунда и Еврейской боевой организации. Подыскивала конспиративные квартиры на арийской стороне, доставала фальшивые документы. Участвовала в спасении бойцов Еврейской боевой организации, прятавшихся в развалинах Варшавы после подавления польского восстания. В настоящее время живет в Польше.

ШВАРЦ МЕИР — уроженец Варшавы, член Бунда. Боец Еврейской боевой организации в Варшавском гетто. Связной на территории мастерских Теббенса-Шульца. Состоял в "веркшутце" (охране мастерских). В дни апрельского восстания поддерживал связь между сражавшимися отрядами. Был ранен при попытке вывести Ханчу Плотницкую (см.) из гетто. 29 апреля 1943 года вместе с другими бойцами вышел через канализационный тоннель на арийскую сторону. Нашел убежище вместе с Иохананом Моргенштерном (см.) — на улице Огородова, 29. После того, как оно было обнаружено, бежал и несколько дней прятался в развалинах. Был подобран связным Еврейской боевой организации и доставлен на целлулоидную фабрику в пригороде Варшавы — Праге. Во время пожара 24 мая сумел выбраться из окруженного немцами здания и добраться до одного из соседних домов, где хозяйка, полька, спрятала его в платяном шкафу. Агенты гестапо устроили в ее квартире обыск, во время которого Шварц скончался от разрыва сердца. Ему было 27 лет.

ШВАРЦ ШЕЙНДЛЕ — уроженка Ковеля, одна из главных связных подпольного "Дрора" на территориях, присоединенных к СССР. Была арестована и заключена в тюрьму в Луцке. В июне 1941 года, когда Луцк был захвачен немцами, воспользовалась царившей в городе суматохой и бежала из тюрьмы. Возродила деятельность подпольного "Дрора" в оккупированном немцами Ковеле. Вместе с товарищами пыталась организовать партизанскую базу в окрестностях города, была схвачена немцами и казнена в возрасте 23 лет. После освобождения Ковеля частями Красной Армии на стене местной синагоги была обнаружена надпись, под которой среди других значилось также и ее имя. (См. Давид Айзенберг.)

ШЕРИНСКИЙ (ШЕЙНКМАН) ЮЗЕФ АНДЖЕЙ — выкrest, перед войной — офицер польской полиции. В Варшавском гетто возглавлял орденунгсдинст (еврейскую полицию). Был арестован немцами за контрабандную переброску товаров на арийскую сторону, но во время большой акции освобожден и снова поставлен во главе полиции. Отличался крайней жестокостью. 20 августа 1942 года член Еврейской боевой организации Исраэль Канал (см.) совершил покушение на Шеринского и ранил его. С тех пор Шеринский жил в постоянном страхе перед возмездием. Во время январского восстания покончил жизнь самоубийством.

ШИПЕР-РУФАЙЗЕН ХЕЛА — уроженка Кракова. Активистка движения "Акива". Весной 1941 года была направлена в Варшаву. Представляла свою организацию в Еврейском координационном комитете. Боец Еврейской боевой организации. Осуществляла контакты между гетто Варшавы и Кракова. Во время апрельского восстания сражалась в центральном гетто. Сумела выйти через канализационный тоннель на арийскую сторону. Заручившись фальшивыми документами, попала в лагерь для иностранных подданных в Берген-Бельзене. В настоящее время живет в Израиле.

ШИФРА — фамилия не установлена. Член организации "Хашомер хацаир". По имеющимся сведениям перед восстанием была направлена на арийскую сторону с поручением написать хронику страданий и гибели остатков варшавского еврейства. Была захвачена польскими полицейскими во время пожара на целлулоидной фабрике, передана немцам и погибла от пыток.

ШКЛЯР РУТ — уроженка Варшавы. Ученица подпольной гимназии "Дрора". Активно участвовала в работе школьных кружков и варшавского отделения "Дрора". Боец Еврейской боевой организации. Во время большой акции находилась в отряде, поджигавшем опустевшие после депортации дома. Вместе с товарищами по отряду направлялась на базу в Вербковице возле Хрубешува, была схвачена немцами и убита. Было ей 19 лет.

ШМЕРЛИНГ МЕЧИСЛАВ — ассимилированный еврей. Один из самых жестоких офицеров ордунгсдинста (еврейской полиции в гетто). Во время большой акции был начальником Умшлагплаца. Еврейская боевая организация приговорила его к смерти. Приговор пытался привести в исполнение Ханох Гутман (см.), однако покушение не удалось.

ШМИДТ АНДЖЕЙ (настоящее имя — Картин Пинкус) — уроженец города Луцк. Участник гражданской войны в Испании, боец интернациональной бригады имени Ярослава Домбровского. В начале войны прибыл в Советский Союз; в декабре 1941 года был сброшен на самолете на территорию Генерал-губернаторства. Прибыл в Варшаву весной 1942 года. Вместе с Финкельштейном-Левартовским (см.) создал в гетто филиал подпольной ППР и был одним из инициаторов создания антифашистского блока. Возглавлял его военный отдел. В результате предательства одного из подпольщиков-поляков 30 мая 1942 года был арестован гестапо при попытке переправить из гетто на

арийскую сторону печатную машину. Погиб в возрасте 30 лет.

ШНАЙДЕРМАН (ШНАЙДМАН) РЕГИНКА — родилась в Варшаве. Член подпольной организации "Хашомер хацаир". Связная Еврейской боевой организации. Была схвачена гестапо, когда после ареста Иосефа Каплана (см.) и убийства Шмуэля Браслава (см.) переносила в новое тайное убежище то небольшое оружие, которое имелось в распоряжении Еврейской боевой организации. Была заключена в тюрьму Павиак, где подверглась жестоким пыткам, о чем впоследствии сообщила еврейка, иностранная подданная, освободившаяся из этой тюрьмы. Дата гибели неизвестна.

ШНАЙДЕРМАН ТЭМА — уроженка Варшавы. Член "Дрора" и Еврейской боевой организации. Поддерживала связь между подпольными организациями, действовавшими в различных областях Польши — на территориях, присоединенных к Рейху, в Генерал-губернаторстве, Остланде, а также на Украине. В начале войны прибыла вместе со своим другом Мордехаем Тенненбаумом (см.) в Вильно. После оккупации города немцами вернулась в Варшаву и первая сообщила о массовом уничтожении евреев в Понарах. Сопровождала Фрумку Плотницкую (см.) в ее поездках. Некоторое время пробыла в Белостоке, а оттуда в январе 1943 года была направлена в Варшаву. 18 января, когда началось восстание, была схвачена немцами и депортирована в Трешлинку. Обстоятельства гибели неизвестны. Было ей 25 лет.

ШНАЙДМИЛЬ БЕРЕК (АВРААМ ШМУЭЛЬ) — уроженец Лодзи, член Бунда. В начале войны перебрался в Вильно, затем вернулся в Варшаву. Член Центра своей партии. Представитель Бунда в штабе Еврейской боевой организации (в дальнейшем был замещен Марком Эдельманом — см.). Во время апрельского

восстания находился в центральном гетто, погиб в боях на Францишканской улице в возрасте 40 лет.

ШПРИНГЕР ГЕРШЛ — уроженец Вольброма. Один из ведущих деятелей халуцианского подполья в Верхней Силезии, присоединенной к Рейху. Боролся всеми средствами с деятельностью юденрата. Был в числе организаторов нелегального перехода евреев в Словакию. Создал Еврейскую боевую организацию в Бендзине и был членом ее командования. После ликвидации в городе "Дома сирот" организовал вместе с Барухом Гафтеком (см.) убежище для осиротевших детей. В июне 1943 года был депортирован в Освенцим, но вместе с несколькими товарищами спрыгнул с поезда. Погиб 10 августа 1943 года.

ШТЕНГЕЛЬ МОНЕК — уроженец Варшавы. Ученик подпольной гимназии "Дрора". Боец Еврейской боевой организации. Вместе с группой товарищей пытался добраться до партизанской базы "Дрора" в Вербковице. Был ранен в столкновении с немцами и вернулся в Варшаву. Во время апрельского восстания сражался в центральном гетто в отряде Ицхака Блойштейна (см.). Погиб в бункере на ул. Мила, 18 в возрасте 17 лет.

ШТОЛЬЦМАН АЛЬФРЕД (АВРААМ) — инженер. Прибыл в Варшаву из Влоцлавека вместе с другими беженцами. Член юденрата в течение всего периода его существования. Выступал с клеветническими измышлениями в адрес Еврейской боевой организации и убеждал представителей Армии Крайовой, что члены этой организации грабители, а не борцы за свободу, и поэтому не следует поддерживать их и снабжать оружием. Во время апрельского восстания был убит немцами вместе с другими членами юденрата.

ШУЛЬЦ КАРЛ ГЕОРГ — немец, владелец шопы (мастерской) в Варшавском гетто (до войны — текстильная фабрика, принадлежавшая Брауну и Ровинскому).

После большой акции этот шоп был переведен на улицу Огородова и оказался за пределами гетто.

ШУЛЬЦ ФРИЦ — немец, промышленник из Гданьска. Наряду с Теббенсом — владелец самых крупных в Варшавском гетто шопов (мастерских). В сентябре 1941 года у него работало 150 человек; во время большой акции за взятки оформил на работу десятки тысяч человек; его предприятия были расширены за счет ликвидации еврейских фабрик и мастерских. После январского восстания помогал Теббенсу в отправке евреев из гетто в лагеря уничтожения "мирным" путем. Во время апрельского восстания рабочие мастерских Теббенса-Шульца были вывезены в лагерь Травники и там убиты в начале сентября 1943 года.

ШУСТЕР ШЛОМО (ШЛЕМЕК) — уроженец Прушкува. Прибыл в Варшавское гетто с потоком беженцев. Член "Дрора" и боец Еврейской боевой организации. Связной на территории мастерских Теббенса-Шульца. Во время апрельского восстания сражался в отряде Хануха Гутмана (см.) на территории щеточных мастерских, а затем — в центральном гетто. Утром 10 мая 1943 года был направлен на ул. Проста с заданием собрать у выхода из канализационного тоннеля всех бойцов, которые дожидались в боковых ответвлениях тоннеля. В тот же день погиб, пытаясь пробраться на арийскую сторону. Было ему 17 лет.

ЭДЕЛЬМАН МАРЕК — уроженец Варшавы. Активист подпольной молодежной организации "Цукунфт" ("Будущее"), примыкавшей к Бунду. Член командования Еврейской боевой организации. Командовал отрядами, сражавшимися на территории щеточных мастерских. Во время апрельского восстания во главе своих отрядов прорвался в центральное гетто. Вместе с группой бойцов вышел по канализационному тоннелю на арийскую сторону Варшавы. Воевал в отряде Еврейской боевой организации во время польского вос-

станции (август 1944 года) в Старом городе и в пригороде Жолибож. В настоящее время живет в Польше.

Его свидетельства о Катастрофе опубликованы в книге "Сражающееся гетто" по-польски и переведены на несколько языков.

ЭЙГЕР АВРААМ — происходит из семьи известного талмудиста рабби Акивы Эйгера. В начале войны с потоком беженцев из Познани попал в Островец. Вступил в ряды местного "Дрора" и Еврейской боевой организации. В конце 1942 года прибыл вместе с товарищами по организации в Варшаву. Во время апрельского восстания воевал в отряде Ханоха Гутмана (см.). 1 мая был ранен. Не обращая внимания на призывы немцев сдаться и обещание сохранить ему жизнь, продолжал сражаться и погиб в бою в возрасте 20 лет.

ЭНТИН ШЛОМО — уроженец местечка Дрохичин (под Пинском). В начале войны прибыл в Вильно. Возглавил организацию "Ханоар хациони" ("Сионистская молодежь"). Представлял эту организацию в Координационном халуцианском комитете. Один из инициаторов вооруженного сопротивления. В конце 1941 года прибыл вместе с халуцианской делегацией в Варшаву и довел до сведения еврейской общественности факты массового уничтожения евреев в Понарах. Во время второй поездки из Вильно в Варшаву, в апреле 1942 года, в Малкине, где обычно осуществлялся переход в Генерал-губернаторство, был схвачен и брошен в тюрьму Павиак. Все попытки освободить его ни к чему не привели. Полагают, что он погиб во время большой акции в Варшаве. Было ему 26 лет.

ЭРЛИХМАН-БАНК СУИКА (САРА) — уроженка Люблина. Связная "Гордонии". Была арестована и как полька отправлена в трудовой лагерь в Германию. В настоящее время живет в Израиле. Ее сестра Хана, активистка "Гордонии", погибла в Трешлинке во время большой акции. Ее деверь Исраэль Зельцер,

один из руководителей "Гордони", был убит вместе с Иосефом Капланом (см.) в тюрьме Павиак 11 сентября 1942 года.

Свидетельства Эрлихман-Банк о Катастрофе опубликованы на иврите в книге "Бидэй тмэйим" ("В руках нечестивых").

ЮЗВЯК ФРАНЦИШЕК (ВИТОЛЬД) — поляк, один из ветеранов компартии Польши. Во время немецкой оккупации вместе с товарищами возродил деятельность ППР в подполье. Начальник штаба Гвардии Людовой, а затем Армии Людовой. После освобождения Польши был назначен начальником милиции. Узнав о погроме в Кельце, распорядился выдать еврейской молодежи оружие для самообороны. В дальнейшем — член Государственного Совета и заместитель премьер-министра. Умер в 1966 году.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Печаль встречи	7
В советской зоне	9
В немецкой зоне	13
Сохранить человеческое достоинство	28
В тисках	37
Ицхак Кацнельсон	49
Наша гимназия	54
Связные	58
Понары и Хелмно	66
Призыв к сопротивлению	73
Большая акция	79
Создание Еврейской боевой организации	89
Первые вооруженные действия	105
Действия в Кракове	111
Восстание в январе 1943 года	117
Между двумя восстаниями	129
Большое восстание — апрель 1943 года	143
Бункер на улице Мила, 18	152
Последние на посту	159
Среди развалин	168
Последняя надежда	175
Как оборвалась жизнь храбрейших	184
В тоннелях	195
В двойном подполье	209
Польское восстание	214
Секрет силы нашего движения	222
Именной указатель	231

ГОТОВЯТСЯ К ВЫПУСКУ:

Ада Серени. **КОРАБЛИ БЕЗ ФЛАГОВ.**

Пер. с иврита.

Автор книги — очевидица и участница событий — живо и рельефно повествует о периоде "нелегальной иммиграции" с берегов Италии в Эрец-Исраэль. Наряду с приключенческим задором, звучит глубокий трагизм в описании Катастрофы европейского еврейства и борьбы в подмандатной Палестине.

Эли Визель. **ЛЕГЕНДЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.**

Пер. с французского.

Тема двух повестей — "Легенды нашего времени" и "Иерусалимский нищий" — отношения между человеком и Богом. Герои Визеля — евреи, а время действия — современность. Неразрешимая загадка Катастрофы заставляет заняться поиском новых ответов на извечные вопросы бытия.

Я СЕБЯ ДО КОНЦА РАССКАЗАЛА. Сборник стихов израильских поэтесс. Пер. с иврита.

Читатель найдет в этом сборнике стихотворения виднейших поэтесс в литературе на иврите. Он познакомится с поэзией Рахель, Л. Гольдберг, Э. Раб и И. Бат-Мирьям, М. Ялан-Штекелис, А. Амир, Зелды, Д. Равикович, Р. Мириам, Х. Харехави.